

ДЬЯВОЛ В ОГАМО

ДАРЬЯ ЛОЛАТИН

Дебютный остросюжетный триллер о странной девушке, сбежавшей из секты, и ее жизни в новой семье. Основано на реальных событиях.

Вернувшись домой из школы, пятнадцатилетняя Джулс Матис застаёт там незнакомку. Мать девушки работает в больнице и поясняет, что Мэй — одна из ее пациенток, которая поживет с ними пару дней. Но вскоре Мэй начинает носить одежду Джулс и спать в ее спальне, выполнять работу в школьной газете и даже целуется с ее парнем. Позже все становится еще запутаннее.

Увидев полураздетую Мэй, Джулс поражает вырезанная на спине девушки пентаграмма. Некоторое время спустя на крыльце находят белые розы, одну из сестер Джулс кусает бешеная собака, а родители, до этого момента жившие в мире, ссорятся за закрытыми дверями.

Собрав все воедино, Джулс выясняет, что Мэй, вероятно, сбежала из странной секты, захватившей соседний город. И чтобы ее вернуть, они ни перед чем не остановятся.

Переводчик: Карина Курбатская

Редакция и оформление: Катерина Сорокина и Маргарита Волкова

Обложка: Мария Гридина

Часть первая

Пролог

Сняв больничный халат с лежавшей без сознания девочки, медсестра побледнела: на фарфоровой коже подростка были кровоточащие красные порезы. Раны уже начали затягиваться и трескались. Темно-бордовые линии были точными и прямыми. Девушка не могла сделать это сама.

Кто-то сделал это с ней.

Медсестра смотрела на пересечения линий. Царапины образовывали пятиконечную звезду. Вокруг нее был выгравирован круг.

Знак Сатаны.

Медленно и осторожно медсестра сменила тонкое хлопковое белье. Дрожащей рукой она достала мобильный и попятилась назад по линолеуму, словно отталкивая пострадавшее тело девушки. На больничном этаже обычно запрещалось пользоваться сотовыми телефонами, но данный случай походил на чрезвычайную ситуацию.

Когда человек на другом конце провода ответил, медсестра прошептала:

— Тебе лучше поспешить.

Глава 1

Мир ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе

Эрнест Хемингуэй «Прощание с оружием»

Кукурузные хлопья походили на одинокий остров в полупрозрачном море двух процентного молока. Наблюдая за плавающими хлопьями через камеру телефона, я

задавалась вопросом — почему намкнув, они никогда не опускаются?

Мой телефон плохо снимал крупный план, поэтому мне была нужна новая, настоящая камера. Я смогла бы добавить фильтр на снимок, если мне все-таки удалось бы запечатлеть удачный кадр.

— Никаких телефонов за столом, — напомнила мне младшая сестра Даниэль, оторвавшись от своей тарелки с хлопьями.

Ей было одиннадцать, и она ябеда. Но она права: нашей маме не нравилось, когда мы разговаривали, писали или фотографировали за столом, но этот снимок должен был получиться идеальным.

ЩЕЛК.

Я выражала протест миру, по-своему.

Этот снимок был частью того, что я называла серией. Коллекция снимков, которую я собирала для подачи заявки на начинающуюся следующим летом программу по цифровой фотографии в Чикагском Институте Искусств. Хотела придать значимость повседневным моментам, которые мы воспринимаем как должное, проанализировать то, что мы принимаем как само собой разумеющееся.

Глаза Дэни сощурились. Мне не хотелось признавать ее победу, но начинать борьбу было рано. Я сунула телефон обратно, в карман винтажных вельветовых штанов, которые выиграла в «Гудвилле», и уставилась на нее. Интересно, осмелится ли она пожаловаться маме?

Дэни вернулась к листанию журнала «InStyle», больше не пререкаясь.

— Я приеду, как только смогу. Спасибо, Конни.

У моей матери было странное выражение лица, когда она закончила разговор. Она не умела скрывать свои чувства. Это была черта, которая, к сожалению, передалась от нее мне.

Когда ваше лицо отражает все ваши чувства — чрезвычайно бесполезно, особенно в пятнадцатилетнем возрасте. Я дорого заплатила за эту особенность в прошлогодних неловких ситуациях. Например, когда на моем лице было написано, что я думала по поводу Лукаса О'Доннелла, который уже пригласил кого-то на выпускной в восьмом классе, тем самым разбив мне сердце. Или что моя соседка Стейси Пикман выглядела толстой в тех джинсах. Но хуже всего был тот случай прошлой осенью, когда я стояла возле спортзала с моим лучшим другом Айзеком Кимом. У меня непроизвольно отвисла челюсть, когда я услышала, как Лариса Делиберо описывала как делала минет Эрику Манну. В мельчайших подробностях. Лариса перехватила мой ошеломленный взгляд и прокомментировала:

— Видимо кто-то никогда не делал минет.

Ее свита чирлидерш засмеялась, подбадривая.

— Наверное, тебе стоит посмотреть порно, прежде чем заводить парня. Если он у тебя вообще когда-нибудь появится.

Лариса была права: я никогда не делала минет. Разумеется, целовалась с несколькими мальчиками, но дальше этого дело не пошло. Проблема в том, что я даже не была уверена, что хочу этого в ближайшее время.

— Джулс, — прошептал Айзек, — тебе надо взять себя в руки.

В ту ночь я начала практиковаться в том, чтобы не отражать каждую эмоцию на своем лице. Каждую ночь стояла перед зеркалом, думая о счастливых вещах, грустных, расстраивающих, стараясь при этом сохранять нейтральное выражение лица. С каждым разом получалось все лучше. Правда, пока не идеально, но по крайней мере не так плохо, как

у мамы. Послышались детские шаги.

— Что случилось? – спросила маму моя старшая сестра Хелен, заходя в кухню и переписываясь при этом. На ней были пиджак и юбка из твида. На мой вкус, ее одежда была немного однообразна, но отлично на ней сидела. Хелен унаследовала высокий рост и стройное тело от мамы, так что в принципе на ней все сидело хорошо. А еще у нее были мамины прямые каштановые волосы. У меня тоже были семейные каштановые локоны, но, к сожалению, моим волосам было трудно определиться, какие они: прямые (как у Хелен) или кудрявые (как у Дэни), поэтому они завивались до середины длины, и никакие средства для волос не могли их приручить.

Не отрывая глаз от телефона, Хелен швырнула сумку с книгами на кухонный стол, из-за чего тарелка с хлопьями чуть не перевернулась на меня.

— Эй, — запротестовала я, но Хелен проигнорировала меня, смеясь над чем-то, что увидела на экране своего телефона.

Хелен постоянно игнорировала меня: и дома, и в школе. Ей без усилий удавалось быть умной старшеклассницей с отличными оценками, и в то же время она являлась капитаном хоккейной команды и королевой своей свиты. Я часами сидела над домашней работой, и при этом получала четверки с плюсом, если повезет, и едва успевала играть в волейбол. Хотя я совсем *не пользовалась популярностью*, ничего не делала, чтобы изменить это. Конечно, у меня был Айзек, который был отличным лучшим другом, и несколько девочек, которых я знала по волейболу. В прошлом я пыталась подружиться с другими девочками, но по какой-то причине у меня не выходило: всегда говорила что-то не то или говорила недостаточно. Я втайне надеялась, что переход из средней школы в старшую магическим образом катапультирует меня на следующий уровень.

Внимание, спойлер: этого не произошло.

В последнее время я пыталась убедить себя, что тот факт, что никто не обращает на меня внимания, это на самом деле хорошо. Значит, я могу слиться с толпой, незаметно фотографировать, наблюдать за миром через защитный экран. Старшая школа – это то, через что мне нужно пройти. Казалось нормальным, что я сейчас не вписываюсь. Лучше займусь этим позже, в колледже — в Жизни. Однажды я стану успешным фотографом Нью-Йорка или Сан-Франциско, и никто не вспомнит, что в школьные годы всемирно известная фотожурналистка Джульетта Матис была белой вороной.

По крайней мере, я себе это внушала.

— Что-то на работе? — Хелен потянулась за кофе, который мама сварила для папы.

Хотелось бы мне попробовать глоток кофе – это казалось чем-то взрослым, более сложным, чем просто пить содовую или сок, но я не могла переносить запах, который напоминал шоколадную грязь.

— Ничего страшного, — практически пропела мама, наигранно улыбаясь.

Я откусила кусочек сухих кукурузных хлопьев и взглянула на Дэни, надеясь, что она поняла очевидное уклонение мамы от правды, но та была поглощена своим глянцевым журналом. Этим летом Дэни сильно похудела и стала одержима чтением о знаменитостях.

— Что случилось, дорогая?

Папа вошел через вращающуюся кухонную дверь и увидел «счастливое» лицо мамы.

— Все в порядке, Питер, — мама улыбнулась, не глядя ему в глаза.

— Лгунья, — сказал он, целуя ее в щеку.

Мама промолчала. Она просто потянулась к шкафу за пачкой чая, этим лишь доказывая

правоту моего отца. Мои родители встречались со школы и знали друг друга лучше, чем самих себя. Настоящая любовь? Жутковато? Я так и не могла определиться.

— Мне нужно уйти на работу пораньше, — объяснила она, бросая пакетик с «Эрл Греем» в кружку с горячей водой. — Ты мог бы подбросить девочек?

Мама не удосужилась попросить Хелен взять нас с собой, хотя мы учились в одной школе, а Даниэль — прямо через дорогу.

— Конечно, — ответил папа, потянувшись к кофейнику, прежде чем понял, что он почти пуст. — Куда делся весь мой кофе?

Дзынь!

Зазвонил телефон Хелен. Вероятно, это ее парень, Лэндон, написал, что ждет на улице, чтобы подвезти до школы.

Мама закрыла свою термокружку, и вместо того, чтобы съесть яичницу, запихнула в сумку рабочие папки.

— Пицца на ужин подойдет?

— Я буду только салат, — сказала Дэни, разглядывая слишком худую модель в своей модной Библии.

— Даниэль, кусочек пиццы ты съесть можешь, — сказала мама.

Мама была психиатром, и косвенно помогала Дэни преодолеть изменения в ее телосложении. По-моему, мама насмотрелась на расстройства пищевого поведения в больнице, где работала.

— Ладно, — сдалась Дэни, — с пепперони.

— Никаких грибов, — попросила я.

Я просто не переваривала их текстуру.

— Принято, — завершила меня мама, выбегая из кухни. — Всем хорошего дня!

Она оставила свою кружку. Обычно мама не уходила в такой спешке, это было непохоже на нее. Звонок, видимо, был очень важным.

— Мы можем еще раз пробежаться по шестнадцати тактам для прослушивания? — спросила Дэни у папы.

— Милая, я не хочу, чтобы вы с Джулс опоздали из-за меня, — возразил он.

— Пожалуйста, ну ты же так хорошо играешь на пианино-о-о, — начала канючить она, — Это займет всего две секу-у-унды.

Даже бездомный даст Дэни деньги, если она его правильно попросит.

— Оки-доки. Только один раз, — сдался папа, и последовал за ней.

Я осталась на кухне одна. В семье довольно часто все обходило меня стороной. Я осталась в одиночестве.

В то время, когда в воздухе проплывали оптимистичные нотки «Притяжению вопреки» от Wicked, я экспериментировала с несколькими фильтрами на фотографии, хлопьев, прежде чем опубликовать ее в Инстаграм. Мне нравилось публиковать фотографии, которые рассказывали истории — забытая варежка на детской площадке; пара, держащаяся за руки; ребенок, смотрящий на витрину с печеньем. Мне нравилось, когда фотографии выражали что-то, не говоря это напрямую.

Я подписала фото #непотопляемое, добавила #фото_Джулс #(это)натюрморт #фото_дня, и опубликовала его.

«Лайк» последовал незамедлительно, заставив мой желудок сжаться. Кто-то заметил меня.

Я захотела посмотреть, кому понравилась фотография: futurejustice

Мое лицо вытянулось. Это Айзек. Несмотря на то, что я оценила его «лайк», знание этого почему-то это не заставило меня чувствовать себя особенной. И я снова стала обычным человеком.

Глава 2

На больничной койке лежало истощенное тело девочки-подростка. Ее сон был беспокойным. Дыхание — быстрое и сбивчивое, спокойно лежащее тело пыталось обеспечить себя кислородом.

Для девочки эта ночь была долгой — скорая помощь, фельдшеры, врачи. Она лежала в отделении травматологии, персонал пытался остановить кровотечение из ран на ее спине. Полиция тоже была там, пыталась выяснить что-нибудь о произошедшем. Но девочка была настолько истощена, что едва могла говорить. Полиция пропустила ее описание через базу данных пропавших без вести, но ничего не обнаружила. Они надеялись, что социальному работнику из Службы защиты детей удастся выяснить больше информации.

Им это было нужно.

На запястьях, лодыжках и затылке девушки были окровавленные следы от веревок, говорящие о том, что ее удерживали насильно. Что было еще более тревожным, так это обширные синяки, которые покрывали тело девочки. Фиолетовые и синие кровоподтеки прямо под ее кожей напоминали узоры боли.

Во время утренней смены в больнице начался тихий разговор: кто эта странная девушка с вырезанным на спине, знаком Сатаны, найденная на обочине дороги? И что важнее, что с ней произошло?

Девушка с трудом выдохнула, ее грудная клетка опустилась вниз.

— Как ты, милая?

Конни — опытная медсестра, которая жила своими пациентами, выглядела уставшей от того, что всю ночь не сомкнула глаз. Ее смена закончилась несколько часов назад, но она поменялась с коллегой, чтобы остаться рядом с новой пациенткой и убедиться, что с ней все хорошо. Девушка лежала без движения.

Подойдя к кровати, Конни проверила карту пациентки. Она скорректировала антибиотики для девочки. Несмотря на то, что ее черные, как смоль, пряди волос все еще были покрыты грязью, им удалось сохранять свой цвет воронова крыла даже под флуоресцентными лампами больницы. Молочно-белая кожа была чистой, хотя на щеках оставалось несколько пятен грязи.

Конни перегнулась своим крепким телом через спящую девушку, чтобы взглянуть на ее спину. Хотя на раны были наложены белые бинты, кровь просочилась сквозь них и испачкала тонкий больничный халат. После проверки жизненно важных органов нужно будет сменить повязку.

Конни положила руку в перчатке на плечо девушки. Веки ее задрожали, затем медленно открылись.

— Откроешь для меня ротик?

Конни сунула термометр в рот девочке, чтобы проверить температуру. Та позволила медсестре это сделать.

— Нужно убедиться, что у тебя нет лихорадки. Меньше всего тебе нужна инфекция, — предупредила Конни.

Она проверила показания термометра.

— Идеально! 36,6! Хорошая девочка. Ты голодна, дорогая?

Глаза девочки, обрамленные густыми ресницами, посмотрели на Конни. Расслабленная от успокоительного, она отрицательно покачала головой. Девочка снова опустилась на подушку, и закрыла глаза.

Конни решила не противиться и позволила девочке снова заснуть.

— Я здесь, Конни!

Доктор Сюзанна Матис вбежала в дверь.

— Я приехала так быстро, как только смогла, — объяснила она, натягивая на себя белый больничный халат, — это...

Взгляд Сюзанны упал на спящую девушку. Изучая окровавленный халат, царапины на теле, синяки, она все больше мрачнела.

— Она примерно одного возраста с Джулией, да? — спросила Конни Сюзанну.

Сюзанна кивнула, но побледнела при мысли о том, что ее дочь Джулис сравнивают с этой пострадавшей девочкой.

— Показатели стабильны? — спросила Сюзанна, подходя к кровати.

— Да, но она практически ни на что не реагирует. Бедняжка через многое прошла.

Сюзанна внимательно изучила карту.

— Мы знаем ее настоящее имя?

— Поступила без документов, так что это «Травма Лорен», пока мы не узнаем больше.

— Полиция больше ничего не удалось выяснить?

Поступление пациентов абсолютно без идентифицирующих факторов было крайне необычным.

Конни покачала головой.

— Еще нет. Сплошная загадка.

— Как она себя чувствует? — спросила Сюзанна, заметив запачканные кровью бинты.

— Это ... — начала Конни, но не знала, как закончить. — Я никогда не видела ничего подобного, — заключила она.

Грудь девушки поднималась и опускалась, поднималась и опускалась. Две женщины наблюдали за пациенткой, загипнотизированные ее таинственным прибытием и явно тяжелым прошлым.

— Она как сломленный ангел, — вздохнула Конни.

Сюзанна наконец отвернулась.

— Я собираюсь выпить чаю. Позовешь меня, когда она проснется?

Конни кивнула.

— Будет сделано.

Сюзанна еще раз взглянула на спящее лицо пациентки. Она наблюдала за тем, как дрожат веки девушки.

Какие кошмары ей снятся?

Глава 3

Опавшие осенние листья хрустели под моими подержанными «оксфордами». Они подходили к моему винтажному образу больше, чем «конверсы», которые я носила в прошлом году. Каблуки удовлетворительно щелкнули об тротуар.

Направляясь по тротуару в сторону школы, я мысленно готовилась к утру понедельника. Все будут обсуждать, как весело провели выходные: на какие вечеринки ходили, кто напился, кто с кем переспал. В пятницу вечером я упивалась британскими комедиями от

«Нэтфликс» с Айзеком – то небольшое, на чем мы могли сойтись. Он был большим поклонником документального кино, а я недавно увлеклась старыми фильмами. В них было нечто такое, что успокаивало меня. Еще я осталась дома в субботу вечером. Теоретически для того, чтобы посидеть с Дэни, пока мои родители на свидании, но истинная причина — посмотреть «Касабланку».

— Опять ты, — услышала я голос из желтого школьного автобуса.

Айзек посмотрел на меня через прямоугольное окно.

— Пошли, Рапунцель, — ответила я.

Айзек убрал с глаз черные волосы, свисающие до подбородка. Ему постоянно нужно было стричься.

— Ну ладно, походу, мне придется проводить с тобой почти все свободное время, — согласился он, прыгивая с крутых ступенек автобуса.

— Кто еще с тобой бы зависал? — спросила я, поправляя ремни новой сумки для книг, которую на прошлой неделе мама купила на распродаже по случаю Дня труда. Мне понравилась ее латунная пряжка и толстая строчка, но ремешки из искусственной кожи уже начали изнашиваться. Неудивительно, что она продавалась со скидкой.

— Кто еще будет зависать с тобой? — возразил Айзек. Справедливое замечание.

Свернув на лужайку, ведущую к двухэтажному зданию из красного кирпича, мы пошли на ногу. Я и Айзек были лучшими друзьями с третьего класса. Именно тогда он переехал из Аляски в Огайо к своей тете. Я никогда не спрашивала, почему он это сделал, но создавалось впечатление, что нечто случившееся с Айзеком в прошлом сделало его человеком, для которого всегда есть свободное местечко везде, куда бы он ни пошел.

— Итак, верно или нет, — начал Айзек, — что в Соединенных Штатах кампании в поддержку кандидатов на государственные должности должны финансироваться исключительно за счет государственных средств.

— У нас викторина?

— Ответ неверный. Это моя следующая тема.

Айзек был мастером в «Словах и прениях», и участвовал в играх еще со средней школы.

— Мне нужно спрашивать, на чьей ты стороне?

Айзек всегда был на стороне проигравшего. Вечный человек народа.

— Кампании должны вестись честно, с одинаковым бюджетом для обеих сторон. Это не беспристрастный процесс отбора, если одна сторона получает неограниченное частное финансирование, а другая — нет. Кроме того, огромное количество потраченных денег — это абсурд. Почему бы найти им лучшее применение? Например, вложить в инфраструктуру или потратить на общественные нужды?

— Звучит как веский аргумент, — заверила я его.

— Я выступаю против Виктории Лью, которая является яркой сторонницей корпоративного финансирования. Будто «Объединение граждан» это забавно, — разглагольствовал он, — но ее отец — большой антипрофсоюзный парень, и, очевидно, будет богохульством для нее занять эту позицию. Фу! И я знаю, что она попытается играть со мной жестко—все еще злится на меня, с тех пор, как я надрал ей задницу на региональных.

— Вы, ребята, в одной команде. Сейчас только сентябрь, у тебя целый год, чтобы с ней справиться.

— Я все делаю лучше, чем она, — ухмыльнулся он, не скрывая своей амбициозной

нагуры, — и не думай, что конкурирую с ней только потому, что мы оба азиаты, — добавил он.

Я улыбнулась.

— Думаю, ты ее порвешь.

— Я знаю, — ответил он с абсолютной уверенностью, — ты должна присоединиться к команде, Джулс.

— Ага, тебе же известно, как я люблю публичные выступления, — пошутила я.

— Ты должна поднять свой показатель общественной деятельности.

— Я все еще жду вестей от «Регалья».

Я наконец-то заставила себя подать заявку на место фотографа в нашу еженедельную школьную газету. Однако у них уже был отличный фотограф — мисс Рейчел Робидо, поэтому вряд ли им понадобится кто-то новый. Но, набравшись смелости у Холли Голайтли из «Завтрака у Тиффани», я рискнула.

Я на самом деле хотела стать фотожурналистом. Но, откровенно говоря, у меня, возможно, была вторая причина, чтобы примкнуть к газете. И она носила имя Себастьян Джонс.

Себастьян тоже был второкурсником и появился в школе прошлой осенью. Он переехал сюда из Филадельфии и сразу же добился успеха, получив самый высокий средний балл по классу. Себастьян написал статью в «Ремингемский Регаль» о «пятнадцатиминутке», которая улучшает средний балл", быстро став одним из их звездных журналистов, и в конце учебного года был назначен главным редактором — самым молодым за историю школы.

В прошлом году мы вместе занимались лабораторными исследованиями на естествознании. Дружелюбное поведение делало его очень легким в общении, что каким-то образом успокаивало мои нервы. Когда мы готовили наш последний проект «Тектоника плит», Себастьян признался мне, что планирует переделать школьную газету, влить в нее свежую кровь. Насколько я знала, они еще ничего не решили, поэтому ждала, затаив дыхание.

— Они будут идиотами, если не возьмут тебя, — сказал Айзек, — ты так же хороша, как Рейчел Робидо, если не лучше.

— Ты мог бы быть немного предвзятым, — улыбнулась я.

В глубине души мне нравилось, что вера Айзека в меня так же сильна, как и вера в самого себя.

— О! — вспыхнул Айзек, — в эти выходные идет показ документального фильма о тотальной слежке в Америке. Мы пойдем.

— Только если ты согласишься посмотреть два фильма Дэвида Лина. «Лоуренс Аравийский» и «Доктор Живаго», 70-мм пленка.

— Черно-белые? — заныл Айзек.

— Фильмы Хичкока тебе понравились, — возразила я.

— Потому что они были жуткими.

— Это классика. И в цвете.

— Хорошо, если ты купишь мне попкорн и напитки, — согласился он. — Договорились?

Но я уже не слушала. Сквозь толпу студентов я увидела что-то ... ладно, кого-то. На боковой рампе стоял Себастьян, и вертел в руках свой телефон. Редакция газеты находилась рядом с боковыми дверями, и, хотя обычно на перила садились курящие готы, на рампу

вставали только один-два сотрудника «Регалья». Я видела Себастьяна несколько раз с тех пор, как началась учеба, и мы обсуждали летние каникулы — он был в лагере журналистики, как человек с захватывающей жизнью, в то время как я была спасателем в местном бассейне, как человек со скучной жизнью. Но при виде его у меня все еще перехватывало дыхание.

— Друг мой лучший, прием!

Айзек снова переключил мое внимание на себя.

Я заставила себя отбросить мысли о Себастьяне.

— Что? Да, я возьму билеты, — сказала я, пытаюсь скрыть тот факт, что отвлеклась.

Айзек сложил руки на груди. Он мог бы сказать, что я не слушала, а не слушать — федеральное преступление в его книге.

— Где он? — Айзек обыскал глазами толпу.

— Кто? — попыталась выкрутиться я, понимая о ком он говорит, и Айзек знал, я знаю.

— Это написано у тебя на лице, — возразил он.

Черт.

— Неважно. Я ему даже не нравлюсь.

— Вам двоим просто нужно переспать, и покончить с этим, — дразнил Айзек.

— Да, сейчас же этим займусь. Как только смогу сказать ему хотя бы пару связных предложений.

По правде говоря, мы с Айзеком обсуждали секс так же непринужденно, как парусные яхты в центре Огайо, не имеющие выхода к морю. Ни у одного из нас не было настоящего опыта. Я несколько раз доходила до первой базы, а Айзек был практически бесполом. Он никогда не говорил о том, что ему нравились девочки — или мальчики, если уж на то пошло. Иногда я задавалась вопросом: может ли Айзек быть би или геем, но он никогда не поднимал этот вопрос, как и я.

— Эй, что мы должны сделать для презентации по социальным исследованиям?

Задался вопросом Айзек, меняя тему разговора, когда мы поднимались по лестнице к главному входу. Он делал два шага за раз.

— Айзек, это только в ноябре, — заметила я.

— Знаю, — стал защищаться он. — Думаю, «Власть пролетариата в холодной войне СССР». Весело, правда?

Я бросила взгляд на Себастьяна. Утренний луч солнца сверкнул на его очках в черной оправе, когда он улыбнулся чему-то в своем телефоне.

— Конечно, — ответила я, когда мы вошли через парадные двери школы, — но тогда ты должен пообещать, что будешь смотреть со мной «На север через северо-запад».

— Опять? — вздохнул он.

Глава 4

ДОКТОР МАТИС:Проверка, проверка. Записывает? Я нажала на красную кнопку.. Ладно, похоже, это работает.

Скрип пружин.

ДОКТОР МАТИС:Тебе не нужно вставать, можешь остаться на месте. У тебя была долгая ночь.

Шуршание бумаги.

ДОКТОР МАТИС:Итак, я доктор Сюзанна Матис, практикующий психиатр в региональной больнице Фрамингема, и нахожусь здесь для того, чтобы оценить, как у тебя обстоят дела. Я здесь с пациентом...

Нет ответа.

ДОКТОР МАТИС: Твое имя? Или у тебя есть какие-то документы, которые персонал мог не заметить?

Наклоняется ближе.

Обратите внимание, что пациентка покачала головой, показывая, что у нее нет документов.

Все нормально. Почему бы тебе не выпить воды?

После короткого молчания раздается звон чашки.

ДОКТОР МАТИС: Я знаю, что ты прошла через что-то невообразимое. Через что-то, с чем ты никогда больше не захочешь столкнуться, не говоря уже о том, чтобы говорить об этом. Но я хочу, чтобы ты знала — я здесь для того, чтобы помочь тебе. Это моя работа. Помогать тебе пережить случившееся.

Они называют тебя «Травма Лорен». Это твое кодовое имя. Мы используем его для твоей защиты. Чтобы тебя могли найти только люди, которым мы его даем. Но можно я раскрою тебе секрет? Те, чье настоящее имя нам узнать не удастся, — они позабыты, остались позади. И мы не позволим этому случиться с тобой.

Наконец раздался усталый, хриплый голос девочки-подростка.

МЭЙ: Мэй. Мое имя.

ДОКТОР МАТИС: Спасибо, что сказала мне, Мэй. Какое красивое имя. Это пишется через «е»?

МЭЙ: «Э».

ДОКТОР МАТИС: Замечательно. А как твоя фамилия?

Нет ответа.

ДОКТОР МАТИС: Хорошо. Пусть будет просто Мэй.

Итак, Мэй, расскажи мне, что ты помнишь о прошлой ночи. Кроме врачей, анализов и всего прочего. Расскажи мне, что случилось, прежде чем ты попала сюда.

МЭЙ: Я... ничего не помню.

ДОКТОР МАТИС: Совсем ничего?

МЭЙ: Помню... водителя грузовика. Он нашел меня. Там были яркие огни, а потом, я думаю, он вызвал скорую.

ДОКТОР МАТИС: Спасибо, это нам уже известно. Он вызвал скорую в 00:52. Невероятно, что он вообще заметил тебя. Полиция сказала, что ты лежала почти в пятнадцати футах от обочины. Как ты оказалась так далеко от дороги?

МЭЙ: Не знаю.

ДОКТОР МАТИС: Ты выпрыгнула из движущейся машины? Или пошла в лес с дороги? Или, может быть, пришла из леса?

МЭЙ: Я была в машине. В фургоне. Белого цвета.

ДОКТОР МАТИС: Итак, ты ехала в фургоне. На пассажирском сиденье?

МЭЙ: Сзади. Меня выкинуло оттуда.

ДОКТОР МАТИС: Тебя выкинуло из движущегося автомобиля?

МЭЙ: Да.

ДОКТОР МАТИС: Под «выкинуло» ты подразумеваешь, что фургон врезался в отбойник или что-то вроде того, или у него спустило колесо?

МЭЙ: Нет, меня выкинул человек.

ДОКТОР МАТИС: Тебя выбросил из фургона человек.

МЭЙ: Может быть поэтому я оказалась так далеко.

Тишина. Шелест.

МЭЙ: Там было двое людей.

ДОКТОР МАТИС: Тебя выкинули двое людей?

МЭЙ: И еще кто-то был за рулем.

ДОКТОР МАТИС: Ты знаешь того, кто выкинул тебя? Помнишь, кто вел фургон? Или как он или она выглядели?

МЭЙ: Я не помню. Я очень устала...

ДОКТОР МАТИС: Понятное дело. Еще немного. Ты помнишь что-нибудь о них? Хоть что-нибудь? Высокие, низкие, худые, полные?

МЭЙ: Они были одеты в черное.

ДОКТОР МАТИС: Черные свитера? Куртки? Штаны?

МЭЙ: Длинные черные плащи.

ДОКТОР МАТИС: А лица? Ты видела, какие они? Ты помнишь, какого цвета были волосы кого-нибудь из них? Или...

МЭЙ: На них были капюшоны.

ДОКТОР МАТИС: Капюшоны?

МЭЙ: Черные капюшоны.

Пауза.

ДОКТОР МАТИС: Мэй, откуда ты?

МЭЙ: Откуда?

ДОКТОР МАТИС: Ты из Огайо? Обратите внимание, что пациентка утвердительно кивнула. Где именно ты живешь в Огайо? Где-то поблизости?

Тишина. Девочка глотнула воды.

ДОКТОР МАТИС: Мэй, я хочу помочь тебе. Я помогу тебе оставаться в безопасности, и помогу держаться подальше от того, кто сделал это с тобой. Это будет нелегко, но нам придется доверять друг другу. Ты сможешь это сделать? Сможешь мне доверять?

Пауза.

МЭЙ: Хорошо.

ДОКТОР МАТИС: Хорошо, спасибо тебе. И я тебе буду доверять. Ладно, следующая часть может быть трудной, но мы пройдем через нее. Вместе. Мэй, кто это с тобой сделал? Царапины на твоей спине. Кто тебя порезал? Это был кто-то, кого ты знаешь?

Наклоняясь ближе.

Обратите внимание, что пациентка кивнула головой в знак согласия.

Ты можешь сказать, кто это был? Чем больше я буду знать, тем эффективнее смогу помочь тебе. Это был кто-то из твоей семьи?

Ты киваешь, что да.

МЭЙ: М-м-м... Хм-м-м.

ДОКТОР МАТИС: Это был твой... отец?

Нет ответа.

ДОКТОР МАТИС: Мэй, чаще всего насилие происходит внутри семьи. Тут нечего стыдиться, ведь это не твоя вина. Ты понимаешь это? В этом нет твоей вины.

Это был твой отец или дядя?

МЭЙ: Да.

ДОКТОР МАТИС: Кто из них?

После долгой паузы.

МЭЙ: Оба.

Тишина.

МЭЙ: А теперь мне нужно отдохнуть...

ДОКТОР МАТИС: Ты уверена, что не хочешь рассказать мне...

МЭЙ: Я очень устала.

ДОКТОР МАТИС: *Наклоняясь к микрофону.* Обратите внимание, что пациентка закрыла глаза и больше не реагирует.

Глава 5

КЛАЦ.

В нескольких шкафчиках от моего, на линолеуме блевотного цвета лежал смятый пакет от чипсов. Его серебристые внутренности сверкали под флуоресцентными лампами прихожей. Просмотрев отснятые кадры, я повысила четкость изображения, добавила зеленых бликов, а затем опубликовала изображение в Инстаграм, подписав его #немусори.

Фото станет хорошим дополнением к моему портфолио. Заявку на летнюю программу нужно подать до января, но я хотела получить фору и отправить свою заранее. Идея сосредоточиться на фотографии на целый месяц звучала божественно.

Сначала мама переживала из-за того, что я проведу четыре недели в большом городе. Каждый год в декабре она ездит в Чикаго по работе, на конференцию. Я напросилась и поехала с ней, чтобы показать, что могу справиться. В этом случае ей придется меня отпустить.

У меня заурчало в животе – напоминание о том, что я отказалась от таинственного мяса, предлагаемого на обед. Я проголодалась, и поэтому побрела по коридору в кафетерий. Торговые автоматы предлагали мне огромный выбор. Иногда, когда чувство голода было слишком сильным, выбор, что бы съесть, напоминало операцию на мозге.

— Выбирай батончик с мюсли, — услышала я голос у себя за спиной.

Я обернулась и увидела поправляющего очки Себастьяна. Чувствуя, как на щеках расцветает румянец, я снова быстро переключила внимание на расфасованные продукты.

— А как же крендели с арахисовым маслом? С ними тягаться трудно, — ответила я, надеясь, что это прозвучало не так нервозно, как ощущалось.

Я нажала D6, и перекус упал на дно автомата. Прежде чем я поняла, что происходит, Себастьян наклонился и отдал мне пластиковую упаковку.

— Gracias (прим.: с исп. Спасибо), — удалось промолвить мне.

— De nada (прим.: с исп. Не за что), — ответил он, передавая мне пакетик с крендельками. Я и забыла, как легко с ним разговаривать.

Я открыла упаковку и протянула ему. Он достал крендель и сунул в рот. Я тоже взяла себе.

— Ух ты! — воскликнул Себастьян сквозь хруст. — Хорошая идея, Матис.

Уголок его рта приподнялся в полуулыбке. Я чувствовала, что плююсь на его губы, отчего у меня закружилась голова и начало подташнивать, как будто я съела слишком много конфет.

Возьми себя в руки, Джулс. Он всего лишь человек.

Себастьян вытащил из кармана джинсов четвертаки и закинул несколько в автомат.

— Как проходит твой день?

— Несмотря на то, что я забыла столицу Сербии на общественном транспорте, неплохо.

— Белград, — без промедления ответил он, не отрываясь от выбора перекуса.

— Динь-динь-динь.

Выпал пакетик кренделей с арахисовым маслом. Его выбор, очевидно, был знаком того, что он влюблен в меня, и нам суждено было быть вместе.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал он.

О нет. Так очевидно, что у меня симпатия к нему? Он заметил, что я смотрела на него сегодня утром?

— «Регаль» — сказал он, разрывая свой пакет с углеводами.

Точно. Газета.

— Итак, — начал Себастьян, — мы не собираемся нанимать нового штатного фотографа.

Мой желудок сжался. Плохая новость.

— У Рейчел все под контролем, и она старшеклассница, поэтому я хочу дать ей право главенствовать, — объяснил он.

Я почувствовала, как ремень книжной сумки сползает по рукаву моей старой рубашки, найденной на чердаке у бабушки Лидии.

— Она талантливый фотограф, — сказала я, стараясь скрыть разочарование.

— А еще я открываю новую колонку на последней странице газеты, и, вместе с этим и новую должность, — сказал Себастьян, — Это будет еженедельная колонка «Люди Нью-Йорка». Душевные, без излишеств, портреты людей со школы, с короткими сопроводительными интервью. Интересные факты, может, краткие биографии.

Это было похоже на супер крутую идею, но я не знала, что сказать. Мой мозг стремился понять, к чему он клонит.

— Звучит потрясающе! — одобрила я, — мы видим людей у школы каждый день, и знаем о них лишь то, что лежит на поверхности, а не то, что сокрыто глубоко внутри. Почему они такие, какие есть. Прости, это, наверное, перебор, — извинилась я.

— Вот именно! Речь идет о разговоре с людьми, которых ты не знаешь.

— «Люди, Которых Ты Не Знаешь». Идеальное название.

Себастьян наклонил голову, и его взъерошенные каштановые волосы упали на лоб.

— Мне нравится ход твоих мыслей, Матис.

— Мне нравится ход твоих мыслей, — ответила я. Боже, у меня так плохо получается.

К счастью, он этого не заметил.

— Может, колонка будет твоей? Ты будешь фотографировать, а также брать интервью.

Я замерла, отчаянно желая придумать ответ. Себастьян продолжил:

— У тебя хороший взгляд, Джулс. Твои снимки действительно рассказывают историю.

Он смотрел прямо на меня, его теплые карие глаза смотрели в мои.

— Ты бы идеально подошла.

— Я в деле, — выпалила я, стараясь казаться увереннее, чем было на самом деле.

— Превосходно! Почему бы тебе не зайти завтра после школы и не поболтать с остальными.

— Уже там, — просияла я.

Затем поправила:

— Я имею в виду, буду там. Завтра. Не сейчас. Ты понял, что я имею в виду.

Остановись. Внутри все кипело.

— Не могу дождаться.

Себастьян взял крендель и направился в холл.

Спокойствие. Спокойствие. Спокойствие.

Глава 6

— ВЫ НЕ ИМЕЕТЕ ПРАВА ТАК ПОСТУПАТЬ! — закричал высокий мужчина.

— Сэр ... — доктор Матис предостерегла внушительного мужчину тоном, который обычно используют при нападении на загнанных в угол животных. — Пожалуйста, не повышайте на меня голос.

Она стояла напротив мужчины в вестибюле больницы. От резкого осеннего ветра хлопали двери. Несколько пациентов ждали, пытаясь не смотреть на разгорающийся спор.

— Послушайте, леди! — прорычал он.

— Доктор, — поправила Сюзанна, быстро решив не называть мужчине своего имени.

На нем было рабочее длинное коричневое пальто, а большую часть лица прикрывала ковбойская шляпа. Его лицо было столь угрожающим, что даже не хотелось спрашивать, чем он зарабатывает на жизнь.

— Мне плевать, кто ты, — бросил он ей, подходя ближе. — Я знаю, что она здесь. Ты не имеешь права отказывать мне.

Его приближение заставило Сюзанну отступить назад. Она бросила быстрый взгляд на тех немногих, кто наблюдал за развивающейся ситуацией. Администратор за стойкой с беспокойством посмотрела на нее.

Сюзанна расправила плечи и заставила себя посмотреть мужчине в лицо.

— Нам разрешено передавать информацию о пациенте только близким родственникам. Это политика больницы, — сказала она, пытаясь воззвать к разуму человека, если он у него, конечно, есть.

Но не оказалось.

— К черту вашу политику! — он сплюнул на землю, не приложив особых усилий для того, чтобы взять свою ярость под контроль.

Несмотря на то, что от солнца его лицо и так обгорело, оно стало еще более красным.

— Я забираю ее отсюда!

— Боюсь, что это невозможно.

Сюзанна стояла немного прямее, когда он склонился над ней.

Он наклонился ближе, его глаза-бусинки были всего в нескольких дюймах от лица Сюзанны.

— Правда? Боишься?

Сюзанна глубоко вздохнула. Она не собиралась заглатывать наживку.

— Хотя мне и хотелось бы, чтобы все было по-вашему, — медленно, с расстановкой, сказала Сюзанна, — мы не имеем права отдавать ее вам.

— Хватит мне врать. Дай мне поговорить с кем-нибудь, кто действительно может что-то сделать, — потребовал он, шагая к Сюзанне.

Теперь ее спина уткнулась в стену приемной, что делало невозможным уйти от него. Мужчина поймал ее в ловушку. Она бросила взгляд на секретаршу, которая взяла трубку.

— Фиолетовый код, — прошептала женщина в трубку.

Взгляд мужчины был сосредоточен на Сюзанне, которая отважно смотрела ему в глаза.

— У нее нет медицинского разрешения на выписку.

С этими словами мужчина замахнулся кулаком в воздух, невероятно близко к лицу Сюзанны. Потом замер.

Все в комнате напряглись.

Ни Сюзанна, ни мужчина долго не двигались ни на дюйм.

Потом он медленно раскрыл ладонь и нежно погладил Сюзанну по щеке.

Сюзанна вздрогнула, но не шевельнулась в тот момент, когда грубая рука мужчины скользнула по ее лицу. Она едва могла дышать.

— Ты просто испуганный ягненок, не так ли? — насмеялся он.

— Доктор Матис!

В вестибюль быстро вошел охранник. Его появление заставило высокого человека отойти от Сюзанны, разрушив заклинание, которое будто заставляло всю комнату застыть.

— Простите, я помогал Миссис Энгл добраться до машины племянника, — объяснил здоровенный охранник. — Что здесь происходит?

— Все в порядке, Джерри, — сказала Сюзанна, затягивая белый халат на поясе и восстанавливая самообладание.

— У нас какие-то проблемы? — спросил Джерри у мужчины.

— Нет, мы просто узнаем друг друга, — сказал мужчина, криво улыбаясь.

Джерри был не так высок, как человек в ковбойской шляпе, но у него был пистолет, плотно заткнутый за пояс.

— Почему бы нам не выйти наружу, сэр? — Джерри явно не просто спрашивал.

Внезапно появились два копа.

— Это фиолетовый код? — спросил один из них, потянувшись за пистолетом.

Высокий посетитель поднял руки в знак того, что сдается.

— Попридержи коней, я уйду, — прорычал он.

Он шагнул к дверям вестибюля, затем повернулся и посмотрел на Сюзанну темными глазами.

— Я вернусь за девочкой. Ты не сможешь держать ее вечно.

Глава 7

ПОКА Я ДУМАЛА, КАК ВСТАНУ НА НОГИ в отделе газеты, Себастьян думал обо м — как я напишу новую колонку с фотографиями!

Но обо мне тут же снова забыли.

Мама не приехала за мной в школу, и из-за волейбольной тренировки я уже опоздала на автобус. Я писала ей и даже звонила, но она не отвечала, что было странно, потому что мама обычно отвечала, даже если была слишком занята, она всегда писала смс.

Я написала и папе, но знала, что это бесполезно. Он был ужасен во всем, что касалось телефона, и я была уверена, что папа все равно работает.

Мне пришлось ехать домой со Стейси Пикман, которая жила по соседству и играла со мной в волейбольной команде, ее жалобы не прекращались. С тех пор, как несколько лет назад на моем лице было написано, что я думаю, по поводу ее слишком узких джинс, она пыталась игнорировать меня в школе. Но правда заключалась в том, что у Стейси было еще меньше друзей, чем у меня, то есть ноль, поэтому она не могла быть слишком разборчивой. И она никогда не отказывалась от возможности пожаловаться, едва найдя невольных слушателей.

Она жаловалась на то, что Wi-Fi в кафетерии не работает, что занятия в спортзале

должны быть короче, и на то, как она расстроена, что уже похолодало. Мне казалось бессмысленным жаловаться на вещи, с которыми ты ничего не можешь поделать, но для Стейси ни одна тема не была под запретом. Чтобы не слушать все это, я начала считать церкви, которые попадались нам по дороге. Двадцать четыре.

Когда мы, наконец, добрались до дома, я чуть не выбежала из машины в отчаянной попытке свалить как можно быстрее.

— Пока, Стейс! — крикнула я, хлопнув дверью старого седана ее родителей.

Я знала — она ненавидит, когда ее так называют, но не смогла устоять. Она только что жаловалась на деревья. На деревья!

Я направилась по каменной дорожке к дому. Он был похож на другие дома в нашем квартале, на двухэтажные семейные дома в непритязательных тонах. Американские флаги развевались на крыльце. Типичный пригород. За рядами резиденций был лес. В котором мы играли, когда были маленькими, но я больше никогда не видела там местных детей.

Я удивилась, увидев мамину машину, припаркованную перед гаражом.

Если она уже дома, почему не ответила на мое сообщение? Или не перезвонила? Может, у нее телефон разрядился. Но она всегда носила с собой запасную батарею, на случай непредвиденных обстоятельств.

Дойдя до входной двери, я заметила, что она приоткрыта.

Это было жутковато, в духе «Окна во двор» (прим.: детективный фильм Альфреда Хичкока, 1954г.).

Сквозь окно было видно какое-то движение.

— Мам? — прокричала я, распахнула дверь и вошла в прихожую. — Ты дома?

Мой голос эхом отдавался от деревянной лестницы. Я вошла в гостиную. Пусто.

Я не понимала, что происходит. Она все еще на работе? Но тогда почему ее машина здесь?

— Джулс! — мама с криком влетела через скрипящую кухонную дверь в гостиную, напугав меня.

У нее было обеспокоенное лицо. О-о.

— Я так рада, что ты дома! — выпалила она, но ее слова прозвучали быстрее, чем обычно.

— Ты оставила дверь открытой.

Я бросила сумку с книгами на диван.

— И почему ты не ответила на мое сообщение?

— Какое сообщение? — спросила она, подходя к вазе и нервно выбрасывая увядшие цветы.

— Я отправила сообщение, что меня нужно забрать. Стейси пришлось отвезти меня, — объяснила я, делая акцент на Стейси. Мама тоже не была от нее в восторге и считала, что ее родители должны лучше работать над ее ожиданиями.

— Прости, милая. Работа была... — она замолчала.

Она выглядела так, будто на нее слишком много свалилось, поэтому я отстала.

— Не переживай, — сказала я, доставая пульт от телевизора. — Дэни дома?

— Она только что вернулась с прослушивания и поедания замороженного йогурта с Тэрин. Видимо, все прошло хорошо! — ответила она, забрав пульт из моей руки. — Хелен вернется позже.

Я устала сидеть на пультах в ее руке.

— Мне нельзя сейчас смотреть телевизор?

Она сделала глубокий вдох.

— Я хочу поговорить с тобой.

Мамины “разговоры” никогда не приносили ничего хорошего. Они всегда были о неловких вещах: был случай, когда мы “говорили” о смерти моей бабушки; тот раз, когда мама и папа сказали мне, что они превращают нашу игровую комнату в офис для папы; и хуже всего, разговор S-E-X, который был фестивалем неловкости. Тактика моей мамы в решении неловких ситуаций заключалась в том, чтобы двигаться сквозь них как можно медленнее. В этом конкретном выступлении она подробно рассказала о различных формах контрацептивов и всех известных человечеству болезнях, передаваемых половым путем, и все это заставило меня не думать о сексе в течение очень долгого времени. Или просто стать монахиней.

Но здесь было что-то другое. Мама казалась рассеянной. Почти испуганной. Что-то определенно было не так.

— Ты в порядке?

— Ну конечно! — сказала она слишком уверенно.

Явно врет.

— Я сделала что-то не так? — спросила я, прокручивая возможные причины ее необычного поведения.

— Вовсе нет, — быстро ответила она. — Ты... Я люблю тебя.

Внезапное проявление маминой любви сбивало меня с толку.

— Мам, серьезно, что случилось? Ты меня пугаешь.

Мама пригладила свои и без того прямые волосы.

— Почему бы тебе не пойти на кухню?

Затем она крикнула:

— Даниэль, не могла бы ты спуститься, пожалуйста?

Мама подошла к двери и распахнула ее для меня. Желая как можно быстрее разобраться в том, что происходит, я шагнула вперед.

В кухне было жутко тихо, как будто это была одна из тех звуконепроницаемых комнат, где мягкие стены поглощают любой шум, будто в ней совсем не было воздуха.

За нашим кухонным столом сидела девочка-подросток.

На вид она была моей ровесницей. У нее были блестящие черные волосы, которые свисали на плечи, длинные и влажные. Ее тонкие плечи опустились вперед, что создавало впечатление, будто она пытается защитить себя. От чего именно, я не знала. На ней была слишком большая розовая толстовка с блестящей кошкой. Которая казалась неуместной. Большая толстовка делала еще тоньше, чем она уже была: рукава обрамляли тонкие запястья. Ее брюки были похожи на синюю униформу, которую носили люди в маминой больнице. Все это выглядело так, будто ее одели в больничном Бюро находок.

— Присаживайся, — попросила мама.

Я села за стол напротив девушки. Под лампой, висевшей над кухонным столом ее лицо было бледным и как будто принадлежало призраку. Огромные ярко-зеленые глаза были сосредоточены на тарелке перед ней, где лежало арахисовое масло и бутерброд с желе, который мама, вероятно, сделала для нее. Еда так и стояла нетронутой.

Хотя на ней не было макияжа и она выглядела так, как будто не спала несколько месяцев, девушка была действительно красивой. Как модель. Я почувствовала волну зависти

и быстро попыталась ее подавить. Я даже не знала эту девушку; у меня не было причин делать поспешные суждения о ней. Но кто она и почему сидит на нашей кухне?

Мама прочитала мои мысли.

— Джулс, — начала она, усаживаясь на стул, — Это Мэй. Мэй, это Джулс — мой средний ребенок.

Меня возмущало, что меня называют “средним ребенком”, но по какой-то причине мама вела себя не так, как всегда. Поэтому я ничего не сказала об этом.

— Привет, — я помахала девушке, которая даже не подняла глаз.

— Привет, — пробормотала она в ответ, натянув рукава толстовки на запястья.

Сидеть напротив этой Мэй было... странно. У нее было сильное притяжение, как будто в ней было что-то магнетическое.

Я не знала, почему эта девушка находится в нашем доме, но она явно чувствовала себя неуютно, поэтому я сделала все возможное, чтобы разрушить повисшую тишину.

— Классная толстовка, — сказала я в надежде растопить лед.

Мэй опустила глаза на блестящую кошку на толстовке. Затем она подняла свои большие зеленые глаза на меня и вздрогнула.

У меня перехватило дыхание. Я не знала, что сказать. Что-то в том, как она смотрела на меня, заставляло меня чувствовать себя незащищенной, как будто она могла заглянуть в мои мысли.

— Я... я пошутила, — пробормотала я, отведя взгляд. Жуткий взгляд: есть. Никакого чувства юмора: есть.

— Мама, завтра будет онлайн-кастинг. Я так нервничаю!

Спустилась Даниэль. Она увидела Мэй.

— Привет! – усмехнулась она.

— Даниэль, это Мэй. Мэй, это моя младшая дочь, Даниэль.

Мэй едва заметно кивнула.

— Приятно познакомиться, — сказала она так тихо, что нам всем пришлось наклониться ближе. Даниэль взяла из шкафа пакетик диетических зеленых бобов и присоединилась к нам за столом.

— Можешь звать меня Дэни, — предложила сестра, протягивая Мэй пакет.

Мэй с любопытством посмотрела на упакованную еду, но отказалась.

Мама посмотрела на меня, глазами призывая продолжать взаимодействовать с Мэй, как будто я должна продолжить этот неловкий разговор. Я не знала, что еще ей сказать.

— Даниэль прослушивалась сегодня на школьный мюзикл, — сказала я, отдавая право решения геркулесовой задачи – разговорить эту тихую незнакомку — моей болтливой сестре. В разговоре с людьми она была оscarоносным фильмом, в то время как я была лишь студенческим видео.

— Я готова сыграть главную роль, — вмешалась Даниэль, заглотив мою наживку, — Это «Злая».

Мэй посмотрела на Дэни. Ее лицо исказилось в замешательстве.

— Так называется мюзикл, — пояснила моя сестра, — это действительно хорошее название. Он основан на сценарии, за основу которого в свою очередь взята книга «Волшебник страны Оз». Его ставили на Бродвее.

Все это казалось Мэй иностранными словами, но Дэни это не остановило.

— Я готова к роли Эльфабы, одной из двух главных ролей. Я правда-правда-правда

очень хочу получить ее, но готова сыграть и второстепенную роль.

Я была уверена, что Дэни получит хорошую роль: она, по общему признанию, была отличной певицей и брала уроки танцев, с тех пор как научилась ходить.

— Ты поешь? — раздался слабый голос.

Мы все посмотрели на Мэй.

— Раньше я пела, — продолжила она.

— В школе? — спросила Даниэль.

Мэй отрицательно покачала головой.

— Церковь? — догадалась я. Мы с Дэни и Хелен пели в церковном хоре, когда были детьми.

Мэй задумалась.

— Вроде того.

— Это замечательно, Мэй, — перебила меня мама, прежде чем Мэй успела что-то сказать, — Спасибо, что поделились этим с нами.

— Итак, девочки, — продолжила она, сложив руки на столе, — Мэй поступила ко мне на работу.

Я пыталась скрыть удивление на лице. Странно, что мама привела домой пациентку. Мама почти не говорила о работе дома, не говоря уже о том, чтобы привести на обед настоящую пациентку. Ее профессия требовала строгой конфиденциальности, и она относилась к этому очень серьезно.

Я посмотрела на светлую кожу Мэй и увидела ее глаза. Если не считать худобы, она выглядела прекрасно.

Мэй обратила внимание на сэндвич и ткнула в него костлявым пальцем. Я заметила, что под мешковатым рукавом у нее на запястье фиолетовые отметины. Как она их получила? Из-за них оказалась в больнице? Она пыталась покончить с собой?

Может, с ней что-то не так.

Я вдруг почувствовала себя виноватой за то, что раньше осуждала ее. Кто знает, через что прошла эта девушка. Она мамина пациентка, так что, очевидно, что-то было не так. Я должна попытаться вести себя с ней мягче.

Прежде чем я успела что-то сказать, мама откашлялась, потом посмотрела на нас с Даниэль.

— Мэй останется у нас на несколько дней.

Мы с Даниэль в недоумении смотрели на мать. Говорить о работе дома — это одно, но привести пациентку домой?

— Зачем? — спросила я, прежде чем поняла, что стоит остановиться.

Мама отругала меня за грубость одним лишь взглядом. Затем спокойно объяснила: — Мэй не может вернуться домой, поэтому останется с нами, пока не найдется другой подходящий вариант.

Я не могла поверить в услышанное. Пациентка психиатра останется у нас? Это было очень странно.

— Всего на несколько дней, — сказала мама, опустив глаза на коврик. Она собрала крошки, затем подошла к раковине, чтобы смыть их с рук.

— Итак, у нас гостя! — выключив воду, подытожила мама.

Я взглянула на Мэй, которая почти улыбнулась: уголки ее от природы красных губ почти незаметно приподнялись.

Вся эта ситуация, казалось, не беспокоила Даниэль.

— Круто! Хочешь остаться в моей комнате? — предложила Дэни, — я посплю на диване.

Мама вытерла руки кухонным полотенцем.

— Вообще-то, я думала, что Джулс может спать с тобой, Дэни. Тогда у Мэй будет своя комната, — объяснила она, — и немного уединения.

А это не странно, что незнакомая девочка, мало того, что собирается с нами жить, так еще и я должна отдать ей свою комнату? Меня беспокоило не столько то, что меня переселили, сколько то, что мама приняла решение, не посоветовавшись со мной. Она всегда любила поговорить. Почему же сейчас она просто объявила об этом, не обсудив сначала с семьей?

Мама заметила, что мое лицо помрачнело.

— Это всего на несколько дней, Джулс, — сказала она. — Ты ведь не против?

Это звучало скорее как утвердительное предложение, а не вопрос.

Я задумалась. Что, если я останусь в комнате сестры на одну-две ночи? Если это только до тех пор, пока Мэй некуда пойти, это небольшая проблема. И, возможно, тогда мама купит мне новую камеру, в которой я отчаянно нуждаюсь.

— Конечно, я останусь с Даниэль, — согласилась я, взглянув на Мэй.

— Хочешь послушать мой кастинг на «Злая»? — зашебетала Даниэль, обращаясь к Мэй, — Я записал его на свой телефон!

Прежде чем наша новая гостья успела ответить, я заметила что-то на плече Мэй.

— Что это? — показала я.

Темно-красное пятно появилось на розовой толстовке с кошкой и поползло дальше по плечу.

— Это что, кровь? — ахнула Даниэль.

Она ненавидела вид крови и клялась, что у нее кружится голова. Я боялась того, что произойдет, когда у нее начнутся месячные.

Мама поспешила с кухонным полотенцем и положила его поверх растущего пятна крови. Мэй, должно быть, что-то почувствовала, но не пошевелилась.

Я смотрела, как Мэй закрыла глаза, почти не реагируя на боль. Я никогда не видела такой реакции. Когда кому-то было больно, они обычно плакали, но Мэй просто замерла.

Почему у этой девушки кровь? Ее били? Издевались?

— Джулс, не могла бы ты одолжить Мэй какую-нибудь одежду? — попросила мама. — И, пожалуйста, поменяй на кровати постельное белье.

— Конечно, — ответила я, поднимаясь.

Я не могла перестать смотреть на Мэй, гадая, откуда она и что с ней случилось. Я попыталась прочесть что-нибудь на ее лице, но в отличие от лица моей матери, внешне Мэй была спокойной. Глядя на нее, никто бы не догадался, что у нее толстовка в крови.

— Давай сменим повязки, — нежно сказала Мэй мама.

Мэй ничего не ответила. Она просто сидела неподвижно.

Я чувствовала себя виноватой перед ней. Очевидно, она была ранена, но также была вероятность, что она сделала что-то, чтобы причинить себе боль, а это пугало меня. Все это сбивало с толку. Кто эта странная девочка, которая вошла в наш дом?

Глава 8

За ужином Мэй к нам не присоединилась.

Она сказала, что очень устала, поэтому мама разрешила ей отдохнуть. Папа работал допоздна, а Хелен была в Лэндоне. Дэни беспрестанно переживала, получит ли главную роль в мюзикле.

Я устала лежать на тарелке покрытый томатным соусом кусок пиццы. Она была с грибами. Да, я знала, что это, должно быть, не самая большая проблема в мире. Были еще голодающие дети в Африке и все такое. Но меня беспокоило это. Мама снова совершенно забыла обо мне.

Дэни не возражала. Она просто жевала, обсуждая, почему роль должна достаться ей, а не Тэрин. Хотя Тэрин была ее лучшей подругой.

— Она не знает, как правильно брать высокие ноты. Надо делать вот так, — объясняла младшая сестра маме, зная, что мне это неинтересно.

Она скривила рот в очень широкую почти-улыбку.

— А потом расплющить язык так, — добавила она, по-видимому, расплющив язык.

— Вот как я беру высокие ноты, — пропела она.

Я бросила на нее взгляд: серьезно? Она улыбнулась мне в ответ с фальшивой невинностью, а затем впилась в пиццу, прямо в грибы. Я поморщилась.

— Что? — спросила она. — Джулс, ты не одобряешь мой выбор еды? — провоцировала она меня, глядя на маму.

— Нет, — ответила я. — Я просто не люблю грибы, а об этом никто не помнит.

Мама, которая тупо смотрела на скатерть, и не съела ни кусочка, наконец взглянула на меня. Я смотрела на свой кусок.

— О, прости, дорогая, — вспомнила она. — Я забыла заказать что-нибудь попроще.

Я пошла на компромисс, не желая спорить об этом.

— Как бы там ни было, я могу убрать их.

Мамин взгляд переместился на лежавшие на тарелке листья рукколы, к которым она тоже не прикоснулась. Да что с ней?

— Мам, — начала я, отломив корочку с кусочка пиццы, — после ужина я хочу показать тебе веб-сайт выставки, на которую мы можем сходить в Чикаго.

Мама переключила свое рассеянное внимание на меня.

— Я про нашу поездку, — объяснила я. — Эти фотографии воссоздали культовые образы из классических голливудских фильмов с афроамериканскими моделями. Выглядит супер круто.

У фотографов Омара Виктора Диопа и Антуана Темпе была потрясающая коллекция фотографий, которые мне очень хотелось посмотреть вживую, а не только на экране ноутбука.

Мама через силу улыбнулась.

— Конечно, милая, — сказала она и, наконец, проткнула вилкой помидор черри.

Эту поездку в Чикаго я ждала с нетерпением. Да, я немного переживала. Не только из-за поездки в новое место, посещения множества музеев и галерей, но также из-за времени, которое проведу с мамой. Мы с ней больше не вели душевные беседы. Знаю, я подросток и не должна особо переживать по поводу проведения времени с матерью, но прошло так много времени с тех пор, как мы это делали. Меня накрыла волна ностальгии. Возможно, через несколько лет я уеду из дома — и, надеюсь, из штата — и общение с мамой будет в прошлом.

— Хочешь, я приготовлю тебе пасту? — предложила мама.

— Нет, спасибо.

Мама иногда отвлекалась вот так, ненадолго, когда была чересчур сфокусирована на чем-то, поэтому я не хотела быть причиной ее неприятностей.

Я с усердием откусила кусочек корочки от пиццы. Тепло мягкого теста успокаивало. Взглянув на маму, я увидела, что помидор черри все еще на вилке. Что-то определенно не так.

— Мам, что случилось с Мэй? — спросила я.

Возможно, если она расскажет мне больше о происходящем, ей станет легче.

— Хотя мне бы и хотелось рассказать тебе больше, дорогая, скажу только, что прямо сейчас Мэй нужно немного побыть одной, — было все, что она ответила.

Неважно. Мне следует думать о своем собеседовании в «Регале». Я не имею права переживать по поводу того, что беспокоит маму. Завтра мне нужно пройти собеседование с Себастьяном. В этом случае у меня не только будет возможность тусоваться с ним на постоянной основе, я также смогу избавиться от Айзека со всей этой внеклассной фигней.

После ужина я расположилась в гостиной, чтобы делать домашнее задание. Мэй была в моей комнате, а я была не совсем готова к неоновому-розовой атмосфере плакатов из музыкальных театров и детских видео-чатов Даниэль.

Несмотря на то, что она просто отдыхала наверху, присутствие Мэй каким-то образом заставило всех нас чувствовать себя не в своей тарелке.

БЛИП, БЛИП.

Это был Айзек, он звонил мне по видеосвязи. Я нажала кнопку "принять" на ноутбуке, обрадовавшись появлению его лица на экране.

— Señorita, — поприветствовал меня он.

— Señor.

— Хочешь посмотреть, как я выступаю на дебатах?

— Хочешь посмотреть, как я вешаю трубку?

— Прекрасно, много потеряешь. И надеюсь, Виктория Лю тоже, — добавил он голосом злого гения.

— Ребята, вы в одной команде, тебе надо перестать надеяться, что она много потеряет.

— Неужели? — с иронией спросил он.

— Неважно, — проворчала я, листая Инстаграм.

— Какая муха тебя укусила?

— Эмм... Все нормально, — сказала я тихо, — просто этот вечер очень странный.

Айзек наклонился к камере.

— Станный в духе обычного Я-подросток-и-моя-жизнь-странный или что-то другое?

— Другое.

— Как так?

Я перешла на шепот.

— Когда я сегодня вернулась домой...

Не успела я рассказать Айзеку о появлении таинственной Мэй, как услышала, что в парадную дверь зашел папа.

— Пап, привет! — окликнула я его, тем самым подав Айзеку знак, что у меня больше нет возможности секретничать с ним.

— Привет, Джул-Джул, — крикнул в ответ мой отец, входя в гостиную и развязывая галстук. Он выглядел уставшим.

— Привет, пап, — пропел Айзек с экрана компьютера.

Папа наклонился, чтобы поболтать с Айзеком.

— Айзек, что у тебя интересного?

— Если не считать дебаты с моей заклятой врагиней Викторией Лю, которую я порву как Тузик грелку, и попытки найти внеклассные занятия для написания академического резюме вашей дочери, ничего особенного.

В уголках глаз моего отца появилась улыбка.

— Продолжай в том же духе.

— Питер! — услышали мы напряженный голос моей матери, доносившийся из кухни.

Мама на эмоциях ворвалась в гостиную, но потом тут же взяла себя в руки.

— Прежде чем ты пойдешь наверх, мы можем поговорить? — спросила она у папы.

Она взглянула на меня, а потом добавила:

— На кухне.

— Конечно, — ответил он и поцеловал ее в губы.

— Стаканчик холодненького? — предложила она отцу пиво, и тот последовал за ней на кухню.

— Да, пожалуй.

Они захлопнули за собой дверь.

— С каких это пор твои родители стали секретничать? — попытался выяснить Айзек.

— Я перезвоню, — ответила я, быстро закрывая ноутбук, прежде чем он успел спросить еще что-нибудь.

Стараясь не касаться скрипящей двери, я на цыпочках подошла к кухне, чтобы подслушать их.

Через дверь я слышала приглушенный разговор. Мама говорила слишком спокойно. Это был голос, который она использовала, когда хотела, чтобы мы согласились на новое исследование терапии, которую она тестировала на нас. Я слышала обрывки фраз:

— Вчера вечером... работа... новости...

Вдруг я слышала, как разбилось стекло.

Полагаю, папин пивной стакан. Интересно, кто его разбил? Потом я слышала крики и звук собираемых осколков. Отец стал говорить громче, чтобы перекричать шарканье и звон голосов. Мои родители почти никогда не ссорились. Папа действительно злился на маму? Из-за Мэй?

Внезапно дверь заскрипела, ударив меня по колену. Должно быть, с той стороны кто-то прошел возле нее.

Я быстро отошла от двери. Завтра я спрошу об этом у папы. Надеюсь, он расскажет больше, чем мама. Если меня поймут на подслушивании, я не смогу ничего выяснить. Моих детективных навыков явно недостаточно. Надо пересмотреть сериал «Мальтийский сокол», чтобы освежить свои знания.

Я схватила ноутбук и крадучись пошла наверх.

Делить комнату с Даниэль — идея не из лучших. Она была очень недисциплинированной и ушла спать намного раньше меня. А еще она славилась своим храпом, который сотрясал стены, как электропила. Хорошие новости? Ко всему прочему, ее сон был более глубоким, чем у кого-либо в мире. Однажды, когда во время семейной поездки во Флориду мы остановились в отеле, она проспала пожарную сигнализацию.

К счастью, она легла на диван, освободив мне кровать. Закончив домашнюю работу, я

еще раз прошлась по тексту для собеседования, почистила зубы и собиралась уже ложиться спать. А потом до меня дошло, что мои наушники в комнате. Когда нет никакой надежды уснуть, шумоизоляция должна была мне помочь.

Я вышла от Дэни и пересекла холл. Дверь в мою комнату приоткрылась, луч света скользил по ковру. Мэй, должно быть, еще не спит.

Я легонько постучала в дверь.

Нет ответа.

Постучать еще раз? Может, она заснула с включенным светом. Я не хотела беспокоить ее, но мне действительно были нужны наушники, если я собиралась всю ночь проспать в комнате Дэни.

Я осторожно заглянула в свою комнату.

Мэй бодрствовала и стояла перед моим высоченным, в полный рост, зеркалом. На ней был мой старый детский халат, из голубой махровой ткани, который я больше не носила и давала его друзьям, если им была нужна одежда для ночевки. (Не то чтобы у меня было много друзей. Или часто кто-то оставался с ночевой. Ну хорошо, однажды его надевал Айзек, когда его тетя уезжала из города.)

Мэй пристально смотрела на свое отражение, словно пытаюсь узнать себя. Как будто не знала, кто она...

КРРРРРР...

...скрипнула дверь. Мэй обернулась, ее светлые глаза широко распахнулись.

Я чувствовала, что мои щеки заливают румянец. Мама привела домой девочку с порезами на спине, чтобы защитить ее, а я за ней шпионю. Класс, Джулс.

— Прости, — извинилась я. — Не хотела тебя напугать.

Опустила глаза на грязно-белый ковер, и стала натягивать на плечи халат.

— Все в порядке, — тихо ответила она.

Неловкость. Молчание.

Что было понятно, ведь она — незнакомка, спящая в моей комнате. Но одной из нас придется заговорить.

Хорошо, пусть это буду я.

— Ты нашла все необходимое? — спросила я. — В ванной есть запасные полотенца.

Она кивнула.

— Спасибо тебе.

— Не за что.

Снова воцарилась тишина.

— Я пришла за наушниками.

Я показала на пару беспроводных, лежащих на столе.

— Конечно, — сказала она, делая маленький шаг назад, как будто освобождая мне путь, хотя мы были в разных концах комнаты.

Я осторожно подошла, чтобы взять наушники. Странно чувствовать себя так неуютно в своей же комнате.

Мэй посмотрела на наушники.

— Дэни храпит, — объяснила я.

— Они классные, — задумчиво произнесла она, как будто никогда не видела таких.

— Благодарю.

Я копила деньги и приобрела их к Рождеству. А это значило, что теперь я могу слушать

музыку так громко, как хочу, и ни одна из моих сестер не будет жаловаться.

— Завтра я буду в школе, поэтому если захочешь послушать музыку или что-то еще, бери их не стесняясь.

Мэй пожала плечами, что я восприняла как благодарность.

Я посмотрела на свой стол, который оставила в большем беспорядке, чем мне бы хотелось.

— Прости, мне надо было все убрать.

— Ты ведь не знала, что я буду здесь, — сказала Мэй, как ни в чем не бывало.

Я посмотрела на нее. Она уставилась на меня, как будто изучала. У меня от этого мурашки по коже пошли.

Пространство заполнилось еще большей тишиной, создавая странную, тихую тупиковую обстановку.

— Прости за вторжение, — продолжила она, — в твою семью.

— О, все в порядке.

Мне не нравилось, что она здесь, но я не хотела, чтобы Мэй из-за этого переживала. Ведь это не ее вина.

Мэй медленно окинула взглядом мою комнату, внимательно рассматривая все вокруг.

— Похоже, у тебя прекрасная жизнь, — сделала вывод она.

Меня охватил озноб, под фланелевой пижамой побежали мурашки. Может быть моя жизнь и была прекрасной, но когда кто-то указал на это вот так — с любопытством и почти ревностью, мне стало неловко. Я хотела убежать, но возможно именно сейчас у меня была возможность узнать, что же происходит на самом деле.

Не бойся, Джулс.

— Думаю, да, — ответила я, стараясь говорить как можно безразличнее. — Так откуда ты?

Мэй отвернулась от меня и села на кровать, как будто сам вопрос утомлял ее. Возможно, я переступила черту.

— Не говори, если не хочешь...

— Тисдейл, — ответила она, зарывая пальцы ног в ковер.

— Круто, — сказала я, хотя ничего не знала об этом городе. — Это далеко?

Она глубоко вздохнула, будто обиделась на заданный мной вопрос.

— Думаю, это примерно в часе езды отсюда.

Теперь от моего любопытства мне стало не по себе.

— Я всю свою жизнь прожила в Ремингеме, — нервно сказала я. — Мои родители родом отсюда. Ну, по крайней мере, мой отец. Мама переехала сюда в старших классах. Мои бабушка и дедушка, по отцовской линии, тоже здесь. Мы видимся с ними по праздникам. По маминей стороне больше никого не осталось. Ее мама умерла несколько лет назад, а отец... думаю, его не стало много лет назад. Она никогда не говорит о нем.

Я застенчиво постучала указательным пальцем по наушнику.

Мэй ничего не ответила. Она стояла спиной ко мне. Под воротником синего халата виднелась часть белой повязки. Интересно, ей придется спать на животе, чтобы не избежать неудобств?

— Ты в порядке? — спросила я, мое внимание все еще было на повязке.

Ветер стучал по стеклам.

Мэй посмотрела на свои ненакрашенные ногти. Потом она повернулась и впилась

взглядом в мои глаза.

— Буду.

Я не знала, как на это ответить. После нескольких минут молчания я извинилась и пожелала ей спокойной ночи.

С Мэй что-то не так. Нет, я не думаю, что она вампир, оборотень, или что-то типа того. Казалось, эта девочка просто не от мира его. Я не знала, что с ней делать.

Проходя мимо спальни родителей, я услышала, как из-за двери доносится слабый шум. Они никогда не ссорились, что делало ситуацию еще более странной. Папа злится на маму? Это связано с Мэй? Есть что-то, чем мама поделилась с ним, но не с нами? Что же с ней произошло?

Вернувшись в комнату Даниэль, я обошла ее, спящую на диване, и забралась в постель. Я нажала на розовую обложку и включила плейлист Билли Холидэй, который я часто слушала, пока работала. Мне нравилось слушать классический джаз, он успокаивал, когда я волновалась. Что случилось чаще, чем мне бы хотелось.

Я надела наушники и открыла окно поиска на телефоне. До меня дошло, что не знаю фамилии Мэй. Я провела некоторое расследование в социальных сетях, но никого похожего не обнаружила.

Потом напечатала «Тисдейл, Огайо». Может быть, то место, откуда она родом, расскажет мне больше.

Появились результаты поиска по Тисдейл. Я просмотрела несколько записей о городе. Информации было немного: фермерский городок... основанный в тысяча восемьсот...

Затем я нажала на последнюю ссылку. На экран загрузилось изображение:

Перевернутая пятиконечная звезда в круге.

Символ показался мне знакомым, но прежде, чем я успела подумать, что он означает...

Бум!

Глава 9

ЭТО БЫЛА ВЕТКА. ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛАЯ.

Прошлой ночью она упала с дуба, стоявшего в нашем дворе. Ветер дул так сильно, что ветка врезалась в эркер нашей гостиной, разбив стекло. Дэни проспала это испытание (удивление, удивление), а мама пошла утешать Мэй. Я помогла отцу подмести стекло и наклеить на окно брезент. Мы практически не разговаривали. Я могла бы предположить, что мысли папы были заняты происходящим между ним и мамой. К тому же, это произошло среди ночи — совсем неподходящее время, чтобы задавать вопросы.

Добравшись до кровати, я была слишком уставшей, чтобы продолжать расследование. Нужно немного поспать перед завтрашней встречей.

Но я проворочалась всю ночь, то и дело погружаясь в кошмар, в котором была в нашем темном гараже. Я пыталась найти выход на ощупь, но стены были слишком гладкими. Казалось, мои руки скользили по бесконечному кругу.

Нужно ли говорить, что на следующее утро я была без сил. Пробираясь на кухню, я едва могла держать глаза открытыми. Мама приготовила завтрак, оставив на конторке блины.

Я решила, что мне нужен кофеин. С сегодняшнего дня начинаю пить кофе.

Я подошла к френч-прессу и налила себе чашку напитка. С дымным, кислым и отвратительным запахом, но мне было все равно. Сегодня у меня собеседование, и я не могу его проспать.

— С каких это пор ты пьешь кофе? – спросила Хелен, заходя в кухню в своем сером

блейзере поверх темно-синего платья-халата.

— Он мне нужен. У меня сегодня собеседование.

— Кофе крепкий, — предупредила Хелен, даже не спросив, где у меня собеседование.

— Знаю, — ответила я, хотя понятия не имела, означает ли крепость уровень кофеина, аромат, или и то, и другое. Я вылила остатки напитка в огромную кружку, так что для нее ничего не осталось.

Хелен взглянула на пустой кофейник. Пожав плечами, она сказала:

— Я попрошу Лэндона, чтобы он купил мне кофе. А что случилось с окном в гостиной?

Если Хелен не знала о ветке, значит, скорее всего, еще не знала и о Мэй. Я слышала, что вчера она поздно вернулась домой. Может, у мамы не было времени поговорить с ней. Хотя можно предположить, что мама могла бы предупредить ее об этом. Эй, в нашем доме спит странная девушка с кровоточащей спиной. Какой смайлик подошел бы для такого сообщения?

— Ветка, — безапелляционно сообщила я ей. — Ты хоть знаешь, что происходит?

Прежде чем Хелен успела ответить, в кухню вошла Мэй.

Одетая в мою одежду.

Это мама попросила одолжить ей что-нибудь, что я и сделала. Но все равно было непривычно. На Мэй были мои темные джинсы и черный свитер с вырезом в форме лодочки, который мама купила мне в восьмом классе. Я думала, это придаст мне утонченный вид, но когда я его надевала, он всегда казался громоздким и не сидел так, как надо. У Мэй он спадал с левого плеча, слегка подчеркивая ее изящную ключицу. Сверху виднелась белая повязка.

Мэй, должно быть, перехватила мой взгляд, потому что быстро поправила свитер, чтобы прикрыть плечо.

Я опустила взгляд на свой кофе и заставила себя сделать глоток.

— Привет, я Хелен. А ты подруга Джулс?

Мэй посмотрела на меня. Была ли она моей подругой?

Как я должна ответить на это? Мы ведь даже не знали друг друга.

К счастью, мама прервала неловкий момент, прежде чем мы успели ответить. Она была одета в темно-серые брюки и синюю блузку.

— Отлично, ты уже познакомилась с Мэй, — сказала мама Хелен. — Мэй останется у нас на несколько дней.

Мэй прислонилась бедром к стойке, будто ей была нужна поддержка. Глядя на ее высокое тело, мне стало интересно, не истекла ли она кровью на моей кровати.

— Отличный вырез, — похвалила Хелен.

Мэй провела пальцами по кончикам своей косы, которая свисала до локтя. Хотя у нее были темные круги под глазами и она была не накрашена, выглядела Мэй великолепно.

— О, спасибо, — тихо ответила Мэй. — Это Джулс одолжила его мне.

— На тебе эта вещь смотрится лучше, чем на ней.

— Ну спасибо, — съязвила я в ответ, хотя знала, что она права.

— Куда делся кофе? — спросил папа, когда зашел и увидел пустой кофейник.. Он выглядел еще более усталым, чем обычно.

— Это Джулс все выпила. Пока!

Хелен схватила протеиновый батончик и провальсировала до выхода.

Папа повернулся ко мне.

— Джулс, если ты собираешься пить мой кофе, то сделай хотя бы еще.

В его голосе был намек на раздражение.

— Я не умею, — попыталась оправдаться я.

— Все в порядке, — сказал он уже более мягким голосом.

Папа не мог долго злиться на нас.

— Как-нибудь я тебя научу.

— Ты хорошо выглядишь, — похвалила его мама, проведя рукой по папиному плечу. —

Неужели это наш новый костюм?

— Хммммм... — кивнул папа, сжав губы сильнее, чем когда-либо.

Мама потянулась за кружкой, а потом внезапно вскрикнула:

— Твоя встреча! Совсем забыла, что она сегодня.

Папа ничего не ответил, но было видно, что его это немного обидело.

— Ты понравишься региональному менеджеру, — сказала мама, заваривая свой «Эрл Грей». — Уверена, они тебя повысят.

Насколько я поняла, папа собирался возглавить надзор за слиянием в банке, в котором работал.

— Будем надеяться, — настороженно ответил папа, насыпая в френч-пресс новый кофе.

— Питер, — начала мама, — я знаю, что сегодня у тебя важный день, но не мог бы ты снова отвезти девочек в школу? Мы с Мэй должны разобраться с бумагами в суде.

— Конечно, — согласился папа, закрывая пакет с кофе. — Мэй, ты не голодна?

Мой отец, возможно, и был раздражен, но он среднезападный человек, и по менталитету просто был неспособен проявлять невежливость по отношению к гостям.

— Нет, — тихо ответила Мэй. — Спасибо вам.

— Мы с Мэй собираемся позавтракать в закусочной, — объяснила мама, заваривая чай.

Я знала закусочную, о которой шла речь. Мама водила меня туда обедать, когда я приходила к ней на работу. Мне нравились фиолетовые виниловые сиденья и блестящие столешницы. Но что больше всего мне нравилось в наших посещениях, так это то, что когда мы были там, мама была полностью в моем распоряжении. Кажется, нам всегда не хватало только нашего времени.

Однако, для Мэй, похоже, оно нашлось.

Я посмотрела на странную девушку, живущую в нашем доме. Ей в одночасье удалось рассорить моих родителей, мама теперь брала ее на завтрак, и она носила мою одежду.

Но что действительно меня беспокоило, так это то, что я понятия не имела, кто эта девушка.

Глава 10

— Точно останется шрам, — заключила Конни, осматривая спину девушки. — Но, похоже, рваные раны заживают хорошо, — добавила она, пытаясь найти металлическую прокладку. — Да и жизненные показатели в норме.

— Это здорово! — воскликнула Сюзанна.

Конни, не прекращая порхать над столом для осмотра, окинула ее взглядом.

Мэй сидела на краю стола, расстегнув платье на спине, чтобы Конни смогла промыть раны. Девочка ничего не говорила, просто смотрела на ветку дерева, которую увидела из окна ординаторской, на этаж выше травматологии, где была до того.

— Сейчас чуть-чуть пощиплет.

Конни окунула ватный тампон в какое-то дезинфицирующее средство, а затем

призналась:

— Ладно, больше чем чуть-чуть.

Мэй обхватила пальцами края матраса, собираясь с духом.

Конни прижала повязку к порезам, быстро и эффективно промывая раны. Мэй никак не реагировала на это.

— Да, — начала Конни, вытирая запекшиеся от крови раны, — быстро тебе нашли место в приемной семье! Никогда не видела, чтобы Служба защиты детей работала так быстро! Правда, доктор Матис?

Конни взглянула на Сюзанну, которая через силу ответила:

— Мэй не в приемной семье. Она осталась со мной.

Уставившись на Сюзанну, медсестра замерла с марлевой повязкой в руке.

— Я зарегистрирована в системе приемных родителей, — сообщила Сюзанна, — Мы с Питером прошли регистрацию еще до того, как у нас появились девочки. Сегодня утром мы получили одобрение судьи.

— Но вчера вечером ты отвезла ее домой.

Конни продолжила промывать рану, стараясь говорить как можно тише, хотя это было бесполезно, потому что Мэй, очевидно, и так слышала весь разговор.

Сюзанна скрестила руки на белом халате.

— То есть ты считаешь, что я должна была оставить ее с тем мужчиной, который приходил сюда...?

— Каким мужчиной? — спросила Мэй в тот момент, когда Сюзанна поняла, что стоит держать язык за зубами. — За мной кто-то приходил?

Конни моментально сделала вид, что занята уборкой медикаментов.

— Да, — ответила Сюзанна. — Мужчина пытался выписать тебя из больницы. Вчера днем.

— Ну, тут я почти закончила, — заключила Конни, стараясь изобразить оптимистичный тон. — У меня еще много пациентов. Позвоните мне, если что-нибудь понадобится.

Она выбежала из комнаты.

Воцарилась неловкая тишина.

Сюзанна подошла и присела на край кровати рядом с Мэй, ладони которой все еще сжимали матрас. Несколько минут они сидели молча. Наконец, Мэй заговорила, ее голос был низким.

— Как он выглядел? Тот мужчина?

Сюзанна сунула руки в карманы пиджака.

— Высокий, — начала она, — У него были седые волосы и очень загорелая кожа. Даже немного обгорелая.

— В шляпе? — промолвила Мэй, не отрывая взгляда от пола.

Сюзанна кивнула.

— Да. В ковбойской.

Мэй начала дрожать, обхватила себя руками, как будто пыталась уменьшиться до минимальных размеров, а потом и вовсе исчезнуть.

— Этот мужчина — один из тех, кто причинил тебе боль? — рискнула спросить Сюзанна.

Мэй кивнула.

Сюзанна наконец осознала, что это значит. А потом спросила:

— Он твой отец?

Она попыталась говорить спокойно, но ее тон все равно выдавал тревогу.

Мэй продолжала дрожать, не говоря ни слова.

— Все в порядке, Мэй, — успокоила Сюзанна, — я не дам тебя в обиду.

Мэй посмотрела на Сюзанну умоляющими глазами. Сюзанна заставила себя выдержать взгляд девушки.

— Тебе не придется возвращаться к нему, обещаю, — твердо сказала она.

Мэй немного расслабила руки, ее дрожь потихоньку утихала. Она глубоко вздохнула, затем наклонила голову в сторону и положила ее на плечо Сюзанны.

Сюзанна была удивлена телесным контактом и не шевелилась.

Худые плечи Мэй медленно поднимались и опускались от тяжелого дыхания. Сюзанна тихо ждала, дав девушке время прийти в себя.

Через некоторое время девочка снова заговорила дрожащим голосом:

— Он мне не отец.

Мэй подняла голову и повернулась к дальней стене, ее тело замерло.

— Он шериф.

Глава 11

За обедом мы с Айзеком сидели в углу кафе. Яковыряла несвежий бутерброд с ветчиной, в то время как он жаловался на склонность Виктории Лю заканчивать все предложения вопросом.

Пока Айзек приводил многочисленные примеры интонаций Виктории, я экспериментировала с фильтрами на фотографии вялого малька, тонущего в кетчупе. Думаю, я оставлю этот снимок для публикации в конце недели и подпишу его как #жаренаясмерть.

— Так раздражать — это вообще законно? Вот так разговаривать? Все время? — передразнивал

Айзек интонации своего самопровозглашенного врага.

По ходу его разглагольствований я кивала, но в голове у меня были лишь мысли о встрече с Себастьяном и сотрудниками «Регалья».

— Ты вообще слушаешь меня? — спросил Айзек.

Он знал, что нет, поэтому я даже не стала притворяться:

— Просто я нервничаю из-за собеседования.

Я взялась за воротник своего шерстяного платья, в переполненной кафетерии было тепло.

— А еще я не спала.

Айзек закатил глаза.

— Отлично, и теперь ты будешь ворчать весь день.

И тут я вспомнила, что так и не смогла посмотреть на этот перевернутый символ в виде звезды со странички в интернете Тисдейла! Я похлопала по карманам в поисках телефона. Этот символ показывали по телевизору и в фильмах, и мне казалось, что он связан с чем-то плохим, но пока не знала, с чем конкретно.

Прокрутив вниз, я прочитала несколько описаний. Этот знак был пентаграммой.

Мой взгляд упал на:

«Перевернутая пентаграмма использовалась в оккультизме эпохи Возрождения. Она продолжает ассоциироваться с Дьяволом и часто считается знаком Сатаны».

Что.

За.

УФФ.

Пентаграмма? Эта девушка поклонялась дьяволу? Или жила с людьми, которые это делали? Большинство известных мне людей были христианами и ходили в церкви. Разных видов, да, но ни одна из них не была связана с Сатаной.

— Если ты не будешь есть наггетсы, тогда это сделаю я, — заявил Айзек, указывая на мою тарелку.

Я быстро выключила экран.

— Хорошо, — сказала я, пытаюсь скрыть тревогу от только что прочитанного.

Это мне не удавалось — нужно сосредоточиться.

Я уставилась на поднос. На самом деле есть мне не хотелось. Однако я смертельно устала. Я потянулась за чашкой кофе, которую купила в соседнем кафе рядом со столовой. На вкус он был как сгоревшая вода.

— Нам нужно обсудить наш проект социальных исследований, — настаивал Айзек, доставая блокнот. — Я начал работать над тезисами.

Я не могла вспомнить, когда в последний раз так уставала. Мне нужно быть начеку, чтобы произвести впечатление на Себастьяна и его коллег.

— Серьезно, Джулс. Что с тобой? — спросил Айзек. — И с каких это пор ты пьешь кофе? Допоздна была со своим парнем?

— Он не мой парень.

— Неважно. Он им станет, и тогда ты забудешь обо мне, и я останусь совсем один, — полусхотливо обвинил меня Айзек.

— Хорошо, да, именно так и будет, — ответила я, будучи не в силах спорить.

Айзек посмотрел на меня.

— Я прощу тебя, потому что явно что-то происходит. И я знаю, что это не ПМС, так что даже не пытайся прикрыться этим.

— Это жутковато, — говорю я, но так мило, что Айзек настолько хорошо меня знает. Я подвинула к нему свои наггетсы в знак молчаливого извинения. Он съел один, соглашаясь на перемирие. Я сделала большой глоток кофе, поморщившись от его вкуса.

— А теперь ты расскажешь мне, что на самом деле с тобой происходит?

Я замешкалась. Рассказать ли Айзеку о Мэй? У меня никогда не было тайн от него. Я даже рассказала ему о том, что, когда в седьмом классе я подхватила ушную инфекцию, у меня была такая плохая реакция на пенициллин, что все тело покрылось красными пятнами. Но сейчас мне не хотелось говорить о Мэй. Я уже и так не спала из-за нее всю ночь. Достаточно и этого вмешательства в мою жизнь.

— Я просто нервничаю из-за собеседования в газете, — наконец ответила я.

Впервые в жизни я солгала своему лучшему другу.

Глава 12

В офисе «Ремингем Регаль» бурлила активная деятельность. Студенты, быстро печатающие на ноутбуках, парень в углу за большим монитором, редактирующий ролик какой-то футбольной съемки. Там стояла классная доска с идеями для историй, и еще одна, которую вытирали два первокурсника.

Мое сердце забилось в предвкушении. Или, может быть, это была дрожь от всего выпитого мною кофеина. Скорее всего, и то, и другое.

— Джулс!

Закончив читать что-то на планшете, Себастьян встал из-за стола, и обратился к одному из редакторов:

— Выглядит великолепно, Грета. Давай добудем доказательства этому, и можно будет публиковать.

— Садись! – сказал он, ухмыльнувшись и указывая на общий рабочий стол в центре комнаты.

Я бросила сумку на стул и села.

— Наоми, Зик, присоединяйтесь, — позвал Себастьян.

Одетая во все черное, Наоми была высокой, стройной старшекласницей. Она подошла к столу, последовав за Зиком, долговязым учеником младших классов в шляпе газетчика, одетой набекрень, и клетчатой фланелевой толстовке.

— Наоми — редактор социальных сетей, а Зик — главный редактор контента.

— Привет, — сказала Наоми, протягивая изящную руку.

Я пожалала ее. Пальцы девушки были тонкими и сильными.

— Ты — младшая сестра Хелен, — сказала она то ли вопросительным, то ли утвердительным тоном.

Я кивнула, а потом помахала Зику, приветствуя его.

— Кажется, мы знакомы, — вспомнил он. — Моя мама работает с твоим отцом в банке. Мы ведь оба были на той рождественской вечеринке в прошлом году? Там, где были креветки, съешь-сколько-сможешь?

— О да, — ответила я, хотя не помнила, чтобы видела его там.

— Итак, — начал Себастьян, — я хотел бы поделиться с вами идеей для новой колонки, которую придумали мы с Джулс.

Наоми сдержанно улыбнулась. Потом они с Зиком внимательно слушали Себастьяна, пока тот рассказывал о том, что, надеюсь, станет моей колонкой. До меня дошло, что мое лицо, должно быть, выглядит чрезмерно взволновано, ведь я же была так близка к тому, чтобы все сложится и у меня наконец-то будет своя собственная колонка. Я приложила все усилия, чтобы расслабить щеки. Соберись, Джулс.

— В колонке будет портрет и короткое интервью, каждую неделю разный учащийся, — пояснил Себастьян. — Мы разместим его на последней странице печатного издания.

— И как она будет называться? – поинтересовалась Наоми, изящно сложив руки на столе.

Себастьян взглянул на меня.

— О, хмм....

Глубокий вдох, Джулс!

— Я подумала, что мы могли бы назвать ее «Люди, которых ты не знаешь».

Старшекласники приняли удар на себя. Я вспотела. От шерстяного платья, от кофе, от нервов, но в основном от того, что я была тааааак близка к тому, что у меня будет собственная колонка и я буду работать с Себастьяном, если, конечно, все не испорчу.

Наконец, заговорила Наоми.

— Мне нравится.

— Превосходно, — согласился Зик.

Я вздохнула с облегчением.

— Итак, Джулс, расскажи нам свое видение проекта, — сказал Себастьян.

К счастью, я потратила весь урок геометрии на обдумывание колонки. Да, придется просить у Айзека конспект по теореме Пифагора, но зато сейчас я была готова.

— Ну, я всегда думала, что портретные снимки — это запечатление духа человека, — начала я. — Раскрытие внутреннего мира чел...

— Вот вы где!

Я услышала знакомый голос, но он был настолько неуместен здесь, что у меня закрались сомнения по поводу того, слышу ли я его на самом деле. Я повернулась, чтобы посмотреть ...

В дверях стояла мама и улыбалась. Что она делает в школе? Должно быть, случилось что-то очень серьезное.

— Привет, Джулс! — просияла она. Если что-то было не так, почему она вела себя так оптимистично?

Это было так странно.

— Как ты меня нашла? — вымолвила я.

Этим утром мама была так занята заботами о Мэй, что я не сказала ей о встрече.

— Я видела Айзека, — объяснила она. — Он сказал, что ты проходишь собеседование в школьную газету. Очень интересно! — щебетала она в комнате, полной студентов, которые теперь все смотрели на нежеланную родственницу. Мою родственницу. Крайне нежелательную в данный момент.

— Что ты здесь делаешь? — прошипела я.

— Ну, — начала мама, — я подумала, что ты могла бы показать Мэй окрестности.

Она отошла в сторону, открывая на обозрение нашу гостью, невинно стоящую у дверного косяка.

Мэй была в моей школе. Прерывая самый волнующий момент моей научной карьеры, и, возможно, личной жизни.

Я попыталась молча сообщить матери, что нахожусь в центре чего-то очень важного, но она, похоже, не получила мое телепатическое сообщение.

— С завтрашнего дня Мэй будет учиться с тобой в одном классе, — объяснила мама.

Подождите. Что? Мама сказала, что Мэй остановилась у нас всего на несколько дней. Почему она пошла в мою школу? А как насчет знака Сатаны, с которым ассоциировался ее город Тисдейл? Маме известно об этом?

Моя нога затряслась. Мне нужно сосредоточиться на главном деле: спасение собеседования. Нужно убрать отсюда маму и Мэй, и как можно скорее.

— Мам, у нас сейчас собеседование, — объяснила я, пытаюсь скрыть от Себастьяна и редакторов растущее беспокойство.

Мама не поняла намека.

— Замечательно! Это будет интересно Мэй. У меня есть кое-какие дела. Девочки, я заберу вас через час. А пока наслаждайтесь! — добавила мама, выходя из кабинета.

Это невозможно.

Мэй смущенно стояла в дверях, не зная, что делать. Все смотрели на нас. Мне нужно пригласить ее? По моему сейчас я не настолько милосердна.

После неловкого молчания раздался теплый тенор:

— Не хочешь присесть? — любезно предложил Мэй Себастьян.

Мэй повернулась ко мне, словно ожидая моего одобрения.

Мне определенно хотелось сказать «нет». Но что еще мне оставалось делать? Сказать

ей, чтобы она стояла в коридоре? В конце концов, это не ее вина, что она здесь. Виновата моя мама.

Я заставила свое лицо выражать радушие.

— Конечно, — предложила я с натянутым позитивом.

Видя, что ситуация хоть немного разрешилась, остальные развернулись к своим мониторам.

Мэй скользнула к столу и села. Наоми, Зик, и даже Себастьян уставились на прекрасную девушку, которая каким-то образом проникла в наш мир.

— Я Мэй, — тихо сказала она им. — Но думаю, вам это уже известно, — добавила она с легкой улыбкой.

Себастьян, Зик и Наоми рассмеялись.

— Очень приятно познакомиться, — ответил Зик, на мой взгляд, с излишним энтузиазмом.

— Итак, вернемся к колонке «Люди, которых вы не знаете»!

Это прозвучало громче, чем я предполагала, но мне нужно было попытаться привлечь внимание к рассматриваемому вопросу. К себе.

Я перескочила к важной части своего выступления:

— Я бы хотела делать портреты в контекстной ситуации, чтобы они связывали человека с тем, кто он есть. Но это не должно быть очевидно. Если это баскетболист, то его не обязательно фотографировать на баскетбольной площадке. Я бы сфотографировала его в библиотеке, потому что он любитель истории, но никому об этом не говорил.

— Отличная идея! — подбодрил меня Себастьян.

— Для самого интервью я бы выбрала пять вопросов, которые вы, возможно, даже не подумали бы задавать каждому.

— Интересно, — кивнула Наоми, — расскажи об этом поподробнее.

Теперь собеседование вернулось на круги своя, мы продолжили обсуждать детали колонки, как и когда она будет опубликована. Наоми сказала, что она хочет обсудить аспект применения социальных сетей. Например, в течение недели вопросы будет подбирать общественность. Эта идея показалась мне супер гениальной.

— Если все собрались, давайте начнем! — подытожил Себастьян.

— Придумай несколько примеров вопросов и отправь их мне. Так как это наше первое издание колонки, мы даем себе несколько недель на то, чтобы со всем разобраться. — Публикация в понедельник, поэтому итоговые версии файлов нужно отправить накануне вечером по электронной почте Брианне, — сказал он, показывая на девушку в очках с кошачьими глазами, которая сидела через несколько столов.

— Идет! — согласилась я.

Несмотря на то, что меня прервали, я справилась. Я буду работать в газете над потрясающим проектом. Да к тому же еще и с Себастьяном!

— И, — добавил он, — похоже, у нас уже есть первый человек!

— Кого ты имеешь в виду? — спросила я.

Когда это успело решиться? Мы ведь еще даже ничего не обсуждали.

Я медленно повернулась и проследовала за взглядом Себастьяна. Он смотрел на Мэй.

Глава 13

Выйдя на крыльцо школы, мы с Мэй неловко ждали, когда мама заберет нас. Конечно же, она приехала поздно. Возможно, мама пыталась сделать все, чтобы мы с Мэй

сблизились. Ну да, тонкая тактика, мам.

Мэй прислонилась к кирпичной стене у двойных дверей, как бы пытаясь замаскироваться. Между тем, кофеин, выпитый мною за обедом, все еще не сошел на нет, поэтому я ходила взад-вперед по лестнице, как сумасшедшая, пытаюсь сжечь энергию. Мне чуть ли не хотелось перебежать через дорогу на поле и разминаться с футбольной командой мальчиков.

Я украдкой посмотрела на Мэй. Она пыталась отказаться, когда Себастьян предложил ей стать первой темой “Людей, которых ты не знаешь”, но Себастьян настаивал. Он обладал уникальным сочетанием уверенности и оптимизма, которое вынуждало людей согласиться с ним.

С тех пор, как мы покинули редакцию «Регалья», Мэй не проронила ни слова.

Уверена, это была гениальная идея моей мамы: записать ее в школу и повесить на меня. Всякий раз, когда у мамы была задача, которая была для нее неудобной, она перепоручала ее мне — спокойному среднему ребенку, потому что я была слишком тихой, чтобы жаловаться.

И все же я не могла принять тот факт, что Мэй будет со мной на занятиях. Я действительно не знала ее ситуацию, но что, если это как-то связано с поклонением дьяволу? Я не настолько высоко стояла на социальной лестнице, чтобы пережить что-то подобное. Особенно в нашей пригородной церко-приходской школе. Здесь лучше быть преступником, чем не ходить в церковь. А служение Сатане — так и вовсе социальное вымирание.

— Ты проделала хорошую работу.

Стоя на нижней ступеньке, я подняла глаза и увидела Мэй, которая поднялась выше и теперь возвышалась надо мной. Она крутила пальцами косичку.

— На собеседовании, — пояснила она.

Меня удивило, что Мэй обратила на это внимание. Ведь она просидела всю встречу, пристально рассматривая контейнер с карандашами на столе.

— Благодарю. Я очень нервничала, — призналась я, пиная подошвой «оксфордов» нижнюю ступеньку.

— Непохоже, — сказала она, как бы между прочим, комплимент. — Давно фотографируешь?

— Папа отдал свою старую камеру, когда мне было семь, так что думаю, именно тогда все и началось.

— Очень мило с его стороны.

Я посмотрела на нее. Что-то в том, как она это сказала, прозвучало почти осуждающе. Наверное, я не задумывалась об этом с подобной точки зрения. Я настолько привыкла к тому, что родители дают мне вещи, в основном на день рождения или праздники, тем самым обеспечивая меня, что это никогда не казалось особенным. Но думаю, она была права. Это на самом деле мило. Не все родители отдают своим детям фотоаппараты, когда тем семь лет.

— Если хочешь, я могу показать тебе свой корм (прим.: игра слов: feed – новостная лента и корм), — предложила я.

— Для скота? — смущенно спросила она.

Эмм, нет, не для скота, ответила я мысленно.

— В Инстаграм, — пояснила я. — Просто фотографии, сделанные на телефон, но я их там выкладываю.

Мэй выглядела так, будто не совсем понимала смысл сказанных мною слов.

— У тебя он есть? — спросила я, — Инстаграм?

Она отрицательно покачала головой, озадаченная беседой. Как она могла не знать про Инстаграм?

— У тебя есть телефон? — осмелилась спросить я.

— Нет, — ответила она, — мне не разрешали.

Ничего не понимаю.

— Тебе не разрешали пользоваться телефоном или интернетом? У тебя ведь есть телефон для экстренных звонков, да?

Мэй отрицательно покачала головой.

— Почему?

Мне нужно докопаться до сути.

Мэй на мгновение задумалась, как это объяснить.

— Людям в моем городе это не очень нравилось.

— Что?

— Технологии.

Она заявила это так, как будто не любила технологии нашего сумасшедшего мира.

Я сделала несколько шагов вверх по лестнице.

— Ты сектантка?

— Нет, — ответила она, — просто у нас был свой собственный путь в жизни. Люди говорили, что нам это не нужно.

— Если у вас не было телефонов и прочего, как же люди поддерживали связь?

Мэй пошаркала подошвами своих пурпурных ботинок от «Мэри Джейн» по цементу. Я поняла, что они новые. Где она взяла новую обувь? Это мама купила их ей?

— Люди в основном собирались в церкви. Или в школе, — пробормотала Мэй.

Школа? Что это было, «Маленький домик в прериях»?

— Что это за церковь? — поинтересовалась я, выуживая информацию. — Епископальная?

— Не совсем, — ответила Мэй, — у нас... было нечто свое.

— Как так?

Она ничего не ответила.

Я присоединилась к Мэй на верху лестницы. Даже теперь, даже когда мы стояли на одном уровне, она все равно была немного выше меня. Хотя до сих пор она была довольно тихой и мягкой, стоя рядом с ней у меня появилось странное чувство. Что она намного сильнее, чем кажется.

— Город был старомодным или что-то вроде того?

— Да, наверное.

Интересно, что сделало меня такой смелой: уверенность после собеседования или все-таки кофе?

— Почему? — надавила я.

Она задумалась на некоторое время, а потом в конце концов сказала:

— Они долгое время вели дела определенным способом, поэтому просто продолжили начатое.

— Например?

Не успев получить дополнительную информацию, я услышала знакомый голос:

— Я думал, ты мне напишешь!

Я обернулась и увидела Айзека, выбегающего из здания.

— Как прошло собеседование?

Я выдавила из себя улыбку.

— Хорошо! – едва удалось выговорить мне.

— Твоя мама нашла тебя? Она искала тебя с...

Подойдя ближе, он заметил Мэй.

— Ней, — заявил он.

Он некоторое время рассматривал Мэй, а потом представился:

— Я Айзек.

Мэй, казалось, застыла и поздоровалась с ним, вяло кивнув.

— Это Мэй, — сказала я Айзеку, не зная, что еще добавить.

— О-кей...

Он уставился на меня. Он понимал, что я не рассказываю ему всю историю, а ему не нравилось находиться в неведении.

Мне нужно было ему сказать хоть что-то.

— Она...поживет у нас несколько дней, — объяснила я.

Я хотела бы рассказать ему больше, но не хотела показаться Мэй невежливой.

Айзеку этой информации было недостаточно.

— Ну что ж, — сказал он, слегка взмахнув волосами — ты на последний автобус?

— Мама заедет за нами.

— Круто.

Он повернулся и практически побежал вниз по ступенькам, явно раздраженный.

— Я позвоню тебе позже! — закричала я ему вслед, — Обещаю!

Он ничего не ответил. Я почувствовала себя дерьмово. Было件нятно, что Айзек недоволен мной. Он был моим лучшим другом, а я заставила его чувствовать себя ненужным из-за Мэй. Конечно, он переживет это, но эта девушка только появилась в моей жизни, и уже все разрушала. Рациональная часть меня понимала, что это не ее вина.

Но в какой-то степени это было именно так.

Глава 14

ОБЛАСТНАЯ БОЛЬНИЦА РЕМИНГЕМА, ТРАВМАТОЛОГИЯ

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ ДЕЛО

Дата: 12 сентября 2004 года

Имя пациента: Джозеф Траума

Возраст: 10

Краткий обзор:

СИМПТОМЫ: Широкие порезы на спине ребенка. Пятиконечная рваная рана в форме звезды в центре спины, с кругом, охватывающим звезду, направленную вниз. Множественные слои рубцовой ткани под ранами, свидетельство неоднократного насилия.

ЛЕЧЕНИЕ: Пациент отказывается принимать жидкости, твердые вещества или лекарства, получил экстренное лечение для лечения боли и антибиотики внутривенно. Запланирована восстановительная операция по пересадке кожи.

РЕЗУЛЬТАТ: На стадии подготовки пациента к операции родители попытались забрать ребенка. Вмешались службы защиты детей, и суд вынес решение по этому вопросу. Однако ребенок исчез из больничных помещений, и после полицейского расследования

семью обнаружить не удалось.

ОБЛАСТНАЯ БОЛЬНИЦА РЕМИНГЕМА, ТРАВМАТОЛОГИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ ДЕЛО

Дата: 30 апреля 2009 года

Имя пациента: Генриетта Траума

Возраст: 12

Краткий обзор:

СИМПТОМЫ: Пациентка прибыла в крайне тяжелом состоянии, с многочисленными рваными ранами на спине и кровотечением из рук и ног. Пациентка получила обширную физическую и эмоциональную травму, включая возможное сексуальное насилие. У пациентки проявились признаки множественного расстройства личности.

ЛЕЧЕНИЕ: Психиатрическое лечение, болеутоляющие препараты, антипсихотические лекарства.

РЕЗУЛЬТАТ: После обращения за медицинской помощью пациентку планировалось отпустить под опеку дяди с учетом продолжения психиатрической помощи. Перед выпиской пациентка покончила с собой.

Сюзанна смотрела на документы. Хотя она никогда не знала настоящих имен пациентов, она живо помнила два случая много лет назад. Оба ребенка подверглись жестокому обращению.

Она просмотрела папки и, хотя не смогла найти место рождения девочки, обнаружила, откуда мальчик: из Тисдейла. И у него на спине была вырезана пентаграмма, как у Мэй.

Должно быть Тисдейл, это тот же город, откуда приехала Мэй.

ТУК-ТУК.

Сюзанна закрыла папки с делами и подняла глаза. В дверях стояла Джоанна Монтеcito, администратор больницы. Сюзанна быстро спрятала документы под бумагами на столе.

— Могу я увидеть вас в своем кабинете, доктор Матис? – спросила Джоанна.

Сюзанна улыбнулась своему боссу, зная, что у нее нет выбора.

— Конечно.

* * *

— Недопустимо, — заключила Джоанна, сидя напротив Сюзанны, теперь уже в кабинете администратора, который был морских и зеленоватых оттенков. Это, в сочетании с флуоресцентными лампами, бросало мрачный свет на маленькое помещение.

— Доктор Матис, такого просто не бывает. Знаете, к чему это может привести?

— Здесь было небезопасно, — возразила Сюзанна, складывая руки на груди.

— Небезопасно? — усмехнулась Джоанна. — Посмотрите, как безопасно, когда руководство больницы узнает, что один из наших сотрудников забрал домой пациента! Вы же знаете, что у них уже есть психиатр. Вы хоть представляете, с какими сокращениями бюджета я имею дело? Я пытаюсь удержать от сокращения целые отделы.

— Знаю, и мне очень жаль, — сочувствовала Сюзанна, чтобы успокоить ее, — однако, я зарегистрирована как патрон. И я получила одобрение судьи по этому делу.

— Но вы забрали ее домой до того, как получили разрешение!

Сюзанна избегала смотреть в глаза Джоанне, когда та говорила правду.

— И есть разрешение или нет, — продолжала Джоанна, — вы были лечащим

психиатром пациента.

— Я передала ее лечение доктору Бреннеру, — возразила Сюзанна.

— Предварительно не посоветовавшись со мной!

Сюзанна кивнула.

— Я... прошу за это прощения. Это было необдуманно. Пришел этот мужчина, и он угрожал. Мне нужно было принять решение и позвонить судье.

— Я действительно не одобряю.

Джоанна потянула за нижний край пиджака цвета фуксии. — И, — продолжал администратор.

— И, — повторила она для пущей выразительности, — вы вступили в контакт с посетителем неподобающим образом.

— Неподобающим образом? Что я должна была сделать, выписать ее к нему? Он явно угрожал мне и Мэй.

— Очевидно, нет, вы не должны были подпускать его к пациенту, и вам следовало позволить охране разобраться с этим.

— Я бы так и сделала, будь Джерри в здании, — защищалась Сюзанна, повышая голос.

— Не надо терять самообладание, — предупредила Джоанна. — Мы должны следовать протоколу.

— Я следовала протоколу.

Сюзанна наклонилась вперед.

— Вы знаете, что ее порезало несколько человек? На спине?

Джоанна не смотрела ей в глаза.

— Девочка подверглась насилию. Серьезному. Ей небезопасно возвращаться домой.

— С этим никто не спорит, — согласилась Джоанна. Мы просто должны принять определенные меры предосторожности.

— Например не отправить Мэй в детдом, где она будет вместе с дюжиной других девочек. Или дать этому ребенку шанс пожить. Такие меры предосторожности, как держать ее в безопасности от жестокого мужчины.

Сюзанна вздохнула, чтобы успокоиться.

Джоанна положила ладони на стол.

— Послушайте, все мы стараемся заботиться об интересах пациентки и каждого в этой больнице. Я понимаю вашу заботу о девочке, — продолжала она. — Но вы ступаете на опасную территорию. Совету психиатров понадобится объяснение, — предупредила она.

Сюзанна встала и взяла карамель из стеклянной тарелки на столе.

— Я знаю, что делаю.

Она сунула конфету в рот и направилась к двери.

— Вы не сможете спасти всех, Сюзанна

Но Сюзанна уже ушла.

Глава 15

В тот вечер я пыталась узнать у мамы, почему Мэй будет ходить в мою школу, но она сказала, что сейчас слишком занята, чтобы говорить об этом. Мама сидела за кухонным столом и корпела над рабочими файлами.

Я болтала по видео чату с Айзеком. Он все еще сердился на меня, но свою вину за то, что не говорила о Мэй раньше, я искупила тем, что выслушала всю его речь в поддержку аннулирования участия «Единых Граждан» в дебатах. А еще я пообещала посмотреть

материалы холодной войны с СССР для нашей презентации по общественнознанию.

Потом я рассказала ему все, что знала о Мэй, чего было не так уж много. Её заинтриговало, что она была из городка, который ассоциировался с Сатаной.

— Я знаю, что ты не любишь разговаривать с незнакомыми людьми, но тебе нужно получить хоть какую-то информацию от этой девушки, — настаивал он. — Устрой ей допрос с пристрастием.

Думаю, он прав.

— Все еще раздражает, что она живет в моей комнате.

— Ты же сказала, что она, вероятно, уедет к концу недели, — сказал он.

Но этого не случилось. Мама сказала нам, что Мэй останется здесь всего на несколько дней, но сегодня пятница, и она явно не собирается уезжать.

Дома я, в основном, держалась особняком. Новость о том, что Мэй, возможно, была последовательницей сатанинского культа, напугала меня. Я хотела расспросить Мэй о том, на что она намекала, но каждый раз, когда мы оказывались рядом, казалось, какая-то внешняя сила, прерывала нас еще до того, как она успевала что-то рассказать.

Хелен и Дэни жили в своих собственных мирах: Дэни получила главную роль в «Ужасном», а Хелен полностью поглотил сезон хоккея на траве. Папа был занят происходящим у него на работе. Кажется, никого в моей семье не заботило присутствие Мэй. Для них она была просто девушкой, которой наша семья взялась помогала в течение нескольких дней.

До сих пор я избегала решения вопроса портретной съемки и интервью Мэй для колонки «Люди, о которых вы не знаете». Себастьян дал нам несколько недель, чтобы закончить первую колонку. Я продолжала убеждать себя, что попрошу ее сфотографироваться завтра, но постоянно откладывала. Я также пыталась придумать пять вопросов для своей колонки, но Себастьяна не устраивал ни один из них:

— Ты на верном пути, но подумай еще.

Тем временем Мэй следовала за мной по школе, как тень. Я надеялась, что за прошедшие несколько дней всплывет что-то еще о ее прошлой жизни, но Мэй всегда молчала, увлеченная наблюдением за нами.

Люди начали задавать вопросы. Я была благодарна, что стояла так низко на социальной лестнице. Я и так не знала, что делать, когда внимание людей переключалось на меня, а уж подобного внимания не хотела и подавно. Но несколько человек на занятиях спрашивали меня, откуда я знаю Мэй, и почему она ходит со мной повсюду. Я отвечала, что она дальняя родственница мамы, и остановилась у нас на несколько дней. Я знала, что это надолго не удовлетворит любопытство студентов нашей голодной до сплетен школы. Слухи быстро распространяются по тому месту, в котором не происходит ничего глобального помимо футбольных игр, и выяснения, кто с кем встречается. Поэтому я прекрасно понимала, что слухи о том, откуда появилась Мэй, разлетятся так же быстро, как разгорается лесной пожар.

Так как была пятница, я надеялась, что если лягу на дно до конца дня, большой футбольный матч на выходных против соперника нашей школы отвлечет людей, и, возможно, Мэй покинет нас к понедельнику, и мне не придется отвечать на какие-либо вопросы.

Но потом случилась Словесность.

Мисс Рэмзи бессвязно говорила о «Гордости и предубеждении», о репутации и социальных конструкциях сельской Англии девятнадцатого века.

— Ладно, ребята. Давайте проведем небольшой опрос!

Двадцати с хвостиком лет учительница отхлебнула уже из третьей по счету диетической колы.

— Поднимите руку, те, на чью жизнь повлияли социальные компоненты.

Несколько человек неуверенно подняли руки.

Учительница в меховых сапогах прошла через проход между партами. Немного переусердствовала с гардеробом, подумала я, учитывая, что на дворе был только сентябрь.

— Да ладно, ребята, социальные компоненты. Они важны, ведь так? Кто с ними сталкивался?

В конце концов, руки подняли все.

— Так-то лучше! – обрадовалась она.

А потом Мисс Рэмзи посмотрела на Мэй, которая сидела в дальнем углу комнаты.

— Итак, Мэй, как социальные компоненты повлияли на твою жизнь?

Лицо Мэй побледнело. Ее еще ни разу не спрашивали на уроках. Казалось, большинство учителей давали ей время приспособиться. Но я предположила, что Мисс Рэмзи интересовалась Мэй так же, как и все мы, и использовала этот вопрос, чтобы узнать больше об этой странной, поразительной девушке.

— Повлияли ли на тебя ожидания других людей в социальной среде?— перефразировала вопрос Мисс Рэмзи.

Мэй смотрела на свои пальцы, которыми она теребила волосы. Обычно она собирала их в косу, но не сегодня.

Наконец, Мэй ответила низким голосом:

— Да, — призналась она.

Мисс Рэмзи присела на край стола, выставив на обозрение ноги в короткой юбке.

— Как это отразилось на тебе? Не могла бы ты привести пример?

Все взгляды были прикованы к Мэй. На ней был мой фиолетовый вязаный свитер. Я больше не носила его, потому что он начал обтягивать мой живот и грудь, но Мэй он подходил идеально. Она натянула рукава вниз на ладони.

— Я выросла в очень маленьком городке, — начала она. — Люди говорили о том, что ты делаешь.

Мисс Рэмзи ждала, когда Мэй продолжит. Как и все в классе.

— Это очень распространено в маленьких городах, — подбодрила ее Мисс Рэмзи, пытаясь направить разговор. — Расскажи нам об этом подробнее. Чувствовала ли ты давление на свои мысли и действия? Считали ли ты, что стоит вести себя определенным образом из-за накладываемых на тебя социальных ожиданий?

Мэй на мгновение задумалась, а потом продолжила:

— Ну, ты должна была действовать так, как им нравилось, если не хотела их расстраивать.

Мой пульс участился. Я была в ужасе от того, представляя, что еще Мэй может сказать, и с чем это будет ассоциироваться, а самое главное, как это повлияет на меня. Она скажет им, что родом из города, связанного с культом? Подумают ли люди, что я каким-то образом причастна к этому?

— А где ты выросла? — спросила Мисс Рэмзи, стараясь говорить небрежно.

Мэй глубоко вздохнула:

— Тисдейл, — ответила она.

С другого конца комнаты донеслось хихиканье.

— Тисдейл?

У Джейсона Кесслера была ухмылка на лице. Он был одет в свою личную форму для тренировок.

— Там живут поклоняющиеся дьяволу.

Люди повернулись к нему.

— Мой отец юрист, — гордо объяснял Джейсон классу, который внимательно слушал его. — У него был случай — владелец магазина подал в суд на фермеров за то, что они не доставили оплаченный заказ. Эти фермеры из Тисдэйла. Когда мой отец расспрашивал их, они ссылались на то, что пшеница не растет из-за того, что их жертву не приняли или что-то в этом духе, совершенное безумие. Они поклоняются дьяволу.

Хихиканье, которое больше походило на нервный смех, раздавалось из разных уголков класса.

— Ладно, Джейсон, довольно.

Мисс Рэмзи попыталась вернуть разговор к рассматриваемому вопросу. Она прочистила горло большим количеством содовой.

— Итак, Мэй, считаешь ли ты какие-нибудь социальные компоненты универсальными?

Мэй на мгновение задумалась, а потом повернулась ко мне:

— Да. Джулс объясняла мне их.

Весь класс уставился на меня. Это правда, я пыталась объяснить Мэй все. Интернет. Социальные сети. Упакованные продукты. Я хотела внимания в школе, но не внимания, связанного со Странной Новенькой. Я на полном серьезе хотела быть невидимкой.

— Так это правда? — вернулся Джейсон к тому, с чего начал. — Вы поклонники дьявола?

— Джейсон, довольно, — вмешалась Мисс Рэмзи, но я могла бы с полной уверенностью заявить, что она хотела узнать об этом не меньше, чем все остальные.

— Что такого, я просто задал вопрос, — фальшиво усмехнулся Джейсон. — Разве мы не должны развивать пылкий ум? — с вызовом спросил он.

Мисс Рэмзи с беспокойством посмотрела на Мэй. Она не знала, что делать.

Мэй пошла дальше и ответила на вопрос, явно надеясь, что это оградит ее дальнейших расспросов.

— Люди... верят в то, что хотят, — просто заявила она.

— Ты веришь в Сатану? Ты поклоняешься дьяволу? — вставил Джейсон.

Мэй сидела неподвижно. В классе было тихо, чего никогда не случалось. Даже Мисс Рэмзи смотрела на Мэй, потрясенная. Наконец, Мэй ответила:

— Нет, я не верю, — сказала она. Затем она решительно добавила, обращаясь к Джейсону:

— Никогда не верила.

Лицо Мэй склонилось к столу, и она что-то прошептала, будто заклинание:

— Они не могут заставить меня, они не могут заставить меня, они не могут заставить меня, они не могут заставить меня...

Я съезжилась в своем кресле. Никто не знал, что сказать, даже Мисс Рэмзи.

К счастью, прозвенел звонок. Все с облегчением зашумели и начали покидать класс, стараясь обходить Мэй стороной.

Встав в очередь за обедом, я взяла малюсенький гамбургер с индейкой и булочку с

салатом. Но я не смогла устоять перед картошкой фри: иногда была нужна вкусная еда, и сейчас было как раз то самое «иногда». Я взяла со стола специй несколько белых бумажных контейнеров кетчупа. Я знала, что он напичкан химикатами, но по какой-то причине я любила этот сладкий красный соус.

Мэй следовала за мной. Раньше я просто не знала, как с ней разговаривать, но после случившегося на уроке, я уже точно не знала, что ей сказать. Мэй пыталась сблизиться со мной, возможно, потому, что я была единственным человеком, которого она знала, но я старалась сохранить максимальную дистанцию между нами. Однако каждый раз, когда я оборачивалась, она была там, еще ближе, как в той жуткой игре: «Красный свет, зеленый свет».

Когда я отошла от стола с соусами, я заметила, что за столом для волейболисток оставалось место, но нападающая с правого фланга подошла и заняла место. Черт!

Я подумывала о том, чтобы ворваться в аудиторию, где у Айзека проходили дебаты, но мне не хотелось быть рядом с подобной обстановкой. Я обернулась и увидела Мэй, которая двигалась в очереди за обедом, наблюдая за мной. Она быстро отвела взгляд, делая вид, что не смотрит на меня, и заплатила деньгами, которые дала ей мама.

Я озиралась по сторонам, пытаюсь решить, где сесть. Других вариантов не было. Можно было бы выйти на улицу, но шел дождь. Лучше сидеть одной, или мне просто сдать и сесть с Мэй? Ведь люди уже ассоциировали меня с ней...

— А-а-а-а-а!!!

Я развернулась. Джейсон Кесслер, шатаясь, шел по столовой, из его сетчатой майки сочилась красная жидкость.

— Она пыталась убить меня! Дьяволица пыталась убить меня!

Он показывал на Мэй, которая замерла в оцепенении, держа поднос с обедом. Джейсон хватался за шею окровавленными руками.

— Я умира-а-аю, — завыл он, и упал на пол. Люди повытягивали шеи, чтобы лучше видеть, заскрипели стулья.

— Я умира-а-аю!!

Вся столовая уставилась на Мэй. Ее лицо было бледным. Она действительно пыталась причинить ему боль?

Внезапно Джейсон поднялся с пола и обратился к таращащейся толпе.

— Спасибо, спасибо, — сказал он, кланяясь, и красный кетчуп, который он намазал на себя, закапал на пол.

Поняв, что сделал Джейсон, все в комнате засмеялись. На лице Джейсона появилась гигантская глупая ухмылка.

Работница столовой с сеткой на волосах подошла и начала убирать весь этот беспредел.

Щеки Мэй быстро побледнели, а потом почти так же быстро стали красными, как кетчуп на майке Джейсона. Люди смеялись, показывая пальцами на Мэй. Она потянула за свитер. Под нижним краем я заметила белую повязку. Должно быть, это моя мама помогла сменить ее прошлой ночью, потому что они провели много времени в моей комнате за закрытой дверью.

Мэй подняла глаза и посмотрела на меня, умоляя сделать что-нибудь.

Я чувствовала себя ужасно. Я понятия не имела, что делать. Могу ли я чем-нибудь помочь в этой ситуации? И хочу ли я что-то делать?

— Ах ты, маленький засранец! — раздался в столовой властный голос.

Лариса Делиберо, второкурсница-черлидерша и специалистка по минуте, подошла к Джейсону. Я слышала, что летом они с Джейсоном некоторое время встречались, но расстались прямо перед началом занятий при обстоятельствах, которые мне были неизвестны. Догадываюсь, все закончилось не очень хорошо.

Лариса толкнула Джейсона под руку и закричала:

— Ты такой придурок!

Джейсон не переставал хихикать, когда Лариса пыталась переключить все внимание толпы на себя. Он вернулся к группе своих друзей, в то время как вся комната теперь наблюдала за Ларисой и Мэй.

Мэй стояла как статуя. Джейсон выдал ее, а теперь еще и Лариса собиралась унижить ее. Я стояла в нескольких футах от нее. И уже подумывала, не помочь ли ей, но будто остолбенела. Несмотря на то, что я пересмотрела множество классических фильмов, в которых другие предпринимали доблестные действия, ради спасения людей, ничто не подготовит к тому, что на самом деле сказать или сделать, в случае, когда подобная ситуация случится на самом деле.

Лариса скрестила руки на своей обтягивающей футболке и внимательно смотрела на Мэй. Которая стиснула зубы, словно пыталась сдержать слезы.

Все в кафетерии уставились на них. Лариса была одной из самых популярных девочек в школе. В ее власти было дать новенькой мгновенное признание, или короновать изгнанницей до конца школьных дней.

Наконец Лариса заговорила:

— У тебя блестящие волосы, — оценила она Мэй. — Что ты с ними делаешь?

— О, — удивленно произнесла Мэй. — Я смазала их маслом.

— Маслом?

Лицо Ларисы сморщилось от отвращения.

Мэй по наивности утвердительно кивнула, вес социальных последствий этой сделки был ей неизвестен. Лариса оглянулась на группу своих друзей за столом, которые сморщили носы в знак солидарности со своим лидером.

— Какое масло? — подала голос Джесси Эррера, игривая кудрявая последовательница Ларисы. Стол, полный болельщиц, смотрел на них, ожидая приговора, который Лариса вынесет новенькой.

— Касторовое, — добавила Мэй почти вопросительно.

Лариса сдвинула свои тщательно выщипанные брови.

Я почти перестала дышать. Не то чтобы я была фанаткой Мэй, но Лариса могла быть довольно жестокой, и если дела пойдут плохо, остальная в школе последует ее примеру. Гнев общества наверняка обрушится и на меня.

Наступило долгое молчание.

— Боже мой, ты должна сказать мне, где его взять! — наконец заключила Лариса. — Мне нужно, чтобы мои волосы были такими блестящими.

Из-за стола болельщиц раздался хор из «точно» и «мне тоже».

Все в комнате, кажется, коллективно выдохнули. Лариса сочла Мэй достаточно крутой, чтобы заговорить с ней, и даже сделала ей комплимент.

— Садись с нами, — настаивала Лариса, беря Мэй под руку, и я заметила, как она почти незаметно вздрогнула, когда рука Ларисы приблизилась к перевязанной спине Мэй.

Мэй не знала, что делать. Она посмотрела на меня, и в итоге сказала:

— Я собиралась сесть с Джулс.

Что было ложью. Мэй знала, что я не собираюсь садиться с ней. Но она решила поделиться со мной своей минутой славы. От ее любезности мне стало еще хуже, потому что я не сделала ничего, чтобы помочь ей.

Лариса в недоумении повернулась ко мне. Уверена, она даже не помнила, как опозорила меня, или что в прошлом году мы вместе занимались алгеброй.

— Я Джулс, — сказала я и для ясности добавила: — Матис.

Лариса оглядела меня с ног до головы. Она показала на платье-свитер в сине-белую полоску, которое я нашла на чердаке. Еще одна вещь из чердачной коллекции бабушки Лидии.

— Где ты это взяла?

— Это винтаж, — выдавила я.

На мгновение у Ларисы замерло сердце, и она задумалась. А потом...

— Круто, — сказала она оценивающе и махнула мне, чтобы я тоже присоединилась к ним.

Мы с Мэй решили подойти к Ларисе и ее подругам-черлидершам.

— Садись сюда, — предложила Кристина Симковиц, высокая, атлетически сложенная блондинка, с которой я два года занималась на уроках естествознания, но которая до сих пор не сказала мне ни слова. Они подвинулись, освобождая нам место за столом. Девушки, которые никогда даже не признавали моего существования, теперь нашли для меня место.

Лариса нырнула внутрь и села рядом с Мэй.

— Ладно, ты должна нам рассказать. Ты выросла в секте, да? Как это странно!

И каким-то образом, просто так, Мэй стала крута.

И, по ассоциации, я тоже.

Вторая часть

Глава 16

*И так, что и дьявол и ангельский дух
представляют нам объекты желания,
чтобы пробудить свою способность выбирать*

— Руми, «По звуку их голоса»

— ИТА-А-АК, ПРОВЕДИТЕ ЛИНИЮ ПРЯМО ПО КРАЮ ВАШЕГО... (*говори акцентом)

— Почему она так говорит? – удивленно спросила Мэй, глядя на уставшую блондинку на экране моего телефона, которая рассказывала о правильном нанесении жидкой подводки для глаз.

— Понятия не имею, — ответила я, поправляя одеяло на кровати.

Я и забыла, какой у меня мягкий матрас, ведь последние несколько недель я жила в комнате Дэни, тогда как Мэй — в моей спальне. Я не возражала против этого: Дэни в основном жила в своем собственном мире, и я начала проводить больше времени с Мэй. Мама сказала, что поиск новой приемной семьи займет больше времени, чем планировалось, поэтому я решила воспользоваться ситуацией. Кроме того, мы с Мэй часто тусовались в школе, так как учились вместе, и было забавно находиться вместе с ней еще и дома. Мэй ввела меня в свою новообетенную популярность с самого начала, что было очень круто с ее стороны, особенно потому, как я не была особенно добра к ней, когда она только приехала.

Кроме того, я привыкла быть дома одна, но после того, как однажды утром перед школой Мэй отстояла мой наряд перед Хелен, мне стало нравиться иметь ее в качестве домашнего союзника. И хотя у меня был Айзек, как оказалось, иметь подругу тоже неплохо.

Мы скептически смотрели на экран, пока говорящая голова пробегалась по советам о применении липкой темной жидкости. Я никогда не умела хорошо наносить макияж, но поставила перед собой цель улучшить данный навык, смирившись с фактом, что это, вероятно, мне нужно будет делать всю оставшуюся жизнь. Обычно я не сильно крашусь: хватит и того, чтобы, как говорил Айзек, мои глаза «выделялись», и чтобы я не выглядела как зомби, страдающее от бессонницы.

Что еще более важно, меня никогда не приглашали тусоваться со старшеклассниками, так что это казалось идеальным поводом для моих экспериментов с «прихорашиванием».

Лариса Делиберо пригласила нас на вечеринку к старшекласснице Челси Вифе в эту субботу. Точнее, она пригласила Мэй, и меня заодно. Последние пару недель мы с Мэй тусовались с Ларисой и ее #командой, что, несмотря на мой первоначальный скептицизм, оказалось довольно весело. По настоянию Ларисы мы все вместе пошли в магазин за косметикой. Я не знала, что покупка косметики — это групповое занятие. Обычно этим я занималась самостоятельно в последнюю очередь после похода в аптеку. Но признаю, полезно иметь друзей, которые напомнят тебе, что независимо от того, насколько это в тренде, синяя тушь или розовые тени для век — ужасная идея. Лариса порекомендовала жидкую подводку для глаз, и я купила ее, хотя никогда раньше ею не пользовалась. Мэй спросила меня, как ею пользоваться, но я понятия не имела, поэтому мы обратились к YouTube.

— Может, попробуем? — сказала Мэй, направляясь в ванную.

Обычно я не была склонна к авантюрным действиям, особенно если последствия могут быть ужасными. Глядя на эту опасно густую чернильную жидкость, я вдруг представила, как размазываю ее, она стекает по моему лицу и я не могу пойти на вечеринку, потому что выгляжу как опальная поп-звезда.

Но Мэй, казалось, была взволнована, поэтому я подумала — почему бы не попробовать. Храбрая Новая Джулс.

Мэй нажала на видео, чтобы воспроизвести его заново. До того, как она попала к нам домой, она не пользовалась интернетом, но я научила ее пользоваться им, и она быстро освоилась.

Она попыталась подражать девушке.

— Холодная! — сказала Мэй, прикоснувшись палочкой-аппликатором к веку.

Я рассмеялась. У нее была черная точка на веке.

— Ты можешь это исправить? — спросила она.

Я переживала что могу все только испортить, но знала, что не могу допустить, чтобы она выглядела, как искореженный фильтр SnapChat.

Я перебрала свою маленькую, испачканную пятнами косметичку, и вытащила оттуда обычный карандаш для глаз.

— Давай сделаем этим. Думаю, черный подойдет, — сказала я, поднося его к лицу Мэй.

— Ты сможешь немного размазать его и сделать эффект «смоки-айс».

— Значит, будет казаться, будто у меня на веках дым?

Я пожала плечами.

— Это должно выглядеть сексуально.

Глаза Мэй расширились на миллисекунду, но затем вернулись в норму. Она определенно была чувствительна ко всему, что касалось секса. Из того небольшого, что мне удалось узнать о ее прошлой жизни, складывалось впечатление, что мир, в котором она выросла, был довольно строгим, даже ханжеским.

— Закроешь глаза?

Я посмотрела на ее безупречную кожу. За те несколько недель, что она здесь, я не увидела у нее ни одного прыщика. У меня они тоже появлялись не так часто, но все же, мы ведь подростки. А ее щеки были естественного розового цвета. Ей даже не нужно краситься.

Осторожно положив одну руку на край ее века, я зафиксировала карандаш. Ее кожа была мягкой. Я поставила кончик карандаша в угол ее века и провела им по линии роста ресниц с большей уверенностью, чем я делала большинство вещей в своей жизни. Все вышло как надо.

Затем я сосредоточилась на другом веке и сделала то же самое. Успех.

— Теперь растушем.

Я провела безымянным пальцем по веку, делая небольшие круги. Я также добавила немного теней и выровняла все. Закончив, я восхитилась своей работой. Мэй выглядела красиво: взрослая и сексуальная, но в меру.

Мэй неуверенно смотрела на свое отражение.

— Раньше ты не пользовалась косметикой, — догадалась я. Она отрицательно покачала головой.

— Я тоже. Родители не разрешали мне краситься до двенадцати лет. Мама не хотела, чтобы у нас было искаженное самоощущение, или «восхваление внешней красоты».

— Но Дэни пользуется косметикой.

Меня удивило, что Мэй заметила это, но она была довольно наблюдательна. Она заметила, что за завтраком я иногда ем непрожаренный хлеб и что мой отец всегда сидит по левую сторону стола, поэтому она стала садиться рядом с ним.

— Да, ей еще нет двенадцати, только будет, в следующем месяце, — ответила я. — Но она убедила мою маму разрешить ей, когда она скинула весь свой детский жир, чтобы она могла эпично начать учебный год.

Я вдруг подумала, что у меня даже мыслей не было просить маму разрешить мне краситься раньше времени. Я никогда не задавала вопросов касаясь установленных правил. Просто всегда соглашалась с ними, чтобы сохранить статус-кво.

— Думаю, мне бы даже в голову не пришло идти против правил, — призналась я Мэй.

— И мне, — сказала Мэй. — Но я больше не могла терпеть.

Она задумалась, водя пальцем по гладкому краю раковины.

— Что ты имеешь в виду? — мягко спросила я.

— Раньше я следовала многим правилам. А потом это стало... слишком ...

Мэй замолчала и уставилась на раковину, ковыряя засохшую зубную пасту. Иногда она вот так отключалась, и ее нужно было подтолкнуть, чтобы вернуть к разговору.

— Что ты имеешь в виду, Мэй?

Она резко повернулась ко мне.

— Иногда вещи предназначены для того, чтобы сломать тебя. И они это делают. Но, — добавила она яростно, — ты можешь использовать это. Чтобы стать сильнее.

Наступила тишина, ее слова повисли в воздухе.

— О, дайте мне попробовать! — перебила Дэни, врываясь в ванную комнату.

На ней был розовый велюровый комбинезон, который она носила почти каждый день. Это был ее официальный костюм для репетиций, который, как мне кажется, она увидела на какой-нибудь поп-звезде.

— Мы собираемся — сказала я сестре. Перевод: Убирайся.

— Мне просто нужны мои резинки. Расслабься.

Она потянулась к шкафу и вытащила пачку неоновых колечек.

Принюхавшись, Дэни спросила:

— Это духи Хелен? Ну, точно!

— Она дала их мне, — сказала я в свою защиту. Так и было. Или точнее, она положила их в сумку, которую мама принесла в «Гудвилл», а я их оттуда вытащила.

— У тебя классные глаза, — похвалила Дэни Мэй.

— Спасибо, Амелия, — улыбнувшись, сказала Мэй, а потом поняла, что назвала мою сестру не тем именем.

— Прости, Даниэль.

На лицо Мэй упала тень.

— Ничего страшного, — ответила Дэни, собирая кудри в конский хвост.

— Кто такая Амелия? — спросила я.

Это не было похоже на «Даниэль», так перепутать — это странно.

Мэй взяла расческу и провела ею по волосам цвета воронова крыла.

— Просто знакомая, — тихо ответила она.

— А-ме-е-елия-я-я, — пропела Дэни пели, на мотив «Вестсайдской истории», — Мария.

— Убирайся, — приказала я, пресытившись своей надоедливой сестренкой.

Дэни закатила глаза, и выходя, схватила мой блеск для губ.

— Спасибо, пока-а-а!

— Эй! — окликнула я ее, зная, что это бесполезно. Мне было слышно, как она хихикала в коридоре.

Накрасившись, мы оделись в нашей общей комнате, Мэй переодевалась в туалете. Закончив, мы осмотрели себя в зеркале в полный рост.

Мэй потянула за рукава темно-бордового вязаного платья, которое я одолжила ей. Платье хорошо сочеталось с ее бледной кожей и темными волосами. На мне было новое/старое платье в морском стиле, которое я обнаружила в глубине шкафа. Я смутно припоминала, как несколько лет назад Хелен отдала его мне, как вещь, переходящую от одного человека к другому. Белое платье было немного тесновато, но я все равно надела его и поправила подол. Оно было достаточно коротким, чтобы выглядеть мило, но достаточно длинным, чтобы не чувствовать себя в нем распутной: золотая середина.

Мы стояли близко друг к другу и смотрели на наше отражение в зеркале. Мэй была чуть выше меня. Я была впечатлена результатами наших сборов. Хорошая работа.

Потом Мэй взглянула на мой вырез.

— Так красиво.

Я потянулась к кулону на цепочке. Золотая половинка сердца приятно согревала мои пальцы.

— Спасибо, это подарок мамы на тринадцатилетие. Другая половинка у нее. Я знаю, что это слишком сентиментально, но мне все равно нравится.

Мэй уставилась на него, на свету сердце блеснуло. Я вспомнила, как Мэй рассказывала

о том, что ей запрещали носить украшения.

— Вот, примерь это.

Я расстегнула застежку и протянула ей.

Мэй уставилась на меня.

— Серьезно?

— Да, — заверила я ее.

Осторожно, чтобы не дотрагиваться до плеч или спины Мэй, я обернула цепочку вокруг ее шеи. Она подняла свои темные волосы, и я застегнула ее.

Мэй восхищалась висевшим у нее на груди кулоном, и сияла так, словно ей только что присвоили титул королевы бала.

Она посмотрела на меня в зеркало.

— Спасибо тебе, Джулс.

Я улыбнулась в ответ.

— Да не за что.

Мэй не сводила с меня глаз.

— Ты хорошая подруга.

Глава 17

ИЗ МУЗЫКАЛЬНОГО АВТОМАТА, СТОЯВШЕГО В УГЛУ Бара, доносилась кантри-музыка. Воздух был наполнен запахом долгих ночей и пролитого пива. Неоновые вывески и плакаты с рекламой виски были единственным украшением на стенах, обшитых деревянными панелями, если не считать одинокой оленьей головы.

Сюзанна, плотнее запахнув свое тонкое пальто, оглядывала немногочисленную толпу преданных посетителей. Ее глаза следили за вереницей выпивох у бара, пока она не увидела:

Детектив Нельсон.

Его помятый серый костюм — особенность, который он был верен все те годы, что она знала его, Нельсон носил его в любое время года. Она познакомилась с ним после рождения Хелен, когда только начала работать в больнице, где ему поручили вести дела. Теперь, когда мужчине перевалило за пятьдесят, его волосы поседели, и их стало меньше.

Она прошла по липкому полу и скользнула на сиденье рядом с ним. Он повернулся к ней лицом, а потом снова вернулся к пиву.

— Вы не отвечали на мои звонки, — заявила Сюзанна, объясняя свое присутствие здесь.

Нельсон покачал головой, удивляясь упорству Сюзанны.

— Вы никогда не сдаетесь, да?

Он махнул бармену.

— Билл, этой женщине нужно пропустить стаканчик, если не два.

Сюзанна заказала вино, и бармен отправился на поиски бокала: и бутылки, если уж на то пошло.

Сюзанна ковыряла картонную подставку. То, что она сделала — приехала сюда, было не так уж плохо. Однако ей было известно, что Питер, скорее всего, не одобрит, что она выследила детектива в баре в субботу вечером, чтобы поговорить о пациенте.

— Ваше здоровье, — сказал детектив Нельсон, поднимая кружку с пивом, в то время как бармен ставил перед Сюзанной бокал красного вина.

Сюзанна чокнулась с ним бокалом и пригубила вино, чтобы успокоиться. Вино было очень кислым на вкус. Она догадалась, что этот напиток здесь подают крайне редко.

Нельсон сделал большой глоток пива, а потом его водянистые голубые глаза

посмотрели на Сюзанну.

— Что привело вас в это прекрасное заведение, доктор Матис?

Сюзанна с трудом начала разговор.

— Я хочу поговорить о девушке из больницы. С порезами на спине.

Нельсон понимающе кивнул, как будто боялся, что она здесь из-за этого.

— Был еще мальчик. Он поступил много лет назад, когда я только начинала работать в больнице. У него были такие же порезы. Он был из Тисдейла, как и Мэй.

Сюзанна ждала реакции детектива. Нельсон потягивал из кружки янтарную жидкость, не проявляя ни капли эмоций.

Сюзанна глубоко вздохнула и продолжила:

— Этот город... Мне кажется, это секта. И они совершают преступления насильственного характера против несовершеннолетних.

«3333ТТТ», — завибрировал мобильник Сюзанны на облупившейся лакированной поверхности барной стойки. Сюзанна инстинктивно нажала на кнопку, чтобы заглушить звонок, потом посмотрела на экран.

ПИТЕР.

Сюзанна не знала, зачем он звонит, возможно, просто для того, чтобы поинтересоваться, как у нее дела, но ей не хотелось отвечать на звонок прямо сейчас. Ей нужно сосредоточиться на том, чтобы заставить детектива Нельсона заняться Тисдейлом.

— Мне нужна ваша помощь, чтобы узнать больше о...

— Я могу прервать вас прямо сейчас, — перебил ее Нельсон. — Этот город не в моей юрисдикции, и по этой причине у меня нет доступа к информации.

— Но мы должны выяснить, что там происходит. Мэй подвергалась жестокому обращению, как и другие дети. Кто знает, сколько еще детей проходят через то же самое?

Толстыми пальцами Нельсон пару раз повернул кружку по часовой стрелке.

— Доктор Матис, я занимался этим городом много лет назад, когда появился этот мальчик.

На лице Сюзанны отразилось удивление.

— Эти люди-психи. Они считают себя прямыми потомками дьявола, — предупредил он. — Не хочется иметь с ними ничего общего. Они любят держаться особняком, пусть это так и останется.

— Но моя пациентка... — возразила Сюзанна.

— Люди и раньше сбегали оттуда, но никогда не давали показаний. Они слишком напуганы, чтобы что-то сказать. У города есть какая-то, не знаю, как лучше сказать... власть над ними. Контроль сознания.

— Контроль сознания...

— Они морочат головы, а потом жертвы просто возвращаются, потому что больше ничего и не знают. И вот... о них снова никто ничего не слышит.

— Классическое сектантское ментальное программирование, — заключила Сюзанна, сделав большой глоток вина и поморщившись от вкуса.

Кантри-песня в музыкальном автомате закончилась, и началась более оптимистичная.

— Кто-то должен что-то предпринять, — решительно заявила Сюзанна. — Мы не можем просто позволить этим людям уйти безнаказанными.

— Я видел, как несколько человек пошли по этой дороге. В прошлом люди пытались выдвинуть против них обвинения. Но это закончилось... не очень хорошо.

Нельсон покачал головой.

— В конце концов, они сами наживают себе неприятности.

— Какие?

— Вам лучше не знать.

Сюзанна согнулась пополам. Она должна заставить его помочь ей. Она наклонилась вперед, понизив голос:

— А что, если мы найдем его?

— Кого?

— Мальчика с вырезанной на спине пентаграммой. Который пришел в больницу много лет назад. Возможно, у него до сих пор остался шрам: это доказательство. Еще у нас есть Мэй. Мы могли бы убедить их дать показания. Что может быть убедительнее этих шрамов!

— Доктор Матис...

— Если вы не можете помочь мне разобраться с происходящим в городе, помогите хотя бы мне разобраться в этом деле. Узнайте его настоящее имя.

Детектив Нельсон не ответил.

— Пожалуйста, — продолжила она. — Вы хотите помогать людям, верно? Вот почему мы делаем то, что делаем.

Нельсон тяжело вздохнул и посмотрел на Сюзанну:

— Доктор Матис, вам нужно заботиться о семье. Сосредоточьтесь на этом.

Он потянулся за пивом, тем самым заканчивая разговор.

«3333ТТТ», — снова загудел телефон Сюзанны. Питер. Сюзанна уставилась на экран телефона, на котором вспыхнуло его имя.

— Думаю, вам лучше ответить, — посоветовал детектив Нельсон.

Сюзанна не стала этого делать. Телефон продолжал звонить, пока не перешел на голосовую почту. Сюзанна не шелохнулась.

— Они так и не поймали вашего отца, не так ли?

Лицо Сюзанны побелело.

— После того, как он приходил за вами? — продолжил он.

Сюзанна залпом осушила свой бокал.

— Нет, — выдавила она, наконец, обретя голос.

Потом встала, положила на стойку деньги за выпитое и вышла.

Глава 18

ГРОСС – ЭТО ВСЕ, О ЧЕМ Я МОГЛА ДУМАТЬ, делая крошечный глоток пива красного пластикового стаканчика. Но помимо водки и сомнительного цвета пунша, это было лучшим вариантом на вечеринке. К тому же Себастьян налил их для нас с Мэй, когда мы приехали, так что это, мне показалось, что нужно обязательно принять их. Приятно было его увидеть. Я не была уверена, придет ли он, и слишком нервничала, чтобы спросить его об этом при нашей встрече в «Регале» накануне.

Мы с Мэй стояли на заднем крыльце дома Челси Уифф. Челси была старшеклассницей, с которой я никогда не разговаривала, но она была очень популярна: дом был переполнен. Ходили слухи, что ее родители в Мексике строят дома со своей церковной группой. Поскольку там были все популярные детки, я ожидала увидеть там Хелен, но я слышала, как она сказала маме, что Лэндон пригласил ее на ужин в честь их четырехлетней годовщины. Мистер и миссис Совершенство.

Я была рада, что мама не задавала слишком много вопросов, когда мы спросили у нее

разрешения пойти куда-нибудь вечером. Мне показалось, что с ней что-то не так: она просто кивнула, когда я сказала ей, что мы встречаемся с Айзеком, чтобы пойти в кино, и что его тетя за рулем. Она, вероятно, не возражала бы, если бы мы пошли на вечеринку, но я не хотела отвечать на каверзные вопросы, так как была уверена, что там будет алкоголь.

Я не говорила Айзеку о вечеринке. Я хотела сказать, но все время забывала: может быть, даже нарочно. Айзек не любил такие вечеринки, и часть меня думала, что он будет осуждать меня. Ларисса подобрала нас на отцовском внедорожнике "Шевроле". Хотя у большинства из нас были ученические разрешения, это означало, что мы не могли вести машину после полуночи без присмотра. Но отцу Лариссы, очевидно, было все равно, и он все равно позволил ей воспользоваться машиной.

Я посмотрела на Мэй, которая стояла рядом со мной на крыльце так близко, что я могла чувствовать тепло ее тела. Ее стакан пива все еще был полным.

— На вкус как моча, — пошутила я.

Мэй громко рассмеялась.

— Не то чтобы я когда-нибудь пила мочу, — уточнила я, — пахнет как моча.

— Мой брат однажды пил мочу.

— Омерзительно. Почему?

— Он застрял в лесу на всю ночь, и у него кончилась вода. Он почувствовал жажду и сказал, что это был единственный выход.

Я вспомнила, что она упоминала о нескольких братьях.

— Твой старший брат? — спросила я.

Она кивнула.

— Как его зовут?

Настроение Мэй ухудшилось.

— Хаскелл, — неохотно ответила она.

Потом она затихла, будто спрятавшись в свой собственный мир.

— Мэй!

С другой стороны крыльца появилась Ларисса. На ней был короткий комбинезон, а под ним — желтый лифчик. Интересно, как она не мерзнет?

— О боже, Трэвис здесь, и мы уже проговорили около часа. Мне нужно с ним поцеловаться, — заявила Ларисса, сделав большой глоток.

Трэвис был звездой баскетбола, и все болельщицы падали в обморок при виде него. Он был высоким афроамериканцем и красивым, как модель.

Ларисса посмотрела на меня стеклянными глазами.

— Милое платье, Джулс! — она восхищенно похлопала меня по плечу, — Ты как моряк. Люблю этот стиль.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Мне нравится твой лифчик.

Джулс! Что за странные вещи ты говоришь. Я так обрадовалась комплименту Лариссы, что просто выпалила эту чушь. Вот дерьмо.

— Хм, спасибо, что заметила, — пробормотала она и с облегчением двинулась дальше. — Ребята, давайте зайдем внутрь. Там намного лучше.

Затем она прошептала так громко, что это уже перестало быть шепотом:

— Трэвис внутри!

Ларисса схватила меня за руку и повела сквозь толпу в дом. Я охотно последовала ее примеру. Себастьян тоже был внутри, и мне не удалось поговорить с ним раньше.

Мэй шла за нами по пятам, пока мы шли через кухню, лавируя среди моря пьяных подростков. Худенькая девочка из нашего класса — кажется, ее звали Софи — помахала Мэй, и та помахала в ответ. Я не знала, что они знакомы, но была рада, что Мэй с кем-то подружилась.

— Эй, неудачник! — Ларисса заметила Джейсона.

Он опрокинул желе-шот (прим.: алкогольные шоты в виде желе) с хорошенькой первокурсницей с глазами лани у холодильника. И действительно, на нем была сетчатая майка и баскетбольные шорты. Первокурсница сжимала бицепс Джейсона.

— Даже не надейся, — протянула Ларисса девушке, — У него крошечный член!

Джейсон погрозил Лариссе пальцем, а стоящие рядом захихикали. Мы прошли в гостиную. Я оглядела толпу, состоящую, в основном, из старшеклассников. Все выглядели взрослее, чем я. Или, по крайней мере, мне так казалось. Я надеялась, что макияж и одобренный Лариссой наряд немного состарят меня, чтобы я не выглядела на пятнадцать.

Нас с Айзеком никогда не приглашали на вечеринки. По крайней мере, не на самые крутые. Нас забавляло, какие поверхностные люди ходят на такие мероприятия, но теперь, когда я была здесь и веселилась в электрическом гуле толпы, мне это действительно нравилось. Я чувствовала прилив энергии, будучи частью всего этого.

— Джулс! — услышала я знакомый голос. Это был Себастьян, стоявший рядом с Зиком. Он помахал нам рукой.

Вместо очков на Себастьяне были контактные линзы, а на футболке — фотография Джеймса Дина.

— «Бунтарь без причины» (прим.: фильм 1955 года), — заметила я, когда мы приблизились.

— Большой его поклонник, — ответил он.

— Он великолепен. Хотя «К востоку от Эдема» — мой любимый.

— Мой тоже! — усмехнулся Себастьян.

Я не могла не улыбнуться в ответ.

— Вы, леди, выглядите сногшибательно, — вставил Зик.

На нем снова была та самая почтальонка (прим.: фуражка почтальона как модный аксессуар), которую я хотела взять и развернуть задом наперед или вообще снять эту чертову штуку.

— Красивый кулон, — восхищенно сказал Себастьян Мэй.

— Спасибо, — ответила она. — Это Джулс.

Я восприняла как комплимент то, что Себастьяну понравилось мое украшение, даже несмотря на то, что оно было на Мэй.

— Ну что, ребята, наслаждаетесь выходными? — болтал Зик без умолку.

— Вчера вечером мы ходили на хоккей на траве, — сказала Мэй.

Папа притащил нас на одну из игр Хелен.

— Моей сестры, — объяснила я Себастьяну.

Я поняла, что улыбаюсь больше, чем того требует ситуация. Успокойся, Джулс.

— А ты, Себастьян? Чем ты занимался в эти выходные? — спросила я с легкой небрежностью.

— У меня хорошие выходные: побегал с отцом, отредактировал несколько статей, встретился с другом из Филадельфии. Как дела с «Людьми, которых ты не знаешь»? Когда я смогу увидеть портреты? — спросил он, переводя взгляд на Мэй.

— Мы еще не сделали этого, — призналась я.

Я собиралась сфотографировать Мэй, но все откладывала.

— О, — сказал он удивленно.

— Скоро закончу, — заверила я его.

Мэй взглянула на Себастьяна и отвернулась. Похоже, она не хотела делать их так же сильно, как и я.

— Джейсон умер для меня!— объявила Ларисса, появившись и нарушив наш общественный порядок, — Он подошел ко мне сзади и попытался залить мне в рот водку.

— Еще рюмку водки, — пояснила Джесси Эррера, следуя за Лариссой.

Джесси была одета в свой фирменный топ на бретельках, который удобно демонстрировал ее довольно большие сиськи.

— Я даже не думаю, что он целился в твой рот, — добавила Кристина Симковиц, нанося блеск для губ, к которому она была так пристрастна.

— Как бы то ни было, он облил меня водкой.

Ларисса протянула к нам свою грудь в качестве доказательства.

— Хочешь, я его ударю?— предложил Зик, явно шутя.

Я не думала, что он сможет побить эту махину. Он не мог тягаться с качком Джейсоном.

— Да, врежь ему по лицу, и я щелкну в «Снэпчат» его большой черный фингал.

Ларисса прицеливалась в Зика, ее слова сливались воедино. Она оглядела комнату.

— Эта вечеринка заканчивается. Мы должны взорвать это место.

— Ты уже это сделала, — пошутила Кристина, и Джесси хихикнула.

Ларисса перевела дух.

— У меня есть идея! Почему бы нам не сделать фотосессию? — выдал Себастьян.

Мой желудок сделал сальто.

— Сегодня вечером?— заартачилась я.

— Какую фотосессию? — спросила Джесси. — Кто-то должен меня сфотографировать, я сегодня выгляжу супер мило.

Кристина закатила глаза.

— Ты уже запостила восемь селфи.

— Мэй... для «Регалья», — объяснил Себастьян. — Джулс пишет о ней статью.

— Да-а-а!— воскликнула Ларисса, — Ты выглядишь так мило, Мэй. Твои волосы слишком блестящие. Почему мои не такие блестящие? — она задумалась. — Я пробовала касторовое масло и все такое.

— Не думаю, что это хорошая идея.

Я посмотрела на Мэй, пытаюсь понять, что она об этом думает. Я не хотела ставить ее в неловкое положение. Я также не хотела оказаться на ее месте. При мысли о том, что люди будут наблюдать за съемкой, я начала нервничать. Фотография была моим личным делом.

— У тебя есть фотоаппарат?— поинтересовался Себастьян.

— Я пользовалась телефоном, — объяснила я, — Мой старый «Никон» сломался, и я жду «Canon 5D Mark III» на Рождество.

Себастьян выглядел разочарованным, поэтому я попыталась исправить ситуацию:

— К тому же я обычно не беру с собой фотоаппарат на вечеринки.

— Давай сделаем это, — вмешалась Мэй.

Я удивленно повернулась к ней. Мэй, похоже, не любила, когда на нее обращали

внимание, но, возможно, два глотка пива придали ей смелости.

— Потрясающе! – просиял Себастьян.

— Трэвис и еще несколько человек собираются на кладбище, — сообщила нам Джесси. — Очевидно, городские надгробия выкапывают, чтобы их перенести, и кто-то сказал, что вы сможете увидеть гробы.

— Фу! — воскликнула Ларисса. — Подожди, Трэвис уходит?

Джесси кивнула.

— Кладбище — отличное место для фотосессии, — задумчиво произнес Себастьян.

— Мы уходим, — объявила Ларисса.

Она схватила Мэй за руку и повела ее к двери, за ней последовали Джесси и Кристина. Мэй оглянулась на меня. Мы обе пожали плечами. Значит, мы собираемся делать ее портрет на кладбище.

— Мы идем?— сказал Себастьян, предлагая руку.

Я посмотрела на него, хотя меньше всего мне хотелось сейчас идти на кладбище и фотографировать Мэй, не могла отказаться от общения с Себастьяном.

Я взяла его под руку.

— Не возражаю, — ответила я, будто была Скарлетт О'Хара из «Унесенных ветром», а он лихим Рэттом Батлером.

Знала, что мое лицо выдает, как я счастлива, когда мы вышли из вечеринки рука об руку, но мне было все равно.

Мы забрались во внедорожник Лариссы и направились к кладбищу. Себастьян взял у Лариссы ключи, настаивая, что поведет машину. Он был совершенно трезв и объяснил, что от выпивки у него болит голова, поэтому редко пьет.

Мы с Мэй втиснулись на заднее сиденье, и это было прекрасно, потому что Ларисса говорила так громко, что почти кричала. Джесси и Кристина стояли рядом с ней, чтобы принять на себя последствия. Я напомнила себе, что никогда не выпью водки, да и вообще какие-либо шоты.

Я посмотрела на левую ладонь Мэй, лежащую на ее костлявом колене. На ладони у нее было маленькое, покрытое шрамами пятнышко. Я заметила, что у нее тоже была такое же и на другой ладони.

— Что случилось с твоей рукой? — тихо спросила я.

Мэй быстро опустила рукава на ладони.

— Я упала, — просто ответила она, затем отвернулась и посмотрела в окно.

На обе руки? Было странно иметь шрам в одном и том же месте на обеих ладонях. Но она явно не хотела говорить об этом, поэтому я не стала настаивать.

Добравшись до кладбища, мы гуськом вышли из машины. Трэвис уже был там, окруженный группой друзей-спортсменов.

Ларисса подошла к нему и начала бесстыдно флиртовать. У мальчиков была бутылка текилы. Я видела, как Джесси сделала большой глоток и передала его Кристине.

— Там хорошее освещение, Джулс.

Себастьян указал на большой мавзолей, где полная луна отражалась от известняка.

Он последовал за мной и Мэй. Я поняла, что его взгляд через мое плечо определенно заставляет меня нервничать, таким путем хороших кадров не выйдет.

— Я поняла, — заверила я его. — Мы догоним вас через несколько минут.

Мы с Мэй пошли по влажной траве к мавзолею. Пока мы поднимались по небольшому

склону между надгробиями, я старалась не смотреть на гравюры. Меня всегда пугало то, что имена людей были выставлены в футах над их разлагающимися трупами.

Интересно, потеряла ли Мэй кого-нибудь из близких?

— Ты часто так делаешь? — спросила Мэй, когда мы подошли к каменному строению.

— Ты про фотосессии и тусовки на кладбищах? Никогда. И я даже не хожу на вечеринки, — призналась я.

Откуда-то с холма донесся взрыв смеха. Я оглянулась через плечо и увидела Лариссу, сидящую на надгробии, обхватив ногами Трэвиса.

— Зато весело, — сказала Мэй, — Мне нравится быть с людьми.

— Я тоже, — согласилась я. — Весело быть частью толпы.

— Хорошей толпы, — пояснила она, — Это действительно отличается от того, как я росла, но мне нравится здесь.

— Ты супер храбрая, такая отважная, пробуешь новые вещи.

Это был комплимент для Мэй, но также отражало то, что я думала о себе в последнее время: бросая вызов самой себе, чтобы быть более уверенной и открытой в школе, со всем этим новым вниманием.

— Да, именно так, — Мэй кивнула, понимая это. — Я веду себя очень храбро.

Мы подошли к Мавзолею, и Мэй улыбнулась мне.

Казалось, это длилось целую вечность.

Двигаясь дальше, я вытащила свой телефон в поисках лучшего освещения. Это была моя первая колонка, поэтому я хотела сделать снимок правильно. Я вдруг разозлилась на себя за то, что так долго ждала, чтобы сделать портрет Мэй. Ночь — не самое легкое время для фотосъемки, особенно на камеру телефона. Если использовать вспышку, фото будет размыто, поэтому я хотела попытаться получить достаточно света без нее. К счастью, луна была полной.

— Почему бы тебе не встать здесь, — предложила я, указывая туда, где лунный свет был ярче всего.

Мэй подошла и посмотрела на меня без улыбки. Она выглядела как человек на одном из тех старинных портретов, где все выглядели так, будто кто-то только что умер.

Я должна была заставить ее расслабиться.

— Почему бы тебе не попробовать... встряхнуть волосами.

— Моими волосами?

— Да, только потряси головой.

Она неумело сделала это.

— И руками, — добавила я. — Просто поверни их немного, постарайся расслабиться.

Я видела, как фотограф использовал эту технику на модели в каком-то дурацком реалити-шоу, но она сработала.

Теперь обе немного расслабились, и я приготовилась снимать. Через экран лицо Мэй почти светилось в лунном свете.

— Опустить подбородок?

Она сделала. Я щелкнула и посмотрела на то, что получилось. Даже не стараясь, Мэй выглядела как модель: как будто фильтр удалил все недостатки с ее лица, хотя я и не использовала его.

Я продолжала фотографировать, в то время как мы пробовали разные позы:

— Положишь руку на бедро? Да, это здорово. Теперь откинешься немного назад?

Мэй повернулась к камню, но тут же отпрянула. Я совсем забыла о ране на ее спине. Прошло несколько недель, и я думал, что она зажила, но, возможно, ее шрамы все еще болят.

— Прости, — быстро извинилась я.

— Все в порядке, — заверила она меня, резко выдохнув.

Затем она повернулась другим боком, улыбнулась в камеру.

— Ты такая настоящая, — похвалила я ее.

Я сделала еще несколько снимков.

— Ты выглядела счастливой, — сказала Мэй.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда он разговаривал с тобой. Себастьян.

Я остановилась, рассматривая последние снимки на телефоне. Я надеялась, что Мэй не заметила моего увлечения Себастьяном, но безуспешно, так как ее разум, казалось, впитывал каждую деталь.

— Он тоже выглядел счастливым, — добавила Мэй, — когда говорил с тобой.

— Правда? — спросила я слишком быстро.

Мэй кивнула.

— Он тебе нравится, — сказала она.

Она дразнит меня? Или просто спросил? Я не могла точно сказать.

— Мне... неважно. Я имею в виду, он милый, — попыталась пойти на попятную я.

Не знаю почему, но мне было стыдно признаться ей в своей любви. Почему я превращаю это в нечто грандиозное? Любить кого-то — не преступление.

Я попыталась сменить тему.

— Лунный свет подчеркивает твои скулы.

Мэй долго смотрела на луну. Она не ответила. Она помолчала, продолжая смотреть вверх.

— Давай сделаем еще несколько снимков, и дело с концом, — сказала я.

Она повернулась ко мне, и я сделала еще несколько снимков. Она выглядела практически идеально в каждом кадре; я знала, что у нас будет из чего выбрать. Я снова переключилась на камеру.

Внезапно Мэй резко повернула голову.

— Что это было?

Теперь она смотрела на опушку леса, словно олень, почуявший запах хищника.

Я посмотрела на безмолвные деревья.

— Я ничего не слышала.

Мэй продолжала смотреть мимо ряда надгробий на деревья.

— Может, это ветер, — предположила я, пытаюсь избавить ее от беспокойства.

Мэй повернулась ко мне. Кажется, она не думала, что это ветер.

— Извини, я нервничаю в полнолуние, — объяснила она.

— Ты что, оборотень или что-то в этом роде? — пошутила я.

— Нет, — ответила она без иронии. — Там, откуда я родом, полнолуние было чем-то большим.

— Как это?

— Это просто ... нечто особенное. Как праздник.

— Круто, — сказала я.

Я подняла телефон и сделала еще несколько снимков. Сквозь экран я видела, как она снова обратила внимание на луну, будто та тянула ее магнитом. Ее бледная кожа светилась.

Сделала несколько снимков, желая запечатлеть яркий румянец на ее щеках.

Затем через экран я увидела, как губы Мэй зашевелились. Я не могла разобрать, что она говорит.

— Я царствую над тобой, говорит Повелитель Земли... — пробормотала она.

Я опустила телефон и смотрела, как она продолжала чуть громче.

— ...В силе, которая правит и тем, что над нами, и тем, что под нами, в чьих руках солнце — сверкающий меч, а луна — пронзительный огонь...

Казалось, она была в трансе, произнося эти слова или что-то в этом роде, не отрывая взгляда от луны.

— Мэй? — окликнула я.

Но она не подала виду, что слышала меня.

— ...Который примеряет ваши одежды среди моих одежд и связывает вас, как ладони моей руки, и освещает ваше одеяние адским светом, — продолжала она, говоря все громче и громче.

О чем, черт возьми, она говорит?

Потом ее затрясло. Я шагнула к ней, не зная, что делать. Все ее тело содрогалось, будто у нее был приступ или что-то в этом роде. Паника пробежала по моему телу. Я не хотела, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое, особенно в мое дежурство.

— Мэй! — позвала я ее, пытаюсь заставить прийти в себя.

Ее руки размахивали так сильно, что я не могла дотянуться до нее, даже если бы попыталась. Она повысила голос:

— Могут ли услышать крылья крыльев твой голос знамения?

Святое дерьмо, это было странно. О чем она говорит?

— Помогите! — крикнула я ребятам.

Несколько пьяных голов оторвались от своего веселья. Себастьян бросился к нам.

— ...Которых я приготовил как чаши для свадьбы или как цветы, услаждающие чертоги похоти!

Мэй неудержимо трясло. Ее тело, казалось, потеряло способность оставаться в вертикальном положении. Она прислонилась к скале мавзолея и тяжело опустилась на нее. Интересно, больно ли ей?

— Сильнее твоих ног лишь голый камень. Сильнее твоего голоса лишь множество ветров, — почти кричала она.

— Эпилепсия? — спросил Себастьян, появившись на сцене.

Остальные последовали за ним.

— Не знаю, — запаниковала я. — Ее просто начало трясти.

— Ибо ты стал созданием, которого не существует, кроме как в уме Всемогущего явления Сатаны!

Джесси потянулась к телефону, чтобы снять видео, но Ларисса остановила ее. Возможно, она действительно заботилась о Мэй.

Себастьян потянулся к верхней части ее тела, чтобы поднять ее с земли.

— Похоже на Енохианские ключи, — предположил Зик. — Хочешь, я возьму ее за ноги?

— Давай просто поставим ее на ноги, — предложил Себастьян, когда мальчики потянулись к Мэй.

— Ключи — это как библейские стихи, верно? — спросил Себастьян.

— Скорее, заклинания, — сказал Зик, когда они прислонили Мэй к мавзолею.

Я понятия не имела, что такое Енохианские ключи, но знала, что они жуткие.

Себастьян опустился на колени рядом с Мэй. Ее глаза все еще были прикованы к луне.

— Восстань! Говорит Первый! Ступай же к его слугам! Покажи себя у власти...

— Мэй, — мягко сказал Себастьян.

Он потянулся к ней, обхватил руками ее худое тело и заключил в объятия.

— Все в порядке, — спокойно сказал он. — Все будет хорошо.

Мэй наконец оторвала взгляд от луны и посмотрела на мальчика, который ее обнимал.

— Ты в порядке, — заверил он ее.

И почему-то, по крайней мере, в этот момент, она поверила ему. Ее дрожащее тело замерло. Мэй уставилась на Себастьяна, безвольно утопая в его объятиях. Хотя у нас с ним был момент из «Унесенных ветром», я не могла отрицать, что темные черты лица Мэй и положение девицы в беде делали ее похожей на Скарлетт О'Хара, уставившуюся на своего Рэтта.

Глава 19

СЮЗАННА НЕ СТАЛА ОСТАВЛЯТЬ СООБЩЕНИЕ. Она уже трижды звон детективу Нельсону и каждый раз попадала на голосовую почту.

Сунув телефон в карман, она вылезла из машины и взяла кружку с утренним чаем. Девушка вошла в здание больницы и прошла по коридору травматологического отделения, взглянув на часы. Через полчаса у нее было совещание всего отдела, и она хотела еще кое-что выяснить, прежде чем оно начнется, поэтому ускорила шаг.

Когда Сюзанна проходила мимо, психиатр-первогодка отвел глаза. Возможно, он слышал, что Сюзанна забрала Мэй домой. Сюзанна знала, что весь департамент говорит об этом, но держала голову высоко поднятой.

— Доброе утро, Джеймс, — небрежно поздоровалась она, проходя мимо.

Завернув за угол, она вошла в свой кабинет. Войдя, она чуть не выронила стакан.

За ее столом сидел мужчина: тот шериф из секты.

На нем было все то же длинное коричневое пальто, а в руке он держал ковбойскую шляпу. Его тяжелые ботинки были водружены на стол Сюзанны. Кусок засохшей грязи упал рядом с клавиатурой Сюзанны. Само его присутствие было вторжением.

— Как вы сюда попали?

— Пришел с доставкой. Мой друг доставляет сюда молоко.

Сюзанна глубоко вздохнула и привела в порядок лицо.

— Что вам нужно? — спросила она.

Темные глаза мужчины уставились на Сюзанну.

— То же, что и тебе, — ответил он. — Так будет лучше для девочки.

Он спустил ноги со стола, скинув кусок грязи с поверхности искусственного дерева на ковер.

— Какой девочки? — с вызовом спросила Сюзанна.

Она была плохой лгуньей и знала это, но не должна была выдавать информацию о Мэй, хотя и знала, что именно о ней идет речь.

— Мэй Луиза Додд, — сказал он. — Шестнадцать лет. Родилась шестого января. Черные волосы, зеленые глаза, маленькая коричневая родинка на левой щеке. Пара царапин на спине.

Сюзанна все еще не клюнула на приманку, поэтому ничего не ответила.

— Ее родители, — продолжал он, — Они очень беспокоятся о ней.

— Как и я, — ответила Сюзанна, все еще не двигаясь. Она не хотела потерять бдительность.

— Поэтому она больше не в больнице? — настаивал он.

Сюзанна не могла рисковать: рано или поздно ее лицо все выдаст, поэтому она прикрыла его рукой и сделала глоток чая.

— Куда она делась? Потому что я знаю, что ее здесь нет.

Сюзанна стояла на своем, не желая ничего ни подтверждать, ни отрицать. Она понятия не имела, как он узнал, что Мэй уехала, но решила больше ничего ему не говорить.

— Я не уполномочена разглашать информацию о местонахождении пациентки.

Мужчина провел рукой по сидящим волосам.

— Ее семья обеспокоена. Весь город. Все, чего мы хотим, это чтобы наша девочка была дома.

— После того, что вы с ней сделали? — выпалила Сюзанна, прежде чем подумать.

— У семей есть свои... способы делать что-либо, — объяснил он. — Чужаки не всегда понимают.

— Я понимаю это как жестокое обращение, — просто сказала она. — Эта девочка должна быть как можно дальше от вас.

— Ее место в семье. В ее общине.

— В общине, которая вырезало пентаграмму на ее спине? — гнев Сюзанны нарастал. — В общине, которая оставила ее умирать на обочине?

Мужчина не ответил и встал.

— Я начну проверять приемные семьи. Рано или поздно мы ее найдем.

Его высокая фигура возвышалась над Сюзанной.

— Только не говори, что я плохо попросил, — предупредил он, приподнимая шляпу и выходя из кабинета.

Глава 20

Хлоп!

Даю пять Ною на уроке математики. Мы никогда не говорили друг другу больше нескольких слов («Какова площадь четырехугольника?»), но, по-видимому, он прочитал мою статью «Люди, которых вы не знаете», ведь о ней говорили все в школе.

Я весь день получала комплименты по этому поводу, что заставило меня понять фразу «быть на седьмом небе от счастья». Люди, которых я даже не встречала, знали меня и говорили, как им понравилось интервью и каким крутым было фото. Очко в пользу Джулс. В конечном счете.

И все из-за Мэй.

Я использовала фотографию, на которой ее лицо было полностью освещено лунным светом, а ее зеленые глаза ярко сияли. Она выглядела интригующе, словно, обнажив душу, глядела прямо в камеру. Что-то в том, как она смотрела, кричало, что нечто спрятано глубоко внутри, что она никогда полностью не даст вам узнать о себе.

Фотография и статья были напечатаны, а также размещены во всех социальных сетях. Я получила кучу «лайков», даже от Рейчел Робидо, что заставило меня чувствовать себя потрясающей.

Когда мы с Мэй шли вдоль ряда шкафчиков, все смотрели на нас. Только теперь они

смотрели на нас не как на жуткую новенькую и тихую неуклюжую девочку, а как на знаменитостей. Это произошло благодаря моей фотографии.

— Я рада, что ты здесь, — пробормотала нервная первокурсница Мэй. — Ты действительно вдохновляешь, — и она поспешно удалилась вниз по коридору.

В колонке Мэй, не вдаваясь в подробности, рассказывала, как ей было одиноко в прежней жизни, как училась быть храброй и отважной. Это было именно тем, что мы обсуждали вместе на кладбище.

Мэй улыбнулась комплименту, засунув большие пальцы под пурпурные лямки нового «Джанспорта», который купила ей моя мама.

Мама очень спокойно отнеслась к тому, что мы вернемся домой поздно в субботу. Когда мы вошли, было уже за полночь, и она была в своей комнате. Она застала нас на кухне за приготовлением попкорна, так что мы просто притворились, что вернулись домой до моего двенадцатичасового комендантского часа. Ни я, ни Мэй не говорили о припадке: ни маме, ни друг с другом.

— Тьфу. Интерпретация Остин от мисс Рэмси утомительна, вам не кажется? — спросил Айзек, догоняя нас.

— Не думаю, что она оценила твою теорию, что Элизабет Беннет должна уехать и начать свою жизнь заново где-то в другом месте, — согласилась я.

— Да, я понимаю социальные конструкции того времени. Я просто думаю, что людям нужно что-то делать, чтобы изменить свою жизнь. Не так ли, Мэй?

Мэй выдавила улыбку. Она не совсем поняла разглагольствования Айзека, но была вежлива с ним.

Айзек рассердился, когда узнал, что мы с Мэй пошли на вечеринку без него.

— Ты бы вообще захотел поехать? — спросила я у него.

— Нет, но дело не в этом.

Он утверждал, что я должна была рассказать ему об этом, и был прав. Я уступила, и он, похоже, остался доволен, так что мы оставили эту тему.

— Ребята, хотите пообедать на улице? — спросил он, убирая с лица прядь волос.

— Вообще-то мы собирались заглянуть в «Регаль», — сказала я ему.

Он кивнул.

— Пятерка с плюсом за статью, Джулс. Я рад, что ты так стараешься. Теперь весь мир видит, насколько ты талантлива. Или, по крайней мере, в школе.

— Спасибо, Айзек.

Я улыбнулась в ответ, пока мы шли к лестнице. Даже со всем этим вниманием от других людей, было приятно получить одобрение Айзека. В конце концов, он был моим старым другом.

— Пока, женщины, — сказал Айзек, махнув рукой и направляясь к выходу.

Когда мы с Мэй спустились на первый этаж, Джесси и Кристина встретили нас у подножия лестницы.

— Мне понравилась статья, — похвалила меня Джесси.

Кристина снова нанесла блеск.

— И на этой фотографии ты выглядела великолепно, Мэй.

Мэй улыбнулась.

— Это все Джулс. Она потрясающая.

Я была уверена, что мое лицо сияет. Была благодарна Мэй за то, что она поделилась со

мною своей новообретенной славой.

— Тебе стоит сделать снимки для «Тин Вог» (прим.: американский журнал для подростков, аналог «Vogue»), — решила Джесси насчет моей карьеры.

— Эм, не заставляй меня плакать, у меня потечет тушь, — рискнула я пошутить, и с облегчением обнаружила, что они смеются.

Пока мы разговаривали, другие студенты обходили нас, не желая мешать нашей группе. Обычно я была той, кто убирается с дороги для таких людей, и, должна была признать, довольно забавно побыть популярной.

— Потусуемся в эти выходные? — спросила Кристина, — Джесси хочет купить новый вибратор.

Джесси хлопнула Кристину по руке.

— Не хочу.

Кристина и глазом не моргнула; руки у нее были крепкие.

— Как бы то ни было, ты можешь снова одолжить у Лариссы, — усмехнулась она.

Джесси фальшиво закашлялась.

— Фу, это так мерзко.

Я старалась не кривить лицо из-за разговора о вибраторах. Я, конечно же, знала о них, но никогда не видела их в жизни. И естественно не пользовалась. Понимала, для чего их используют, по крайней мере, теоретически, но легкость, с которой эти девушки обсуждали нечто, что является совсем личным, заставляла меня краснеть. И Мэй, вероятно, понятия не имела, о чем они говорят.

— Джесси не нужен новый, — вставила Мэй. — У нее уже есть два.

Все расхохотались. Я удивилась, что Мэй пошутила. Она едва знала, что такое интернет; я не думала, что она знает о вибраторах.

Почувствовав, как мои щеки вспыхнули, плюс тот факт, что мы заблокировали движение на лестнице, заставили меня повернуться к Мэй.

— Мы должны добраться до «Регалья» до конца обеда, — напомнила я ей.

— Увидимся позже, ребята! — сказала Мэй, когда мы разошлись с Джесси и Кристиной.

— Они милые, — продолжила она, когда мы направились в офис «Регалья».

— Вот они! — Себастьян приветствовал нас, когда мы вошли. — Иди сюда, — сказал он.

Прежде чем я поняла, что происходит, он обнял меня.

Я прижалась лицом к его фланелевой рубашке, согреваясь от тепла его тела. Уловила слабый запах. Духи? Феромоны? Что бы это ни было, это было потрясающе.

Я хотела остаться навсегда в его объятьях.

Его руки расслабились, и я быстро отпустила свои. Себастьян повернулся к Мэй. Он не обнял ее, а нежно положил руку ей на плечо.

— Спасибо за честность, — сказал он. — Как ты себя чувствуешь?

Мэй отмахнулась от инцидента в мавзолее, будто его никогда и не было.

— О, я в порядке, — быстро ответила она. — Низкий уровень сахара в крови, — сказала она, извиняясь за случившееся.

Я уставилась на нее. Именно этим предлогом я воспользовалась тем утром, когда забыла рюкзак дома, когда мы пошли в школу. Она действительно быстро все схватывала.

Или она копировала меня?

— Я просто рад, что ты в порядке, — ответил Себастьян.

Мэй улыбнулась ему. Она покраснела?

— Отличная работа, — похвалила нас Наоми.

На ней был комбинезон на молнии из ткани «шамбре». Чтобы мне купить такой же, мне бы пришлось месяц работать няней Даниэль.

— Большое спасибо, Наоми, я ценю это, — ответила я.

Может быть, немного чересчур, но не похоже, что комплименты от Наоми легко получить.

— Кто следующий? — спросила Наоми.

Я повернулась к Себастьяну, который все еще смотрел на Мэй.

— Какое у меня следующее задание, босс? — спросила я, пытаюсь привлечь его внимание.

Через мгновение он обернулся.

— Решать тебе, Матис! Теперь ты профессионал. Кто-нибудь думал о следующем профиле?

Воодушевленная вниманием к статье, я составила список потенциальных новых людей для интервью на уроке геометрии.

— Я подумала, что Талия Биггс — подходящая кандидатура. Она самый молодой капитан женской баскетбольной команды и проводит все летние каникулы волонтером, строя школы в разных странах... в прошлом году она была в Белизе. И, — добавила я, — было бы здорово взять у нее интервью.

Мы с Талией ходили вместе на физкультуру, и я всегда была в восторге от ее спортивного мастерства. Кроме того, она была супер амбициозна, и, возможно, с моей стороны это было эгоистично, но я хотела узнать о ней больше.

— Отличная идея, — сказала Наоми, кивнув, затем направилась обратно, чтобы наблюдать за «гифкой», которую создавала Грета, чтобы раскрутить статью в социальных сетях.

— Прекрасно! — одобрил Себастьян. — Давай составим список вопросов. И теперь, когда ты официально являешься членом штаба священного «Ремингемского Регалья», у тебя есть свой собственный шкафчик!

— Шкафчик?

— Я знаю, что это — второсортное место. Это скорее коробка, на самом деле. Там лежит пара приветственных бумаг.

Он указал на стопку полок.

— Имена внизу.

Я подошла и обнаружила свое имя на липкой этикетке. Я знала, что это не так уж и важно — иметь шкафчик, но было здорово, что для меня есть место.

Как будто я принадлежу чему-то.

Одна из бумаг в коробке была листовкой вечернего сеанса кино в следующую среду. «Вся президентская рать» — отличный фильм о репортерах во время Уотергейта.

— Вечер кино — звучит потрясающе, — сказала я, поворачиваясь к Себастьяну.

Я замерла. Он стоял рядом с Мэй. Они тихо разговаривали, и она хихикала над тем, что он только что сказал.

Вернулась к ним, держа в руке листовку ночного фильма:

— Выглядит супер круто.

Они повернулись ко мне. Я вдруг почувствовала, что что-то прервала.

Пытаясь заполнить неловкую паузу, я затараторила:

— Мы вынуждены отсеять «Это случилось однажды ночью». Все думают о «Гражданине Кейне», когда дело доходит до классических фильмов о журналистике, но этот намного лучше. «Вся президентская рать» определенно хороший выбор, — пробормотала я, мой мозг отчаянно пытался убедить меня, что я параноик и между ними ничего не происходит.

— Круто, — наконец сказал Себастьян. — Не видел.

Мы все трое стояли, неловко ожидая, когда кто-нибудь заговорит.

— Нам пора, — сказала я Мэй, — Мама скоро заедет за нами.

По правде говоря, мне было все равно, заставлю ли я маму подождать нас несколько минут. Но мне определенно не нравилось видеть, как Мэй и Себастьян разговаривают друг с другом, стоя так близко, что почти прикасаются друг к другу.

— Конечно, — ответила Мэй с легким разочарованием, когда я практически вытащила ее за дверь.

Мэй шла позади меня и вдруг сказала:

— Дай мне знать, если тебе когда-нибудь понадобится помощь.

— Конечно, — ответил Себастьян. — Пока, ребята! Я обернулась и посмотрела через плечо. Мне показалось или, когда я оглянулась, Себастьян покраснел?

Глава 21

ТЕМ ЖЕ ВЕЧЕРОМ Я, УСЕВШИСЬ НА МЯГКОЕ КРЕСЛО в комнате Дэни, дел уроки. К счастью, Дэни не было. Я не могла отделаться от того, что произошло раньше с Себастьяном. Мэй флиртует с ним? Он флиртует с ней? Или я просто сумасшедшая и все выдумала, как психологически нестабильная героиня в «Привидении»?

Я избегала Мэй с того момента, как мы вернулись из школы, погрузившись в домашнее задание. Прочитала первый акт «Кукольного дома» (драма!), закончила рецензию на испанском (¡La Playa!) и сделала все возможное для решения задач по геометрии (четверка с плюсом в лучшем случае). Я написала на почту Талии Биггс, чтобы узнать, будет ли ей интересно поучаствовать в проекте «Люди, которых вы не знаете» (она сказала «да»), и отправила сообщение Айзеку, чтобы узнать, как прошли его дебаты (ну, несмотря на злорадство от Виктории Лью).

У меня был еще один пункт, который я могла бы сделать. Я набросала список возможных вопросов для Талии, чтобы отправить Себастьяну. Я собиралась скинуть его завтра, но в свете его взаимодействия с Мэй сегодня днем, подумала, что должна сделать шаг и написать ему сегодня вечером.

Опустив глаза, я еще раз перечитала письмо, убедилась, что оно идеально, и нажала «отправить».

Почти сразу запиликало! В моем почтовом ящике появилось новое сообщение. Это был Себастьян, он сказал, что свяжется со мной с записями по вопросам как можно скорее.

«Спокойной ночи, — добавил он. — И еще раз поздравляю с колонкой, Джулс. Убийственная работа». Смайлик.

Хотя я не была большой поклонницей «эмодзи», оценила этот жест. И мальчишки обычно не посылают смайлики девушкам, если они им не нравятся, верно? Нравлюсь ли я Себастьяну, или он просто дружелюбен? И чем отличаюсь от Мэй? Она была новенькой в школе и пыталась завести друзей. А Себастьян был до смешного дружелюбен: он просто был мил с новенькой. В конце концов, он был новичком в городе в прошлом году, так что мог

просто поддерживать ее.

Волна стыда захлестнула меня. Очевидно, я преувеличивала, слишком остро реагируя на происходящее. Они были просто двумя людьми, разговаривающими друг с другом. К тому же, Мэй знала, что Себастьян мне нравится, и она бы так со мной не поступила. Это было смешно. Я все время представляла себе его отношения с Мэй.

Я должна была загладить свою вину перед ней, может быть даже извиниться за то, что был немного холодна с ней после школы, будто ребенок.

Поднялась с кресла-мешка и прошла по коридору в комнату Мэй. Я постучала в дверь, но, слишком волновалась, чтобы дожидаться ответа, открыв ее.

— Эй, Мэй, прости меня.

И тут я увидела это.

Мэй стояла перед зеркалом в полный рост, прижимая к груди полотенце. Но ее спина была обнажена, бинты сняты.

Пентаграмма была вырезанна на ее спине.

Мой желудок сжался, когда я увидела перевернутую звезду, которая была выгравирована на ее бледной коже красными шрамами. Это было гротескно, как в фильме ужасов. И это было здесь, в моем доме, в моей комнате, на моей подруге.

Знак сатаны.

Мне стало плохо.

Мэй повернулась ко мне, намереваясь что-то сказать. Я знала, что мое лицо, должно быть, выглядело сильно испуганным. Я попыталась превратить его в нечто менее выразительное.

Прежде чем я успела что-то сказать, Мэй завернулась в полотенце и прикрыла спину. С ее волос капала вода после душа, капли превращались в темные точки на ковре.

— Я ... — начала, но не знала, как закончить предложение.

Что сказать девушке с сатанинскими ранами на спине? Я знала, что с ней что-то случилось, видела бинты, но к такому оказалась не готова.

Мэй подошла и плюхнулась на кровать.

«Возьми себя в руки, Джулс», — приказала я себе. Я должна была быть хорошим человеком. Быть хорошей подругой.

Я подошла к кровати и опустилась рядом с ней. Несколько минут мы сидели молча.

— Это, должно быть, очень больно, — предположила я, решив, что должна сказать что-то честное.

Потянув пальцами ног волокна ковра, Мэй кивнула.

— Я чуть не потеряла сознание, когда они это сделали.

Не стала спрашивать, кто «они».

— Я бы тоже.

Вздрыгнула. Я едва могла представить, как кто-то делает надрез на моей спине, не говоря уже о том, чтобы вырезать гигантскую звезду и круг.

— Ты прекрасно справляешься со всем, Мэй, — похвалила я ее. — Особенно после всего, через что ты прошла.

Мэй едва сдержала улыбку.

— Спасибо, Джулс, — тихо сказала она.

Я поняла, что она говорила серьезно, и была рада, что смогла поддержать ее. Она подарила мне многократное увеличение популярности в школе, стала подругой дома: я была

рада сделать что-то взамен.

Но что-то все еще не давало мне покоя, и я никак не могла собраться с мыслями.

— Зачем они это сделали?

Мэй тяжело вздохнула. Я знала, что об этом трудно говорить, но хотела понять все это.

Понять ее.

— За попытку побега. Я пыталась уйти, — объяснила она.

— Уехать из дома?

— Покинуть город, общину.

Я пыталась сложить кусочки воедино.

— Значит, ты пыталась бежать из города, тебя поймали и наказали за это.

Мэй кивнула.

— Они что, посадили тебя в тюрьму?

— Нет. В церковь.

Я поменялась в лице.

— Тебя наказали в церкви?

Церковь должна быть безопасным местом. Я имела в виду, знала о существовании исповеди и о том, что некоторые люди причиняли себе боль, как своего рода искупление в старые времена, но никогда не слышала, чтобы современная церковь причиняла боль своей собственной пастве.

— Там они делают практически все, что связано с обществом, — продолжала Мэй. — Принимают решения, устраивают церемонии, исповеди. Все на публике.

— Почему?

— Они говорят, что это для того, чтобы Великий видел.

— Перед глазами Бога?

Мэй закусил губу.

— Да, но они верят в другого Бога.

Она на мгновение замолчала. Я почувствовала, как мои щеки запылали.

— В дьявола, — сказала я.

Это слово повисло в воздухе, как топор.

Я подалась вперед.

— Значит, другие люди видели, как это случилось с тобой?

— Они заставляют всех смотреть.

Когда я попыталась представить себе этот сценарий, меня затошнило.

— Почему?

Я должна была узнать.

— Это предупреждение. Чтобы другие не пытались уйти. Это должно было преподать всем урок. Даже детям, — добавила она.

— Дети видели это?

Мэй кивнула.

— Я была не единственной. Они уже делали это раньше...

Мой мозг плавился, пытаюсь осмыслить тот факт, что люди делают подобное с другими на глазах у всех. Это было похоже на Средневековье, когда еще сжигали людей на костре.

— Почему они поставили на тебе отметину?

— Это напоминание. Что я всегда буду принадлежать им.

Мэй втянула голову в плечи.

— Я никогда не освобожусь от них.

Я сглотнула. Не сомневалась, что она говорила правду, но все это казалось слишком ужасным, чтобы поверить в такое.

— Ты так думаешь?— спросила я, стараясь скрыть беспокойство. — Что ты никогда не освободишься от них?

Мэй подняла голову и поймала в зеркале свой взгляд.

— Нет, — казалось, она тут же приняла твердое решение. — Я докажу, что они ошибаются.

Мы сидели молча.

— Прости, что вела себя странно после школы, — призналась я, — я вбила себе в голову, что вы с Себастьяном... — я чувствовала себя глупо, даже произнося это вслух. — Ничего, — продолжала я, — это было глупо.

Мэй повернулась ко мне и встретилась со мной взглядом своих зеленых глаз.

— Ты хорошая подруга, Джулс, — сказала она, что заставило меня почувствовать себя ужасно, думая, что она флиртует с Себастьяном.

— Спасибо, — ответила я, радуясь, что мы наконец-то избавились от неловкости.

Затем она положила ладонь на мою руку и сжала ее. Ее кожа была холодной, как у фарфоровой куклы.

— У меня никогда не было настоящего друга, — призналась она.

Я почувствовала, как в груди потеплело. Мне было приятно быть чьим-то первым настоящим другом. Это заставило меня почувствовать себя...

Особенной.

Айзек был моим первым лучшим другом, но у меня никогда не было лучшей подруги, хотя я всегда хотела ее. И никогда не признаюсь в этом.

— Может, поклянемся на крови? — пошутила я.

Мэй посмотрела на меня в замешательстве.

— Это была шутка. Это люди делают, чтобы доказать свою дружбу или что-то в этом духе. Однажды я видела это в кино.

— Я знаю, что такое пакт крови, — ответила Мэй, отпуская мою руку и вставая. — Спокойной ночи, Джулс, — сказала она, выключая одну из настольных ламп и забираясь в постель, все еще завернутая в полотенце.

Я догадалась, что мне пора уходить.

— Спокойной ночи, — ответила я, поднимаясь.

Глава 22

ПИ-ПИП. КОГДА СЮЗАННА ОТКРЫЛА ДВЕРЦУ МИКРОВОЛНОВКИ, она зазвез. Затем она налила в кружку горячей воды, чтобы освежить чай.

У нее был короткий перерыв между пациентами, и она только что разговаривала с человеком, который был убежден, что Тупак все еще жив, и только он может остановить убийство. Сюзанна пыталась понять — после того, как погуглила, кто такой Тупак, — насколько маловероятно, что этот человек мог предотвратить смерть рэпера.

Вернув кружку на место, Сюзанна заметила Конни, сидевшую за компьютером на сестринском посту.

— Сиамские?— осмелилась спросить Сюзанна, подходя к Конни и разглядывая ее новую крахмаленную блузку, украшенную кошками.

Конни взглянула на мультяшную кошку, играющую с клубком пряжи на плече, и

улыбнулась.

— Разве они не милые? Я заказала ее онлайн, — поделилась Конни. — У меня их две: так я могу чередовать.

— Ты всегда так подготовлена, Конни.

Сюзанна взглянула на настенные часы. Длинная стрелка как раз миновала цифру «шесть».

— Ланч внизу выглядел неплохо. Не могу дождаться, чтобы попробовать шоколадный торт на десерт. Кажется, там была малина, — сказала Сюзанна.

Конни взглянула на часы.

— Вы только посмотрите! Уже обед. Время летит, не так ли? — усмехнулась она про себя.

Она поднялась со скрипучего вращающегося кресла, которое отчаянно нуждалось в замене.

— Пора перекусить. И-и-и, может быть, кусочек этого торта. Вчера я отработала двойную смену, — задумчиво произнесла она, будто извиняясь.

Конни вышла. Завернув за угол, Сюзанна оглядела участок. За компьютерными терминалами сидели еще несколько медсестер, но все они, казалось, были поглощены файлами или сплетнями.

Сюзанна опустилась на стул, стараясь не скрипеть. Она потянулась к древней мыши и посмотрела на экран. Щелкнув по нескольким папкам, она, наконец, нашла то, что искала.

— Бинго, — улыбнулась Сюзанна.

Она отправила файл на печать.

Глава 23

— В ЧЕМ ДЕЛО? – НАСЕДАЛА НА МАМУ ХЕЛЕН.

Мы сидели напротив нее за кухонным столом, где мама собрала меня, Хелен и Дэни. Я взглянула на часы, чтобы проверить время. Это был вечер кино сотрудников «Регалья», и папа подвез меня с Мэй к дому Себастьяна, чтобы смотреть его всем коллективом. Себастьян пригласил Мэй, потому что попросил ее помочь в некоторых проектах: со всем новым, что он придумал в этом году, в газете не хватало сотрудников.

— Ну... — начала мама, медленно и отчетливо выговаривая слова.

В моей голове тут же зазвенели предупредительные колокола. Каждый раз, когда она говорила этим голосом, это не предвещало ничего хорошего: Мамина речь.

— Я хотела поболтать с вами, девочки, и узнать, как у вас дела.

— У меня круто! — вставила Дэни, не теряя ни секунды. — Репетиции идут великолепно. Роль мне действительно подходит.

— Это замечательно, — подтвердила мама. — Но я скорее имела в виду наш быт дома.

— Ты хотел узнать, как мы относимся к Мэй? — догадалась Хелен, как всегда идеальная ученица.

— В точку, Хэлен. Я знаю, что Мэй пробыла у нас немного дольше, чем ожидалось. Мы все еще ищем для нее приемную семью, но не нашли подходящего дома. Думаю, ей здесь хорошо. И так как она добилась такого прогресса: общается с вами, девочки, завела друзей в школе: я бы хотела понять, не возражаете ли вы, если она останется еще ненадолго.

Вообще довольно логично спрашивать у нас о таком, но мне было любопытно, почему это так много значило для мамы. Знаю, что ей нравилось помогать людям и все такое из-за ее работы, но я задавалась вопросом: было ли что-то более конкретное, о чем я не знала.

— Вероятно, это не продлится долго, — продолжала мама, — Нам просто нужно убедиться, что она найдет подходящее для себя место. Хэлен, что скажешь?

— Меня это устраивает, — пожала плечами девушка.

Если это не имело отношения ни к ней, ни к Лэндону, ни к ее друзьям, Хэлен это не волновало.

— Дэни, что ты об этом думаешь?— спросила мама.

— Я не против, — согласилась Дэни, не обращая внимания на большинство вещей в доме, — Но как насчет того, чтобы Джулс осталась в комнате Хэлен?

— Ни за что! — возразила Хэлен.

— Спасибо, Хэлен, — выдавила я.

— У меня много дел, Джулс, — настаивала Хэлен, будто я понятия не имела, что значит быть важной персоной.

— Девочки, — перебила сама. — Думаю, что ситуация со спальными местами пусть останется такой же, как сейчас, и мы сможем обсудить ее позже.

Затем она повернулась ко мне.

— Джулс? Ты не против, если Мэй останется подольше?

Я не знала, что сказать. Мне нравилось, что Мэй рядом, но, признаюсь, меня встревожил этот сатанинский шрам у нее на спине. А еще и тот страшный приступ на кладбище. И пение в школе... может, мне стоило сказать об этом маме?

Кухонная дверь распахнулась.

— Джулс, твой отец приехал, чтобы отвезти нас к Себастьяну...

Я повернулась и увидела Мэй, стоящую в дверях. Она выглядела такой невинной, ее лицо светилось от возбуждения.

— О, извините, — произнесла она, видя, что у нас с мамой серьезный разговор. — Я не хотела вас прерывать.

— Мы как раз заканчивали! — улыбнулась мама. — Джулс, ты не против... того, что мы обсуждали?— спросила мама, чтобы Мэй не расстраивалась из-за того, что мы только что говорили о ней.

Все глаза были устремлены на меня, включая Мэй.

— Конечно, — улыбнулась я. — Все отлично.

* * *

Себастьян приветствовал нас теплой улыбкой у входа. На его футболке была надпись: «Будущее за женщинами». Если бы я могла выйти за него замуж прямо там, я бы так и сделала.

— Входите! — махнул он нам.

Его дом был уютным и полным книг. Это было похоже на то место, где он и его родители играли в «Скрэббл», разговаривая об искусстве. Запишите меня.

— О, как мило! — воскликнула Мэй, поглаживая маленькую пушистую собачку, подбежавшую к ней.

— Это гаванская болонка, — просиял Себастьян. — Мы зовем ее Афиной.

— Привет, Афина, — проворковала Мэй.

В кабинете толпились сотрудники «Регалья», они сидели на диванах или на полу, ели попкорн и пили имбирное пиво в бутылках.

— Моя мама ее обожает, — объяснил Себастьян. — Она говорит: «Похоже на пиво, но

на вкус гораздо лучше».

— Мне тоже не нравится вкус пива, — сказал я.

Он откупорил две бутылки и протянул их нам с Мэй. Мне нравились сладкие пузырьки и резкий вкус имбиря. Лучше, чем пиво.

Пока Себастьян включал телевизор, чтобы посмотреть «Всех этих людей Президента», мы с Мэй искали места. Она втиснулась на пол рядом с Зиком и девочкой-первокурсницей.

В кармане зазвонил телефон.

Айзек: Где ты?

Дерьмо, я и забыла, что мы должны были работать над презентацией социальных исследований сегодня вечером, и мысль об отмене нашей встречи напрочь вылетела у меня из головы.

Прождал в библиотеке полчаса

Я ответила:

Я: Дела «Регалья»

Я: Прости, забыла предупредить

Я ждала уведомления об ответе, но оно так и не появилось. Лучше бы он не принимал все так близко к сердцу, хотя он был прав.

Я: Моя вина

По-прежнему ничего.

— Джулс, садись сюда.

Обернувшись, я увидела Себастьяна, похлопывающего по сиденью большого кожаного кресла, которое оставалось пустым, по-видимому, для него.

— А ты куда сядешь? — поинтересовалась я, выключая телефон и засовывая его в карман шоколадно-коричневых штанов.

Он оглядел комнату.

— Мэй, рядом с тобой есть место?

Мэй оглянулась по сторонам, но мест не было.

— Мы оба поместимся, — предложила я Себастьяну, присаживаясь на краешек мягкого кресла.

— Конечно, — сказал он, опускаясь на кресло рядом со мной.

Эм-м, смотреть старый фильм, сидя рядом с Себастьяном, только что стало моим новым определением рая.

— Кстати, отличная работа с Талией, — похвалил он мою последнюю колонку «Люди, которых ты не знаешь». — Может, теперь займемся Майклом Уэллсом? Он такой замечательный пианист.

Он нажал кнопку дистанционного воспроизведения Blu-ray.

— Потрясающая идея, — прошептала я, когда первые звуки фильма заполнили комнату.

Я чувствовала, как мой правый бок прижимается к его теплему телу.

Когда начался фильм, я посмотрела на пол и увидела, что Мэй смотрит на меня. Я уверена, что мое лицо просияло.

Она улыбнулась мне и снова вернулась к фильму.

Моя жизнь не могла быть лучше.

Глава 24

ДР. МАТИС: Это...? Ладно, похоже, сработало. Все правильно! Итак, я здесь с... ты хочешь назвать свое имя?

МЭЙ: Мэй. Додд.

ДР. МАТИС: Спасибо, Мэй. Я знаю, что ты разговаривала в больнице с доктором Бреннер. Как обстоят дела?

МЭЙ: Все в порядке.

ДР. МАТИС: Ты чувствуешь, что они тебе помогают?

МЭЙ: Наверное. Доктор часто спрашивает, как я себя чувствую.

ДР. МАТИС: О чем конкретно?

МЭЙ: О каждом дне, о том, как идут мои дела.

ДР. МАТИС: Ты сможешь поговорить со мной о том, что с тобой случилось?

МЭЙ: (пауза) Хорошо.

ДР. МАТИС: Спасибо. Мэй, как ты думаешь, почему они сделали это с тобой? Что случилось

твоей спиной?

Мэй делает глубокий вдох.

МЭЙ: Они не хотели, чтобы я уезжала.

ДР. МАТИС: Итак, они сделали это с тобой, потому что не хотели, чтобы ты ушла, но затем бросили тебя на обочине дороги. Почему они оставили тебя там, если не хотели, чтобы ты их покинула?

МЭЙ: Я пыталась убежать. Раньше. И они нашли меня. Вот почему они сделали со мной то, что сделали. Чтобы это напоминало мне о том, что я сделала. И я чувствую, что должна вернуться.

ДР. МАТИС: Они поставили на тебе клеймо.

МЭЙ: Да, так мы поступаем с коровами. Мы помечаем их. Они думают, что если поставят на тебе клеймо, то ты вернешься. Как и все остальные.

ДР. МАТИС: Все остальные?

МЭЙ: Ну те другие люди, которые тоже пытались уйти.

ДР. МАТИС: Сможешь мне рассказать о других случаях?

МЭЙ: Я не могу, но... был случай с одной девочкой. Я мало что помню об этом, была совсем маленькой. А некоторое время назад я узнала о мальчике.

ДР. МАТИС: Как его звали?

МЭЙ: Виктор.

ДР. МАТИС: Виктор!

МЭЙ: Да. Они... наказали его после того, как он сбегал. А потом он попытался повторить побег, но они нашли его и привезли обратно в город.

ДР. МАТИС: Он все еще живет в Тисдэйле?

МЭЙ: Да. Он разносит молоко.

ДР. МАТИС: Это он рассказал тебе о побеге? Что с ним произошло?

МЭЙ: Нет, он никогда об этом не говорит. Мой брат мне рассказал.

ДР. МАТИС: Старший? Или младший?

МЭЙ: Старший. У меня и младший тоже есть, и сестра. Была сестра...

ДР. МАТИС: Что с ней случилось?

МЭЙ: Она умерла.

ДР. МАТИС: Когда это случилось?

МЭЙ: Около года назад. В полнолуние. Наше полнолуние обычно в конце октября или

начале ноября.

ДР. МАТИС: Мне очень жаль. Сколько ей было лет?

МЭЙ: Пять.

ДР. МАТИС: Он умерла из-за болезни?

МЭЙ: Нет. (Пауза) От боли.

ДР. МАТИС: От боли? Что ты имеешь в виду?

МЭЙ: Утопление...

ДР. МАТИС: Она утонула?

МЭЙ: Я не хочу об этом говорить.

ДР. МАТИС: Хорошо, я понимаю. Ты не обязана говорить о том, о чем не хочешь. Итак, твой брат рассказал тебе о мальчике, которого звали Виктор, с которым они сделали то же самое, что и с тобой. Но ты сказала, что больше никто об этом не говорил.

МЭЙ: Верно.

ДР. МАТИС: Тогда почему твой брат тебе об этом рассказал?

МЭЙ: Чтобы предупредить меня.

ДР. МАТИС: Предупредить о чем?

МЭЙ: Я убегаю от самой себя. Он сказал, что такое может случиться со мной, если я попытаюсь сбежать. Он пытался меня остановить. (Пауза) Но я все равно ушла.

ДР. МАТИС: Почему ты хотела сбежать?

МЭЙ: Мне было... там тяжело. Они заставляли нас много работать. Либо на ферме, либо присматривать за другими детьми. Я не так часто ходила в школу. Но мне очень нравилось читать. Я нашла несколько книг и спрятала их под матрасом. Я тоже писала... стихи. Я нашла книгу стихов и пыталась написать свои. Они вышли не очень хорошими. Но потом их нашла мама. Она так разозлилась. Она рассказала отцу, и он...

Тишина.

Они были жестокими по отношению к нам. Если мы делали что-то не так.

ДР. МАТИС: Насколько жестокими?

МЭЙ: Они... избивали нас. Ремнями. Или теми же хлыстами, что они применяли к животным.

ДР. МАТИС: Они наказывали вас... применяли телесные наказания, если вы делали что-то, что они не одобряли?

МЭЙ: Да. Например, если сказать что-то плохое о человеке, или спросить одного из лидеров.

ДР. МАТИС: Кто такие лидеры?

МЭЙ: Мужчины постарше, а некоторые и помоложе. Они были главными. И именно они проводили церемонии.

ДР. МАТИС: Какие церемонии?

МЭЙ: Ритуалы. Они проводят их с самого основания города. Они говорят, что с самого начала времен, но кто знает... они проводят их в церкви. Церемонии в честь различных праздников, или в честь полной луны – это важно.

ДР. МАТИС: Как проходят церемонии в церкви?

МЭЙ: Пение, молитвы. И люди признаются в том, что плохого они совершили. Потом их наказывают.

ДР. МАТИС: Их наказывают на глазах у всех?

МЭЙ: Да.

ДР. МАТИС: Почему?

МЭЙ: Чтобы сделать Его счастливым.

ДР. МАТИС: Его? Кого «Его», Мэй?

Пауза.

МЭЙ: Я не могу произносить его имя. (Пауза) Но вы бы назвали его Дьяволом.

Тишина.

ДР. МАТИС: Они публично применяют телесные наказания к людям и к детям, чтобы сделать «Дьявола» счастливым.

МЭЙ: «Угодить», они так это называют. И мы возносили молитвы и приносили жертвы.

ДР. МАТИС: Какие жертвы?

МЭЙ: Обычно животных. Кроликов, лис, койотов. Иногда кого-нибудь побольше, например, оленей. Однажды я видела такое. Было так много крови.

ДР. МАТИС: Они убивают их? Животных? (Проходит секунда) Прошу отметить, что Мэй кивает в знак согласия.

МЭЙ: Затем они пьют кровь.

Звук царапания бумаги.

ДР. МАТИС: Мэй, я заметила у тебя шрамы на ладонях. Расскажи, откуда они.

Тишина.

МЭЙ: От моей мамы. Они делают так со всеми детьми. Младенцами.

ДР. МАТИС: Что именно делают?

МЭЙ: Подвешивают их вверх ногами. На всю ночь.

ДР. МАТИС: Позволь мне уточнить. Детей города Тисдейла заставляю висеть вверх ногами всю ночь?

МЭЙ: Да. Детей младшего возраста. Чуть постарше младенца.

ДР. МАТИС: Это также происходит перед всей церковной паствой?

МЭЙ: Нет, в собственном доме. Но потом они ведут ребенка в церковь и проводят церемонию. Это как обряд посвящения.

ДР. МАТИС: Как их подвешивают дома?

МЭЙ: На крест. При помощи гвоздей.

ДР. МАТИС: Гвозди в ладони?

МЭЙ: Да. (Проходит секунда) Они не дают ни еды, ни воды. Каждый обязан это сделать. Это сделает тебя сильнее. Если ты можешь выдержать боль, тогда ты можешь выдержать что угодно. Господин хочет только самого сильного из паствы. Во всяком случае, так говорят. Это не всегда срабатывает.

Я имею в виду, не у всех получается. Всю ночь. Или они получают инфекцию в руках и ногах. Вот почему в городе не так много детей. Не так много, как могло бы быть. Но те, кто выживают, они сильные. Достаточно для того, чтобы служить Ему. Во всяком случае, они пытаются заставить тебя так думать.

Тишина.

ДР. МАТИС: Тебе, должно было, быть очень больно.

Сопение.

ДР. МАТИС: Мне так жаль, что это случилось с тобой, Мэй. Когда они делали это с

твоими братьями и сестрой, они...

Шарканье.

МЭЙ: Мне нужно выйти.

ДР. МАТИС: О! Там так темно...

Дверь открывается.

ДР. МАТИС: Одна вещь, прежде чем ты уйдешь...

Шаги остановились.

ДР. МАТИС: Другой мальчик с отметинами на спине – Виктор. Его фамилия Питерсон?

Глава 25

ДЭНИ УШЛА С НОЧЕВКОЙ, А МЭЙ открывалась в маминой спальне. Я приложила ухо к двери, и мне показалось, что мама задает ей вопросы или что-то в этом роде. В моей с Дэни комнате я заканчивала работу над интервью с пианистом, которого предложил Себастьян, Майклом Уэллсом.

Между тем, я старалась не лазить по социальным сетям в поисках каждого поста, который лайкнул Себастьяну, и не выяснять, была ли у него девушка в его старой школе. У него была куча фотографий с симпатичной кузиной, но на этом все. Мы с ним начали переписываться, в основном о делах «Регалья», но иногда мы просто ходили туда-сюда и отпускали шуточки. Мы еще не ходили на настоящее свидание, но чувствовалось, что именно туда мы и направляемся, и мне просто нужно быть терпеливой, пока он не наберется смелости пригласить меня.

Хотя иногда я думала, чтобы поцеловать его...

Проверка орфографии! Мне пришлось еще раз просмотреть статью. Надо перестать отвлекаться на «Все эти мысли о Себастьяне».

Закончив работу, я пошла в ванную, чтобы почистить зубы. Проходя мимо закрытой двери в мамину комнату, я услышала, как Мэй все еще тихо разговаривает с мамой. Они иногда так делали, допоздна разговаривали друг с другом. Однажды утром я увидела, как Мэй вышла из маминой комнаты, и решила, что она заснула. Интересно, что об этом думал папа?

Выключив свет и забравшись в постель, я сделала мысленную пометку, что надо бы рассказать Себастьяну о статье, которую я нашла, о влиянии Джеймса Дина на кино пятидесятых годов, и подумала, что она может ему понравиться.

* * *

Я проснулась от того, что что-то давило мне на ноги.

Думая, что мне это показалось, я снова закрыла глаза, чтобы заснуть.

Тогда я услышала какой-то звук. Дыхание?

Я открыла глаза и оглядела темную комнату. Когда глаза привыкли, на ближайшей стене я разглядела плакат Гамильтона.

Одеяло сдавило мне левый бок. Я обернулась и увидела Мэй, сидящую на краешке кровати.

Я вздрогнула, но тут же попыталась успокоиться, стараясь не выдать своей тревоги.

Она сидела совершенно неподвижно, как статуя. Ее длинные черные волосы свободно падали на плечи. Они поблескивали в свете уличного фонаря, проникавшего в окно. Мэй уставилась на меня.

— С тобой все в порядке? — рискнула я спросить.

Может, она дала бы ключ к разгадке, почему она сидела на моей кровати посреди ночи. На ней была белая ночная рубашка. Не моя, поэтому я предположила, что мама купила ее.

Мэй ничего не ответила. Она продолжала смотреть на меня сквозь тьму.

Я попробовала еще раз.

— Ты в порядке, Мэй?

Мэй посмотрела на розовое покрывало и сжала краешек в руках. Она покачала головой.

Я привстала в надежде, что ничего серьезного не стряслось.

— Что случилось?— спросила я.

Немного помолчав, она, наконец, заговорила.

— Я думаю... думаю, они пытаются вернуть меня.

— Они?

Мэй кивнула.

— Моя семья.

Верно. Ее семья из сатанинского культа. Мэй настолько внедрилась в мою жизнь и семью, что я часто забывала, что до нас у нее была совсем другая жизнь.

— Сомневаюсь, что они смогут найти тебя. Они, наверное, даже не знают, где ты, — предположила я.

— Они найдут меня, — заверила она.

— Как?

— Они последовали за мной на кладбище, — настаивала она. Но это не могло быть правдой. Откуда они могли знать, что мы туда едем? Даже мы не знали, что едем туда.

— Это был просто какой-то шум из леса, Мэй.

— Они срубили ветку...

— У дерева, что стояло перед домом в прошлом месяце?

Она кивнула.

— Это старое дерево. Ветки все время падают, — рассуждала я.

Мэй решительно покачала головой.

— Они сделали так, будто она упала, — объяснила она.

— Зачем им это делать?

— В качестве предупреждения.

— Предупреждения о чем?

— Что я должна вернуться к ним. Что я не в безопасности ни здесь, ни где-либо еще, кроме как у них.

Потом она посмотрела мне в глаза.

— И все, кто рядом со мной, тоже.

Мое сердце замерло. Почему кто-то хочет навредить нам? Мы же просто пытаемся ей помочь.

Я отбросила эту мысль, подавшись вперед.

— Мэй, ты останешься с нами. Ты ходишь в школу Ремингема, у тебя есть друзья. Никто не причинит тебе вреда. Ты в безопасности.

Ее взгляд стал отрешенным.

— Надеюсь.

Я тоже на это надеялась.

— Ты сказала моей маме? — спросила я, когда до меня начала доходить мысль о

возможной опасности. — Что ты боишься этого?

— Она знает о них, — призналась Мэй. — Я не хочу делать ничего такого, что заставило бы ее отослать меня.

Мама знала, что Мэй из опасной группы людей, но ничего нам не сказала? Может быть, это означало, что она на самом деле не волновалась, а Мэй, возможно, просто все это выдумала. У нее было тяжелое прошлое, как сказала бы моя мама, и поэтому она просто боялась, что это может случиться снова, хотя сейчас она была в безопасности в пригороде. Это было похоже на солдат, о которых мы узнали в школе, которые, вернувшись из зоны боевых действий, видели кошмары, хотя они были дома в безопасности.

— Я уверена, что все в порядке, — сказала я, убеждая себя и ее, что с ней все в порядке.

— Да, — без особого энтузиазма согласилась Мэй.

Она даже не пошевелилась, чтобы вернуться в спальню.

— Ты в порядке?

— Я ... — начала Мэй. — Я не хочу быть одна.

— Ох.

Поскольку Дэни не ночевала дома, здесь была свободная кровать....

— Хочешь поспать тут? — наконец-то предложила я.

Я была не против того, чтобы делить с ней дом, но что-то останавливало меня от того, чтобы делить с ней кровать.

— Да, — ответила Мэй без колебаний, будто ждала, что я спрошу.

Она забралась на соседнюю кровать. Ее лицо было очень бледным, и в полумраке она напоминала призрака.

Я снова забралась под одеяло и уставилась в потолок. Уличный фонарь отбрасывал тень на статуэтку балерины, висевшую на окне Дэни.

— Можно взять тебя за руку? — тихо спросила Мэй.

Я не была уверена, что правильно расслышала.

— Только до тех пор, пока я не засну? — вопрос завис в воздухе.

Это была странная просьба, но казалась безобидной.

— Тебе необязательно соглашаться, — дала заднюю она, произнеся эту фразу грустным голосом.

— Нет, все в порядке, — заверила я ее.

Я протянула руку к кровати и почувствовала, как прохладная мягкая кожа Мэй обволакивает мою.

— Я держала сестренку за руку, чтобы она заснула, — объяснила Мэй в темноте.

— Как мило.

Дэни никогда бы не захотела, чтобы я держала ее за руку, когда она засыпала, а я, возможно, хотел, чтобы Хелен держала мою, когда я была маленькой, но сомневаюсь, что она бы это сделала.

— Как зовут твою сестру?

— Амелия, — ответила она.

«Амелия» — так Мэй случайно назвала Дэни. Возможно, она напомнила Мэй ее сестру которая, должно быть, вернулась в Тисдейл. Дэни раздражала меня до чертиков, но я уверена, что буду скучать по ней, если мне придется уехать, и я больше не смогу ее увидеть.

— Ты скучаешь по ней? По Амелии?

— О да, — ответила Мэй, — Сильно.

Мэй сжала мою ладонь чуть крепче.

— Она ладит с твоими родителями?

— Нет, — печально ответила она, — но сейчас она на небесах. Они сказали, что нет, но я знаю, что это так.

Мой желудок сжался. Я понятия не имела, что ее сестра умерла, и теперь вдруг отчаянно захотела узнать больше, но не знала, что сказать, чтобы расспросить об этом Мэй.

— Мне так жаль, Мэй.

— Все в порядке. Теперь она может, наконец, обрести покой.

После нескольких минут молчания я ничего не смогла с собой поделать.

— Как она умерла?

Мэй медленно и глубоко вздохнула.

— Она не выдержала боли, — ответила она, еще крепче сжимая мою руку.

Потом Мэй тихо запела.

— *Баю-бай, малышка, на верхушке дерева. Когда дует ветер, колыбель будет раскачиваться...*

Я не сомкнула глаз.

Глава 26

СЛЕДУЮЩИМ ВЕЧЕРОМ ДЭНИ ПЕЛА всю дорогу от ресторана до дома. Она хотела, чтобы мы услышали все крутые части песни, которую она собиралась спеть в мюзикле, но не хотела портить всю песню, поэтому пела только фразы. Это ужасно раздражало.

Я вытщила телефон и напечатала сообщение.

Через мгновение Мэй вытщила свой, услышав звонок. Мама купила ей сотовый несколько недель назад. Пока она еще не привыкла к мобильнику, но, по крайней мере, перестала подпрыгивать каждый раз, когда он звонил.

Она посмотрела на экран и улыбнулась смайлику с удивленными глазами, который я отправила ей в качестве реакции на то, как пристегивалась Дэни.

Подруга напечатала смайлик «смеюсь до слез».

Я не могла пожаловаться маме на Дэни. Это был двенадцатый день рождения моей младшей сестры. Весь день она была очень раздражающей, особенно жизнерадостной и вдвойне громкой, прекрасно понимая, что ей все сойдет с рук. Она даже съела последние хлопья за завтраком, оставив мне остатки отвратительного мюсли. Не говоря уже о том, что в день своего рождения она заставила нас всех страдать во время ужина в театре. Это была детективная постановка об убийстве, где, к моему удивлению, это сделал дворецкий. Этим людям нужно посмотреть Хичкока и понять наконец-то, что такое... неожиданность.

Для Мэй такие походы были в новинку, но, похоже, ей нравилось гулять со всей семьей. Она говорила с родителями о школе, пока мы ехали туда на машине туда, и даже попросила Хелен, которая любезно удостоила нас своим присутствием, поболтать с ней во время антракта. Мэй съела всю курицу и даже мою картошку. Интересно, как она умудряется есть так много и при этом оставаться такой тощей? Она также съела два куса именинного торта, который принесла «горничная» из пьесы, что привело Дэни в восторг.

Мама пыталась изобразить сияющее лицо, но темные круги под глазами говорили, что в последнее время она мало спала. Несколько дней назад я встала посреди ночи, чтобы пойти в ванную, и увидела свет в гостиной внизу. Я понаблюдала за тем, как она читает рабочие файлы и печатает на ноутбуке. Она, казалось, работала все время и всегда была рассеянной. Интересно, это как-то связано с Мэй?

К счастью, Дэни добралась до финала своего выступления в машине, когда папа вывел свою «Тойоту Лендкрузер» на подъездную дорожку.

Пока мы по очереди выходили из машины и шли по каменной дорожке к входной двери, мама рылась в сумочке в поисках ключей.

— Я достану, — заверил ее папа. Он подошел к двери.

— Ларисса спрашивает, не хотим ли мы на следующей неделе пройтись по магазинам за костюмами для Хэллоуина, — сказала мне Мэй, глядя на свой телефон. — Джесси и Кристина тоже.

— Сто-процентно хотим, — ответила я, засунув руки в карманы, чтобы проверить телефон, на котором не было сообщений. — Они написали тебе?

— Да, — сказала Мэй, набирая ответную смс.

Интересно, почему меня не включили в группу?

— Какого черта? — воскликнул папа и уставился на замок входной двери.

Я обернулась и увидела металлическую ручку, висящую под углом. На нем была вмятина, как будто кто-то взял молоток и разбил его.

— Отойди, — предупредил папа, понизив голос.

Он наклонился, чтобы рассмотреть его поближе.

— Кто-то вломился к нам? — забеспокоилась Хелен, отвлекаясь от телефона.

Я посмотрела на Мэй. Ее лицо было бледным.

Внезапно я вспомнила свой ночной разговор с ней. Возможно ли, что ее семья пыталась вломиться в дом?

— Я не совсем понимаю, что произошло, — оценил ситуацию отец после проверки дверного косяка на признаки взлома.

— Вот держи, — сказала я, подсвечивая фонариком на телефоне, чтобы ему было лучше видно.

Я снова посмотрела на Мэй. Мама, которая ничего не сказала, подошла ближе к ней, словно защищая ее.

— Может, вызвать полицию? — предложила я.

Посмотрела на Мэй, думая, что полиция — это хорошая идея, если бы она думала, что это действительно секта, преследующая ее.

Мэй избегала зрительного контакта, уставившись в землю.

— Я пишу Лэндону, — объявила Хелен. — Их дом взломали несколько лет назад, так что теперь у них самая совершенная система безопасности. Я выясняю, какая именно, потому что нам это явно нужно.

— Смотрите! — воскликнула Дэни, указывая на ветку. — Это с дерева!

С дуба, росшего перед нашим домом, свалилась новая ветка, и я уже начала думать, что дерево умирает.

— Наверное, так оно и было, — сказала мама, пытаясь всех успокоить. — На дверную ручку упала ветка. Никто не пытался вломиться.

Она сжала плечо Мэй.

— Дверь не открывали.

— Думаю, ваша мама права, — согласился папа, раскачивая ручку все еще закрытой двери.

Папа подошел к упавшей ветке, потом поднял голову и осмотрел дерево.

— Определенно могла упасть под таким углом, особенно при таком ветре, — решил он.

Я знала, что починка эркера в прошлом месяце обошлась в кругленькую сумму, так что теперь была уверена, что он не в восторге от того, что придется делать еще один ремонт.

— Я собираюсь проверить дом на всякий случай, — продолжил он, заходя в дом, — Оставайтесь здесь, пока я не вернусь.

Мама обняла Мэй.

— Не о чем беспокоиться, — сказала мама мне и сестрам.

— Мы все целы и невредимы, — продолжала она. — В целостности и сохранности...

Глава 27

ПОСЛЕ УЖИНА В ЧЕСТЬ ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЭНИ ПИТЕР СИДЕЛ у столом и при свете лампы что-то искал в компьютере.

Он изучал системы безопасности. Он не хотел беспокоить Сюзанну и девочек, но ему не понравилось, что замок сломан. Взглянув на фотографию своей семьи на столе, он напомнил себе о том, кого он должен защищать.

ТУК-ТУК.

— Милая, я скоро закончу, — сказал он, не поднимая глаз, предполагая, что это Сюзанна.

— Привет... — услышал он тихий голос.

Питер посмотрел на дверь своего кабинета и увидел Мэй.

— Привет, — удивленно поздоровался он.

Мужчина посмотрел на нее, не понимая, почему она здесь.

— Ты что-то хотела? — спросил он, складывая какие-то бумаги на столе.

— Ничего, — начала Мэй, прислонившись к дверному косяку. — Прямо противоположно.

Питер повернулся к ней с озадаченным видом.

— Не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, — ответил он, сморщив лоб.

— Ну, — промурлыкала Мэй, — вы были так добры ко мне. Позвольте мне остаться с вами и отплатить за все. За еду, одежду, ужин сегодня вечером...

Он махнул рукой.

— Не беспокойся об этом. Это нам в радость. Пока ты здесь, ты часть семьи, — сказал он, поворачиваясь к экрану.

Но девочка не ушла.

— Я хотела спросить, — сказала она, понизив голос. — Не могу ли я чем-то-нибудь сделать для вас?

Питер повернулся к ней.

— Сделать для меня?

— Да, — подтвердила она, просунув руку в дверной проем. — Чтобы... загладить свою вину?

Предложение повисло в воздухе.

— Я же сказал, ты нам ничего не должна...

— Но, может быть, есть что-то, что сделает вас счастливым?..

Лицо Питера вспыхнуло. Он не знал, что ответить.

Она продолжила:

— В моем городе были люди-старейшины, которым нравилось быть... счастливыми.

Питер вдруг почувствовал себя крайне неудобно наедине с этой девушкой.

— Мне нужно кое-что сделать, — выпалил он, резко вставая. Это движение опрокинуло

стопку бумаг на стоящую в рамке фотографию семьи Матис, перевернув ее.

Питер взял фотографию и поставил ее вертикально.

Мэй вопросительно посмотрела на стол.

— Разве ваша работа не здесь?

— У меня есть... другая работа, — начал он, — в гараже.

Он шагнул к двери.

— Прошу прощения, — сказал он, протискиваясь мимо нее в дверной проем и убегая из комнаты так быстро, как только мог.

Оставшись одна, Мэй стояла в дверях, не сводя глаз с фотографии семьи Матис на столе Питера.

Глава 28

ПОЗЖЕ ТЕМ ЖЕ ВЕЧЕРОМ, ПОСЛЕ ПРАЗДНИЧНОГО УЖИНА МЫ разошлись по своим делам. Пока я наверстывала домашнюю работу в гостиной, Мэй была на кухне и разговаривала с мамой, папа работал в своем кабинете, а Дэни, я уверена, болтала по видеосвязи наверху, рассказывая своим друзьям о разновидностях драмы, наслаждаясь последними крупными моментами в честь дня рождения.

Я написала Айзеку о нашей презентации по общественному мнению, все еще пытаюсь как-то реабилитироваться за то, что подвела его в библиотеке. Я знала, что он не был суперсчастлив со мной все эти дни, поэтому старалась быть очень внимательной и даже принесла ему апельсиновую содовую, которую он любил. Затем я поработала над портфолио, которое продолжала составлять к фотографиям, и это действительно волновало меня. «(Это) все-таки жизнь» публиковалась вместе с «Людьми, которых вы не знаете», и я, наконец, собрала дополнительные материалы.

Себастьян одобрил мои вопросы для еженедельной колонки «Люди, которых вы не знаете», поэтому я еще раз просматривала их, прежде чем отправить Норману Беллински, младшекласснику, который великолепно играл в шахматы. Я уже сфотографировала его за столиком для пикника, где он играл с другими... ну, ботаниками.

Я закрыла ноутбук, понимая, что уже больше одиннадцати. Мы вернулись с ужина довольно поздно. Зевнула, направляясь к лестнице.

Приблизившись, я услышал тихие голоса.

— ...загладить свою вину...?

Госмотрела в сторону папиного кабинета. Мэй стояла в дверном проеме, освещаемая настольной лампой. Я слышала, как отец что-то ответил ей.

Почему Мэй разговаривала с моим отцом? И о чем они могли поговорить наедине?

После еще нескольких тихих фраз, которые я не смогла разобрать, папа поспешил в коридор, отталкивая Мэй. Он выглядел расстроенным.

Отец увидел, что я стою у лестницы.

— Привет, Джулс, — сказал он, избегая зрительного контакта. — Пойду, подышу воздухом, — извинился он, выходя на улицу в свитере, но без куртки.

Мэй направилась ко мне из папиного кабинета.

— Все в порядке? — спросила я ее.

— О, да, — небрежно ответила она, проходя мимо. — Все замечательно, Джулс.

Ее голос был спокоен и безмятежен, почти пугающе спокоен.

— Спокойной ночи, — бросила она через плечо, скользнув вверх по лестнице, как самодовольный призрак.

Что, черт возьми, это было?

* * *

Я не могла уснуть. События ночи крутились у меня в голове, как песня, играющая слишком быстро.

Неужели бывшие родственники Мэй действительно пришли за ней и попытались вломиться в наш дом? И почему Мэй разговаривала с моим отцом?

Я отбросила простыни. Моя кожа начала покрываться испаринами пота, хотя ночь была холодной.

Дэни похрапывала на диване, пока я вылезала из кровати и плелась по коридору.

Иногда, когда у меня бывали проблемы со сном, я заставляла себя идти в ванную. По какой-то причине, если я делала это, мне было легче заснуть после возвращения в постель.

Проходя мимо комнаты Мэй, я вздрогнула. В приоткрытую дверь ворвался порыв холодного воздуха. Почему там так холодно? Ночь была ветреная, но в доме не должно было быть ветрено. Неужели Мэй оставила окно открытым?

Прекрасно понимая, как жутко заглядывать в комнату Мэй, пока она спала, я все равно это сделала.

Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидела, что все выглядит нормально — кроме кровати.

Она была пуста.

Я толчком распахнула дверь. В комнате никого не было. Может, Мэй спустилась вниз перекусить или еще что-нибудь. Стоит ли мне пойти проверить? Это было просто тихушно-слежушное дело.

Порыв ледяного ветра поднял пурпурные занавески, висевшие на распахнутом окне. Листья шелестели на дереве снаружи, издавая легкий шорох. Я прошлась по ковру и посмотрела на край крыши первого этажа, которая тянулась под окном спальни.

Я увидела носок. Была уверена, что он принадлежал Мэй. Это был розово-фиолетовый носок с изображением Аргайла, который она одолжила у меня и не вернула. Она сказала, что все ее вещи были коричневыми или серыми, поэтому она любила носить разные цвета — даже на ногах.

Неужели Мэй вылезла в окно и спустилась по крыше? С какой стати ей это делать? Или носок всегда там был, и никто — то есть я — этого не заметил? Я не могла вспомнить, когда в последний раз смотрел на эту часть крыши.

Я вернулась в дом и огляделась. Несколько учебников Мэй лежали на столе, банное полотенце висело на двери, несколько скомканных листов бумаги лежали в мусорной корзине. Я подошла, чтобы достать один клочок из любопытства прочесть то, что она написала.

— Ауч! — вскрикнула я, не успев понять, что произошло.

Посмотрела на пол и увидела что-то под ногой. Похоже на тонкую палку или что-то в этом роде. Карандаш? Но он проткнул мне ногу.

Я наклонилась, чтобы взглянуть. Это была белая роза с длинным стеблем и шипами по всему стеблю. Она лежала на полу возле кровати. Белые лепестки мерцали в слабом свете с улицы.

Вытерла пятнышко крови с ноги и засунула палец в рот. На языке я почувствовала металлический привкус крови. Наверное, мне стоило пойти за пластырем, чтобы не запачкать кровью ковер.

Направляясь в ванную, я взглянула на цветок. Я поняла, что никогда не видела белых роз. Обычно они были красными или розовыми — романтическое зрелище. Что роза белого цвета делает на полу в спальне Мэй?

И тут меня осенило: замок на входной двери. Возможно, в дом действительно кто-то вломился. Неужели кто-то приходил из этой секты и оставил для Мэй белую розу? Неужели она сбежала через открытое окно спальни?

Я должна была найти ее.

Быстро спустившись вниз, я обыскала кухню и гостиную, чтобы убедиться, что в доме ее нет. Затем я поспешила к задней двери, прихватив по пути пару ботинок.

Когда я вышла на улицу, меня встретил легкий дождь. Я мчалась по траве к главному входу в дом. Поднялся ветер, играя опавшими листьями, которые папа еще не сгреб в кучу на лужайке.

Выйдя на дорогу, я посмотрела вниз, на асфальтовую дорожку, окруженную деревьями. Мне пришлось прикрыть глаза от дождя, который быстро усиливался.

Вдалеке я увидел маленькую фигурку в белом.

Я помчалась по дороге так быстро, как только позволяли ноги. Я по глупости забыла куртку, а теперь дождь промочил насквозь мою фланелевую пижаму и мешал двигаться.

— Мэй? — крикнула я, пытаюсь подобраться поближе.

Но она продолжала идти по дороге, ее ночная рубашка развевалась под дождем и ветром. Куда она собралась? Еще с полмили дорога будет пустынной, пока ты не доберешься до главной, да и то ближайšie магазины находились в десяти минутах езды.

— Мэй, — снова закричала я, подбегая, чтобы сократить расстояние между нами. В одном носке она продолжала идти вперед ровным шагом, почти как робот. Она что, лунатик?

Наконец, догнав ее, я закричала: «Мэй» и бросилась вперед, кладя руку ей на плечо.

— А-а-а... — закричала Мэй, резко обернувшись, ее глаза расширились от страха.

— Прости, я не хотела тебя напугать. Ты в порядке?

Мэй тупо пялилась на меня, ее лицо было мокрым от дождя и замешательства.

— Ты что, лунатик? — рискнула все же спросить я, пытаюсь понять, что же все-таки происходит.

Мэй посмотрела на свою почти прозрачную ночную рубашку. Она смотрела вокруг, на мокрый асфальт и вздымающиеся деревья, сбитая с толку.

— Мы на улице? — спросила она.

«А как же», — подумала я, но промолчала.

— Да, — ответила я.

Должно быть, она была в трансе, как на кладбище.

— Я беспокоилась о тебе, — продолжила я, объясняя, почему последовала за ней. — Увидела розу в твоей комнате и...

— Розу? — Мэй уставилась на меня, будто сама вспомнила. — Розу, — повторила она, понизив голос.

Ее тело начало трястись.

«О, нет, — подумала я. — Это нехорошо». Я сомневалась, что смогу нести ее под дождем, если с ней случится еще один припадок.

— Давай вернемся в дом. Ты промокла.

Я потянула ее, пытаюсь физически подтолкнуть к дому.

Но она схватила мою пижаму костлявыми пальцами.

— Это от них!— закричала она, потрясая меня. — Роза... они положили ее туда!

Ее худое тело наполнилось яростью, по лицу потекли струйки воды.

— Они сделали это, чтобы напомнить мне! — воскликнула Мэй. — Чтобы заставить меня вернуться!

Я уставилась на нее. Мои легкие наполнились воздухом, но я не могла ответить. Не знала, что сказать.

— Они идут за мной!

Она отчаянно вцепилась в ткань моей одежды еще крепче, ее волосы растрепались под дождем. Потом она понизила голос до шепота, ее зеленые глаза смотрели прямо на меня.

— Они идут за мной....

Внезапно меня начало трясти.

Глава 29

Сюзанна заглушила двигатель и нажала на тормоз – ненужное движение на идеальной равнине, где они жили. Но она всегда делала это по привычке.

Она посмотрела через ветровое стекло на дрожащий утренний воздух. На другой стороне парковки находилось несколько бензоколонок и небольшой магазин. Лишь одинокая «Хонда Цивик» заправлялась.

На пассажирском сиденье лежали папки Сюзанны. Она взяла одну и открыла.

«Какого черта произошло?» — прочитала она название старой газетной статьи, которую она распечатала. В ней рассказывалось о таинственном мальчике из маленького городка Тисдейл, который прибыл в Ремингемскую региональную больницу, а затем исчез. В нем не упоминались порезы на его спине, поскольку это была личная информация, но Сюзанна сопоставила даты с конфиденциальными файлами, которые она тайно стащила с компьютера Конни.

У Виктора Петерсона не было страницы в «Facebook» или какой-либо другой в социальных сетях. Во всяком случае, все они были не тем Виктором Петерсоном, которого она искала.

Сюзанна пролистала записи, которые вытащила из машины, включая конфиденциальные медицинские карты Виктора. Большая часть информации, содержащейся в бумагах, не имела отношения к делу, так как он был маленьким мальчиком, когда попал в больницу, и его фотографий нигде не было.

Но Сюзанна нашла одну очень полезную подсказку в его досье: у мальчика были рыжие волосы, что значительно облегчило ее поиск. Мэй подтвердила, что волосы Виктора остались рыжими.

Используя его фамилию, Сюзанна отследила его фамилию до местной молочной. Она проверила деловые реестры в городе Тисдейл и обнаружила название молочного завода и адрес его офиса. Она позвонила по номеру, связанному с компанией, где наткнулась на автоответчик. Несколько дней назад она даже поехала в Тисдейл после работы, сказав Питеру, что у нее срочное совещание, на котором она должна присутствовать. Там, где, по данным GPS, должен быть выход в город, его не было. Это был просто ряд деревьев, ведущих в густой лес.

Поэтому Сюзанна попробовала другой метод. Она поехала на заправку, ближайшую на карте к «въезду» в город, в надежде найти другую зацепку.

Пыхтение грузовика доставки привлекло внимание Сюзанны к надписи на асфальте:

«Петерсон Дейри».

Сюзанна заметила, как грузовик остановился перед магазином. Из серой машины вышел высокий молодой человек, за ним с пассажирского сиденья спрыгнул молодой человек, вероятно, лет двадцати. На обоих были коричневые комбинезоны.

И у обоих были рыжие волосы.

Сюзанна бросила папки, отстегнула ремень безопасности и открыла дверцу машины. Застегнув куртку в тот момент, когда холодный воздух задул ей в шею, она поспешила через парковку.

Она подошла к задней части грузовика, где теперь были открыты двойные двери. Тот, что помоложе, полез в грузовик и вытащил ящик с бутылками молока. Он отнес их ко входу в магазин.

Рыжеволосый старик схватил другой ящик и придвинул его к себе, бросив сверху планшет. Он поставил ящик на колени и захлопнул одну из дверей.

— Виктор? — позвала Сюзанна самым дружелюбным тоном, на какой только была способна.

— Если Он будет доволен, — привычно ответил Виктор, поворачиваясь к ней. Он нахмурился, поняв, что не узнал Сюзанну.

— Привет! — быстро сказала она. — Я понимаю, что вы меня не знаете, но я хотела бы поговорить с вами о том, что...

— Не интересуется, — заявил он, хлопывая другую заднюю дверь. Он направился ко входу в мини-маркет, где другой мужчина — Сюзанна предположила, что это его брат — уже выходил, придерживая дверь.

— У меня к вам несколько вопросов, если вы не возражаете...

Виктор проигнорировал ее, продолжая заходить внутрь. Она последовала за ним в магазин мимо младшего брата.

— Это не займет много времени, — продолжала она, пока Виктор продолжал рассматривать холодильник. Он начал выгружать содержимое ящика на охлажденные полки.

Она продолжала:

— Я просто хочу...

Дверь за спиной Сюзанны звякнула, напугав ее. Она обернулась и увидела рыжеволосую девушку, которая стояла позади нее, скрестив руки на груди.

— Помочь вам чем-нибудь? — женщина за прилавком потребовала больше, чем предложила.

Сюзанна посмотрела на женщину. Ее седые волосы были собраны в тугий пучок. На ней было коричневое длинное простое платье. Затем Сюзанна заметила молодую девушку, которая варила кофе в кофейнике. Другой клиент выбирал станок для бритья.

Все в магазине были одеты в старомодные темные одежды.

И все смотрели на Сюзанну.

Привыкшая к тому, что люди в Огайо довольно дружелюбны, она чувствовала себя странно, когда эти люди оказывали такой холодный прием. И что это за темная одежда? Они все из Тисдейла? Они все были в секте?

— Если у вас нет дела, в котором я могла бы вам помочь, — предупредила продавщица, — вам лучше исчезнуть.

По лицу женщины было видно, что она совершенно серьезно.

Сюзанна взглянула на Виктора, который никак не показал, что хочет с ней поговорить.

Она знала, что злить здесь никого не стоит. Она была не на дружественной территории.

— Хорошо, — согласилась Сюзанна. — Хорошего вам дня.

Отступив к двери, Сюзанна прошла мимо младшего рыжеволосого брата и вышла из магазина.

Она направилась к машине, в отчаянии сжимая кулаки. Виктор, наверное, слишком боялся сказать что-нибудь при посторонних. Если она хочет получить от него ответы, то должна попытаться поговорить с ним наедине.

Вернувшись к машине, Сюзанна посмотрела на часы, затем порылась в сумочке в поисках сотового и набрала номер. Когда на другом конце провода ответили, Сюзанна вздохнула.

— Эй, Тэмми, извини, что так поздно, но я немного опаздываю. Можешь перенести мою первую встречу?

Глава 30

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЬСКИЕ РОГА ПОБЛЕСКИВАЛИ НА СВЕТУ.

— Мы поклоняемся Тебе, о, повелитель тьмы!— пропел девичий голос.

— О боже. Обожаю!

Ларисса поправила повязку из рога дьявола на темно-каштановых кудрях Джесси.

— Ты развратный Сатана! — заявила Ларисса, — Ты должна это понять.

Джесси потянула за бретельку бирюзового топа, несмотря на октябрь:

— Ты так думаешь?

Рога на голове были определяющим элементом костюма Сатаны, который также включал красное трико и колготки. Какой дьявол носил красные колготки, я не знала, но ни я, ни Мэй, ни Ларисса, ни Джесси, ни Кристина не сомневались в наличии костюмов в маленьком магазине.

— У тебя будут вши, — предсказала Кристина Джесси с повязкой на голове, перебирая одежду для себя на вешалке.

— Фу.

Джесси заерзала, срывая головной убор.

Цель нашего путешествия в город состояла в том, чтобы раздобыть костюмы для хеллоуинской вечеринки в лесу на следующей неделе. В центре города было несколько магазинов, и это место почти идеально подходило для того, чтобы достать здесь сезонные товары: шляпы Санта-Клауса зимой, кролики и корзины на Пасху, а также множество вариантов костюмов на Хэллоуин. Но пока ничто не привлекло моего внимания. На Хэллоуин я обычно ходила в чем-то, сделанном собственными руками, потому что просто оставалась дома и раздавала конфеты Айзеку — а персонажи из костюмерного магазина — это не мое. Однако Ларисса настояла на том, чтобы мы пришли сюда вместе, поэтому я пошла с ними, так как на самом деле стала их частью. Смайлик-улыбочка.

Зазвонил телефон: Айзек.

Я не могла полностью ввести его в курс дела, поэтому скинула его на голосовую почту.

Мы с Мэй не говорили о том, что произошло той ночью, об этой истории с Розой. На следующее утро она выглядела нормально, как будто ничего не случилось, и я не знала, что сказать, поэтому просто плыла по течению дальше, притворяясь, что все в порядке.

Снова зазвонил телефон.

Ларисса взглянула на меня.

— Ты популярна, — ухмыльнулась она.

— Расскажи мне об этом, — пошутила я в ответ, переключая звонок на вибрацию.

Я быстро отправила сообщение Айзеку.

Я: Занята сейчас

Пузырек о приходе его ответного сообщения появился немедленно.

Айзек: Где ты?

Я: В магазине

Айзек: В магазине?? Ты ненавидишь ходить по магазинам!

Я не ответила. Он был прав — обычно шоппинг не входил в десятку моих любимых занятий.

Айзек: Ждал тебя в автобусе

Дерьмо. Я не хотела разбираться с этим прямо сейчас. Я сунула телефон в карман, оставив его сообщение без ответа. Мне нужно было сосредоточиться на поиске хорошего костюма. Я напишу ему позже.

— А кем я буду? — задумалась Лариса.

Она сняла с вешалки очень короткое белое платье и белую сестринскую шляпку. Я много раз бывала в маминой больнице и никогда не видела медсестру в такой одежде.

— Ты можешь проверить Трэвиса, — пошутила Кристина, накладывая блеск на свои и без того блестящие губы, — Джулс, с кем ты идешь?

— Что? — я рассеянно перебирала костюмы на вешалках, пытаясь игнорировать тот факт, что чувствовала себя виноватой за то, что отшила Айзека.

— Вечеринка. С кем ты идешь? — настаивала Ларисса.

— О, я ... пока ни с кем.

— Тебе лучше поторопиться, все хорошие уже почти заняты, — предупредила она.

В кармане завибрировал телефон. Айзек не понял намека. Возможно, что-то было не так. Я тихо ответила на звонок, нырнув за несколько стеллажей с покупками.

— В чем дело? — спросила я.

— Что значит «в чем дело»? Что с тобой?

— Что со мной?

— Да, почему ты меня избегаешь?

— О, я не... — я замолчала, хотя вроде бы он и прав.

— Где ты?

— Я покупаю костюм для Хэллоуина в городе, — быстро объяснила я.

— Зачем? Мы же всегда остаемся дома.

— Затем, — замолчала я, собираясь с духом, — Я иду на Хэллоуин в лес.

На другом конце провода воцарилась мертвая тишина.

Меня никогда раньше не приглашали на вечеринку в лесу на Хэллоуин. Обычно они предназначались, как и большинство вечеринок, для старшеклассников и крутых старшеклассников, среди которых я не была ни тем, ни другим. И Айзек тоже.

— Дай угадаю, — начал Айзек, — Ты поедешь с Лариссой, Джесси, Кристиной и — сюрприз-сюрприз — Мэй.

Он знал ответ, поэтому я промолчала.

— Я не думала, что ты захочешь идти, — защищалась я.

— Ты вообще меня спрашивала? — он сплюнул в ответ.

Я теребила вешалку с костюмом Чудо-Женщины.

— Точно. Что с тобой случилось, Джулс?

— Что?

— Раньше ты была заботливой, заботилась о других людях. Особенно о своем лучшем друге, — подчеркнул он.

— Айзек... — начала я.

— Нет. С меня хватит. Мне не нужно дружить с карьеристкой, которую волнуют только крутые ребята. Повеселись с Мэй.

На другом конце провода повисла мертвая тишина.

Черт. Я не хотела, чтобы Айзек чувствовал себя плохо. Это не было намеренно. Я злилась на себя за то, что позволила этому случиться, снова.

— Что это?— спросила Мэй, протягивая мне длинное черное платье.

— О, — сказала я, прерывая разговор с Айзеком, — я думаю, что это должна быть костюм ведьмы. Его следует носить с черной остроконечной шляпой.

— Почему?— спросила она.

— Наверное, потому, что так одеваются ведьмы.

Мэй приподняла бровь, тем самым давая понять, что ей не кажется, что ведьмы вообще так одеваются — и, возможно, она знала это наверняка.

— Я действительно не понимаю, — призналась она.

— Этот костюм?

— Вообще все это. Переодевание.

Она осмотрела ряды потенциальных призраков и гоблинов.

— Это просто традиция, — попытался объяснить я, — Разве ты не наряжалась на Хэллоуин там, где росла?

Мэй отрицательно покачала головой.

— Я не знаю, откуда взялась эта традиция — возможно, чтобы отпугивать злых духов или что-то в этом роде.

Девушка посмотрела на меня.

— Есть и другие способы.

— И какие же?— спросила я.

— Ну, знаешь, ритуалы и всякое такое. Жертвы.

Внимание Мэй переключилось на других девочек, и она сдержалась, чтобы не сказать больше.

— Значит, ты каждый год наряжаешься? — спросила она, двигаясь дальше.

— Да. Когда мы были детьми, мы ходили по домам за конфетами. Но эта вечеринка будет скорее с людьми, которые напиваются и трахаются.

— Звучит ... как ты там сказала на днях? «Захватывающе»!

Я рассмеялась.

— Именно. Отлично используешь сарказм.

— Спасибо, — улыбнулась она.

Я оглядела магазин. Не желая, чтобы другие девочки услышали, я прошептала Мэй:

— Все это, по моему мнению, слишком просто. Я хочу более оригинальный костюм.

— Да, определенно, — согласилась она, — Я тоже хочу что-нибудь оригинальное.

— Мэй!— позвала Ларисса, подходя ближе. — Примерь это.

Ларисса протянула руку к красным дьявольским рогам и надела их на голову Мэй. Та хлопнула Лариссу по руке.

— Ой! — воскликнула Ларисса.

Ларисса уставилась на Мэй. Кристина и Джесси смотрели на них.

— Прости, — извинилась Мэй. — Просто... — но она не закончила объяснения.

Тишина. Никто не шелохнулся.

— Нет, я поняла, — наконец ответила Ларисса. — Ты жила с дьяволопоклонниками, а это навевает дурные воспоминания. У тебя, наверное, посттравматический синдром, как у моего кузена Брэда. Он служил в морской пехоте и сходит с ума каждый раз, когда слышит, как заводится мотор.

Потом Ларисса добавила для пущей убедительности:

— Все равно Джесси дьявол, так что она должна носить их.

Ларисса выбрала другой наряд, чтобы дать понять всем, что неловкий разговор окончен.

— Ты должна стать монахиней!

— Что такое монахиня?— удивилась Мэй.

— Что такое монахиня?— повторила Джесси, не в силах поверить, что Мэй этого не знает.

— Это та, у кого никогда не было секса, — объяснила Кристина.

— Это не единственное. Они вроде как женаты на Боге. Моя тетья — одна из них, — добавила Джесси.

— Думаю, я знаю таких, — задумчиво произнесла Мэй.

— О боже, ты восхитительна.

Ларисса схватила Мэй за руку.

— Мы его примерим.

Она повела Мэй в заднюю часть магазина, в гардеробную, где занавеска служила дверью.

— Джесси, хватай шляпу!— приказала Ларисса.

— Это называется привычкой!— поправила Джесси, повинувшись, несмотря ни на что. Кристина последовала за ней.

Я испытала облегчение от того, что инцидент с рогами на голове быстро завершился, не приведя Мэй в очередной транс. Мне нужен был хотя бы один нормальный день на этой неделе.

Костюм принцессы Леи привлек мое внимание, поэтому я направилась к вешалке. Я взяла его, мельком взглянув в окно магазина.

Себастьян стоял снаружи с Зиком, держа замороженный йогурт.

Я вернула костюм принцессы Леи обратно на полку и практически выбежала на улицу.

— Себастьян!

Он повернулся ко мне.

— Джулс! — улыбнулся он. Сегодня он был в очках и уютной клетчатой рубашке. Я хотела обнять его, но не сделала этого.

Я старалась сохранять спокойствие.

— Что вы здесь делаете?— спросила я его и Зика, стараясь казаться совершенно безразличной.

Зик показал свой йогурт.

— Новый вкус — манго-личи. Неплохо. А ты?

— Просто покупаю костюмы для вечеринки в лесу. Супер-захватывающая штука.

Я почувствовала, как мое лицо вспыхнуло.

— Нашла что-нибудь хорошее?— спросил Зик.

— Пока нет. Я, вероятно, пойду путем «сделай сам». Мне нравится делать свои собственные вещи.

— Хорошая мысль, — одобрил Себастьян, — Я сделаю то же самое.

— Кем ты будешь?— спросила я Себастьяна.

— Тебе придется подождать, увидишь, — усмехнулся он.

В воздухе будто появилось электричество.

Зик, должно быть, тоже это почувствовал, потому что внезапно сказал, что ему нужно быть где-то, и ушел, оставив нас с Себастьяном наедине.

Я знала, что должна воспользоваться случаем, и заставить себя что-то сказать. Или по крайней мере попытаться. *Дыши глубже, Матис.*

— Да, я ездила туда в прошлом году. Это было забавно, — продолжал Себастьян. — Джейсон Кесслер так напился, что его вырвало.

Я замерзла. Черт, я не могла струсить, это была прекрасная возможность. Я должна была спросить, я должна была спросить, я должна была спросить.

— Не мог бы ты ... — начала я.

Сделай это, Джулс! Просто скажи слова!

Я попробовала еще раз.

— Ты... хочешь пойти на вечеринку? Со мной?— уточнила я.

Бум. Уверенная в себе Джулс, вот кем я была сейчас. Джулс, которая приглашала мальчиков на вечеринки.

Себастьян поправил очки. Ожидание ответа казалось вечностью.

— М-м-м ... — наконец ответил он.

Внезапно меня затошнило. *Вот почему ты не держишь рот на замке, Джулс!*

— Мы можем пойти все вместе!— закончил Себастьян.

Что? Кто «все»? Он идет с ребятами из газеты или что-то в этом роде? Я представляла, что мы пойдем вместе, но если мы все же пойдем вместе, это будет не так уж плохо.

— Вообще-то я уже пригласил кое-кого пойти со мной, — объяснил Себастьян.

Я постаралась, чтобы выражение моего лица не отражало Самое Большое Разочарование в моей жизни. Я была опустошена. Как я могла не понять, что Себастьян уже назначил свидание? Я была подавлена.

— Ничего страшного, — сказала я, пытаюсь отмахнуться. — Это была просто идея.

— Нет, я рада, что ты спросила. Я польщен.

Неловко. Тишина.

— С кем ты идешь? — я пыталась удержаться от этого вопроса, но я должна была узнать.

Себастьян оглянулся, на его щеках расплылась улыбка. Я повернулась, чтобы посмотреть, на что он смотрит. Или, что более важно, на кого.

И там, на тротуаре, был ответ на мой вопрос.

Мэй.

Она вышла из костюмерной вместе с Лариссой и девочками, у некоторых из них в руках были пакеты с покупками.

— Привет, — Себастьян лучезарно улыбнулся Мэй.

— Привет.

Она помахала рукой, на бледной коже показались румянец.

Этого. Не. Может. Быть.

— Я уже иду на Хеллоуин с Мэй, — сообщил Себастьян достаточно громко, чтобы услышала вся группа. *Пожалуйста, позволь мне исчезнуть прямо сейчас. Это все, о чем я могла думать.*

— Но мы можем ехать все вместе! Хотя Мэй получит дробовик, — предложил он своей будущей девушке.

Я закрыла глаза, надеясь, что, если я не буду наблюдать за всем этим, оно просто исчезнет. Я должна была немедленно выпутаться из этой ситуации.

— Мне надо идти! — воскликнула я, совершенно не объясняя причины.

Я даже не знала, как доберусь домой. Пошла по тротуару, прежде чем кто-нибудь успел задать мне вопросы. Горячие слезы хлынули по моим щекам.

Глава 31

Я поехала домой со Стейси и ее матерью. Это было не идеально, но у меня не было выбора, и я не могла попросить Айзека. Стейси задавала много вопросов о моем опухшем от слез лице, но я отказывалась отвечать и сидела в каменном молчании.

Вернувшись домой, я забралась в комнату Дэни. Не могла поверить, что Себастьян и Мэй собирались вместе на Хэллоуин. Я чувствовала себя такой глупой.

Как в сценах из немого кино, мой разум пронесся через каждое их совместное действие, которое я смогла вспомнить. Себастьян вел себя с ней, как со всеми — был очень милым, но, возможно, между ними всегда происходило что-то большее. Но как все это могло происходить у меня под носом, а я этого не замечала?

Хуже того, она знала, что он мне нравится. Я была с ней очень милой, и как она повела себя в ответ? Я предложила ей дружбу, и она вознаградила меня тем, что за моей спиной украла единственного парня, которого я действительно любила.

— Ужин, — объявила Дэни, вынимая наушник из моего левого уха.

Инстинктивно я бросила в нее подушкой.

— Господи, успокойся, — фыркнула она.

Она вышла из комнаты, прихватив по дороге ноты.

Я не чувствовала голода, но знала, что семейный ужин был обязательным. К тому же, чем-то очень вкусно пахло.

Я поставила на паузу альбом Кармен Макрей, который всегда включала, чтобы успокоиться, и сняла наушники.

На кухне у плиты стояла Мэй в фартуке.

Вошла Хелен.

— Как вкусно пахнет...

Ее идеально прямые волосы были собраны в гладкий хвост, который покачивался при ходьбе.

Мама поставила на середину стола горячую тарелку:

— Мэй приготовила нам ужин! Разве это не здорово?

Меня сейчас стошнит. Вот дьявол. Мэй была двуличной, коварной предательницей.

— Я просто хотела сделать для вас что-нибудь приятное, — улыбнулась Мэй, — Вы все были так добры ко мне.

Эта фальшивая благопристойность была просто смешной. Что она пыталась сделать? Заработать очки у моей семьи после того, как узнала, что разрушила мою жизнь? Может, они и купились на это, но я видела все насквозь. Я видела, как Ингрид Бергман одурачили в «Газовом свете»; я точно знала, что делает Мэй.

— Садись, Джулс, — настаивала мама.

— Где папа? — спросила я, оставаясь на ногах.

Может, я смогу поговорить с ним о Мэй.

— Работает допоздна, — ответила мама, расставляя тарелки.

В последнее время папа часто задерживался на работе из-за слияния компаний и новых обязанностей, связанных с повышением. Но я заметила растущее напряжение между родителями. Как-то утром, когда я зашла на кухню, мне показалось, что я слышала, как они спорят, и, когда я вошла, они погрузились в леденящее молчание. Я могла сосчитать по пальцам одной руки, сколько раз я видела, как они ругаются, так что это было странным.

— Мэй, окажи мне честь, — попросила Мама, глядя на тарелки на столе. На нее явно произвело впечатление то, что сделала Мэй.

Мэй надела на руки прихватки, достала из духовки кастрюлю и поставила ее на стол. Она действительно собиралась разыграть Марту Стюарт.

— Разве это не восхитительно выглядит? — просияла мама.

Девушка скромно пожала плечами.

— Это просто то, что я уже раньше делала. Мы называли это фермерским пирогом.

— Вкусно пахнет, — похвалила ее Дэни, принюхиваясь.

— Спасибо, сестренка, — ответила Мэй.

Потом быстро исправилась.

— Дэни.

Казалось, никто не заметил промаха Мэй.

— Я возьму кусочек, — сказала Хелен, отодвигая стул.

Почему все покупались на «такую идеальную» Мэй?

— Я не голодна.

Мне нужно было выбраться из всей этой нелепицы.

— Ерунда, — возразила мама. — Дэни, принеси, пожалуйста, посуду для всех.

— У меня много работы, — снова попыталась я.

— Джулс, ты должна поесть с нами, — сказала Мэй. — Думаю, тебе понравится то, что я приготовила.

Я уставилась на нее. После того, как она предала меня, назначив свидание Себастьяну, как она смеет притворяться моей подругой?

— Какое тебе дело до того, что мне нравится? — бросила я ей вызов.

Мама уставилась на меня, Хелен и Дэни тоже. Они были удивлены моей вспышкой, но мне было все равно. Они не знали, что Мэй сделала со мной.

— Что-то не так? — спросила мама.

Посмотрела на Мэй, провоцируя ее рассказать им всем, что случилось. Мэй вопросительно посмотрела на меня.

— Да, Джулс, что-то не так? — спросила Мэй.

Я была ошеломлена. Я не могла поверить, что она делает это, особенно перед моей семьей.

— Джулс... — сказала Мэй слащавым голосом и сделала шаг по направлению ко мне. — Давай поедим все вместе.

— Почему? — спросила я, скрестив руки на груди.

— Потому что, — улыбнулась Мэй, — так принято в семьях.

Мама и сестры уставились на меня. Не желая окончательно раскачивать лодку, я

мучительно пережила ужин. После того, как я съела глупый фермерский пирог Мэй, который я, хоть и не хотела этого признавать, был на самом деле отличным, я извинилась и поспешила в комнату Дэни, где я провела остаток вечера.

Когда пришло время готовиться ко сну, я прислушалась, чтобы убедиться, что в коридоре никого нет, потому что мне бы не хотелось ни с кем сталкиваться.

Это не сработало.

Выйдя из ванной, я чуть не врезалась в Мэй.

— Привет, Джулс.

— Ты серьезно?— вскрикнула я. — «Привет, Джулс»?

Она тупо уставилась на меня.

— Я не понимаю.

Ей должны вручить «Эмми» за то, что вела себя так, будто понятия не имеет, в чем дело.

— Это все, что ты можешь мне сказать?

Она не ответила.

— О Себастьяне?— настаивала я.

Мэй опустила глаза в пол. Я скрестила руки на груди, ожидая ее ответа.

Наконец, она словно вернулась из транса.

— Что ты хочешь мне этим сказать?

Я покачала головой.

— Я серьезно не могу тебе поверить.

Она наморщила лоб.

— Право, Джулс, я не понимаю, почему ты расстроена.

Я была настолько поглощена гневом, что не могла говорить. Неужели она не понимает, что предала меня, согласившись пойти на вечеринку с Себастьяном? а) она даже не сказала мне об этом сама, что было весьма сомнительно. И б) она знала, что он мне нравится!

Почувствовав, что мне немедленно нужно прекратить этот дебильный разговор, я обошла ее.

— Доброй ночи, — сказала она после того, как я уже быстро пошла по коридору.

Когда мы с Дэни собрались ложиться спать, я рискнула спросить:

— Что ты думаешь о Мэй?

— Что я о ней думаю? — повторила она, забравшись под розовое покрывало.

— Да, типа, ты ей веришь?

Дэни повернулась ко мне, когда я выключила свет. В темноте говорить было легче.

— Полностью. Я имею в виду, она иногда какая-то странная — чопорная или типа того. Как будто она не знает, как себя вести. Но, с другой стороны, ты тоже иногда такая.

Это был не тот ответ, которого я ждала. Я тяжело вздохнула и легла на диван.

— Я бы не беспокоилась об этом, Джулс, — предложила моя сестра. — Она только начинает привыкать к новой семье.

— Наверное.

Я не хотел соглашаться с ней, но это действительно имело смысл.

— К тому же, — добавила она, — в эти выходные она повезет меня кататься верхом.

— Что?!

Мне показалось, что я очнулась ото сна.

— Она умеет ездить верхом, поэтому будет учить меня. Мама отвезет нас в воскресенье.

Мы говорили об этом после того, как ты практически сбежала с ужина. Может, даже Хелен поедет!

Я не могла в это поверить: Мэй выгоняла меня из моей собственной семьи.

* * *

В те выходные в субботу я играла в волейбол. Я напредила об этом маме утром, когда она поставила свою дорожную кружку в раковину, не ополоснув ее. Интересно, почему она ушла так рано? Она согласилась прийти на мою игру, но так и не появилась на ней.

Стейси снова подвезла меня домой. Если так будет продолжаться, она начнет думать, что мы на самом деле друзья. Я пошла на кухню за соком и увидела, что мама ставит чайник.

— Почему ты не пришла на мою игру?

— Какую игру?— спросила мама.

— На ту, о которой я говорила тебе сегодня утром. Ты не пришла.

— О, мне так жаль, дорогая. Мы с Мэй ходили по магазинам. Ботинки, которые мы ей подарили, сели так хорошо, что я подумала, что нам нужна вторая пара.

Это было очень необычно для моей мамы: забыть о чем-то подобном.

— Ты должна была хотя бы написать мне.

— Ты права. Я должна была, — призналась она.

Мне было трудно злиться из-за этого, потому что она выглядела такой расстроенной из-за того, что забыла.

— Как я могу заглядить свою вину?

Ну, вот это уже прогресс.

— Нам нужно обсудить нашу поездку, — напредила я ей.

Мы с мамой все еще не определились с планом нашей поездки в Чикаго. Было так много музеев, галерей, экспонатов, которые я хотела бы увидеть, мы должны были составить план, чтобы заказать билеты и ничего не упустить.

— И, — добавила я, — мы должны обсудить кое-что еще.

Я хотела, чтобы она подарила мне новый фотоаппарат до Рождества, чтобы я могла пользоваться им в поездке и для того, чтобы снимать для колонки «Люди, которых ты не знаешь».

— Конечно, — ответила мама, рассеянно доставая из сумки какие-то папки.

— Ладно, пойду за блокнотом!

— О, не сейчас, дорогая.

Мамины слова заставили меня остановиться.

— У меня слишком много работы. Давай в другой раз.

— Когда? У тебя больше ни на что нет времени!— взорвалась я.

Мама видела, что я в смятении.

— Прости, Джульс, но у нас много дел. Я извиняюсь за то, что пропустила твою игру; это было неправильно.

Я могла бы сказать, что она не лгала; казалось, ее мозг постоянно вращался беззвучно, как старый кинопроектор.

Она подошла ко мне и пригладила мои растрепанные волосы.

— Я так горжусь тобой... как хорошо ты учишься в школе, и колонкой, и всеми твоими новыми друзьями. И больше всего я рада, что ты взяла Мэй под свое крыло. Это действительно много значит для меня.

Не таким образом я бы хотела поговорить с мамой.

— Хорошо, — это было все, что я могла ответить.

Чайник засвистел. Мама сняла его с плиты и бросила в кружки два пакетика зеленого чая.

— Ты же знаешь, я не люблю зеленый чай, — напомнила я ей.

— О, это для Мэй. Ты тоже хочешь?

Я уставилась на мать.

— Нет, — решительно ответила я и вышла.

Глава 32

ПИТЕР ВОШЕЛ В СПАЛЬНЮ И ОСЛАБИЛ ГАЛСТУК.

— Милая? — крикнул он, стягивая через голову шелковую ткань.

Сюзанна вышла из ванной, чистя зубы.

— Привет, — выдавила она, работая щеткой. — Как прошел день?

— Он долго тянулся, это точно, — ответил Питер, переодеваясь во фланелевую пижаму.

Он был на работе весь день, хотя была суббота.

— Слияние идет хорошо, но там так много деталей.

— Бог в деталях, — ответила Сюзанна.

— Я думал, дьявол кроется в деталях, — задумчиво произнес он.

Сюзанна вернулась в ванную, чтобы умыться.

— Ты пропустил очень хороший ужин, — крикнула она ему сквозь шум воды. — У нас остался фермерский пирог, который испекла Мэй.

Она вернулась в спальню, вытирая лицо рукавом халата.

— Я хотела тебе оставить кусочек, но мы все съели. Если голоден, есть замороженная пицца, — добавила она.

Сняла халат и легла в постель в голубой ночной рубашке.

— Спасибо, я поел на работе, — ответил он. — Как прошел твой день?

Она ненадолго замолчала, раздумывая, стоит ли рассказывать ему, что на самом деле сделала сегодня рано утром. Женщина выследила Виктора Петерсона из магазина, где пыталась поговорить с ним перед тем, как вернуться в магазин молока его семьи в городе Тисдейл, и почти вышла из машины, чтобы поговорить с ним, пока его не окружили какие-то фермеры, так что она не смогла застать его одного.

Но она ничего не сказала мужу.

— Как обычно, — ответила она, натягивая на себя пуховое одеяло. — Сегодня днем мы с Мэй купили новые туфли.

— Как прошла игра Джулс?

— Я не пошла, — призналась она. — Меня задержали с поручениями.

— Почему ты мне не сказала? Я бы пошел посмотреть, как она играет, — разочарованно ответил Питер.

Он направился в ванную.

— Это вылетело у меня из головы. Прости. О, слушай, — Сюзанна попыталась быстро сменить тему. — Мэй сказала, что в Тисдейле нет газет. Буквально. Я имею в виду, что у них нет ни телевизора, ни фильмов, ничего такого, и почти нет книг, и нет газет! Можешь себе представить? Это дико. Они так оторваны от внешнего мира. Они не знают ничего из того, что происходит.

Петр вернулся из ванной и опустился на край кровати рядом с ней.

— Милая, — мягко начал он. — Думаю, нам следует поговорить о Мэй.

— Что с ней?— в голосе Сюзанны слышались нотки раздражения.

Питер едва заметно отшатнулся, непривычный к такой реакции жены. Но он продолжил:

— Ну, я обеспокоен, — признался он, — С ней что-то не так. Я знаю, она через многое прошла, — продолжил он, прежде чем Сюзанна успела вмешаться, — Но она пыталась...

Он пытался понять, как сказать это правильно.

— Она пыталась что?— сказала Сюзанна так, будто бросала вызов.

Мужчина помолчал, потом наконец сказал:

— Поговорить со мной.

Сюзанна уставилась на мужа.

— Она пыталась поговорить с тобой? Что в этом плохого?

— «Поговорить» — неподходящее слово.

Он снял с покрывала пушинку и заставил себя произнести слова.

— Она ко мне приставала, — признался он.

Сюзанна смутилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Вчера вечером, после ужина у Дэни. Вы были на кухне, я думаю, и она пришла ко мне в кабинет. Спросила, не может ли она чем-нибудь помочь. Что-то сделать, чтобы отплатить мне.

Сюзанна посмотрела на него и рассмеялась.

— Питер, извини, но не похоже, чтобы она к тебе приставала.

Это было нелегко для него, но он больше не мог держать это в себе.

— Она... делала мне предложения, — объяснил он. — Я знаю, что она делала.

Сюзанна все поняла, но не знала, что ответить.

Питер продолжал:

— Я заверил ее, что ей не нужно ничего делать, чтобы остаться здесь. Мы были рады принять ее. Но... вот это случилось. И я подумал, что ты должна знать.

Сюзанна попыталась объяснить:

— Она просто пыталась установить с тобой связь, Питер. Как с фигурой отца. Вот и все.

— Сюзанна, мне неприятно это говорить, но я думаю, что у этой девушки могут быть... другие представления о фигуре отца.

Сюзанна взбила подушки.

— Ты слишком остро реагируешь, — заключила она. — Ты не можешь винить ее за то, что она благодарна тебе за гостеприимство. Просто вежливо предложила отплатить.

Питер почувствовал, как растает его разочарование.

— Сюзанна, ты ничего не понимаешь! С тех пор, как здесь появилась Мэй, ты так занята своей работой, и все, о чем ты беспокоишься — это Мэй. Ты не обращаешь внимания на собственную семью. На Хелен, Дэни, Джулс.

— Это неправда! — возразила Сюзанна. — Как ты смеешь говорить, что я не люблю своих детей...

— Я не это имел в виду...

— Признаю, что в последнее время была сосредоточена на работе, но это важно, Питер. Мэй – это очень важно. Я должна помочь ей. Она пережила много травм со своей семьей. Я должна помочь ей пройти через это, — рассуждала она.

Питер посмотрел жене в глаза. Он все еще был влюблен в Сюзанну. С того самого

момента, как они познакомились в школе, когда она переехала в Ремингем.

Он смягчил свой голос, затем мягко предположил:

— Ты уверена, что дело не в тебе?

Глава 33

Несколько дней спустя я с трудом проглатывала испанский в гостиной, но голова у меня шла кругом.

В чем дело с Мэй? Она была милой, но в то же время и не очень. Была ли она для меня «врагом»? В школе она все больше и больше зависала с Лариссой и ее друзьями, а я продолжала «появляться периодически», не настолько часто, чтобы быть в курсе всех их разговоров и планов.

И из-за всей этой истории с Себастьяном она больше не поднимала эту тему, но я часто замечала их вместе, и теперь она даже каталась с ним. Предательница.

Дэни была поглощена своим музыкальным миром, непрерывно репетируя в своей комнате. Я решила, что музыкальный театр — это метод жестокого и необычного наказания, заставляющий меня проводить время в гостиной. Хэлен была одержима своим поступлением в колледж и не могла говорить ни о чем, кроме как статистике поступления или о том, как Лэндон поступит в любой колледж, в который поступит она. Папа работал, не покладая рук, а мама, похоже, уделяла время только Мэй.

Начала чувствовать себя более одинокой, чем когда-либо. Написала Айзеку аймесседж. Он не ответил.

Я: Привет

Снова написала ему сообщение.

Я: Привет!..

Я: Привет.

Я: Привет.

Я: Привет.

Я: Привет.

Знала, что если буду его долго доставать, он ответит. Социальные сети показывали, что Айзек действительно жив и он что-то даже лайкал.

Я: Привет.

Я: Привет.

Я: Привет.

Я ошиблась — ни у кого не было на меня времени. По крайней мере, у меня была моя колонка, и, слава богу, у меня была моя поездка в Чикаго в декабре с мамой, чтобы с нетерпением ее ждать. Я не могла дожидаться, чтобы уехать от всего. От всех.

— Привет, — проворковал мягкий голос.

Мэй стояла в дверях гостиной.

— Привет, — ответила я ровным голосом.

У меня не было никакого желания говорить с ней прямо сейчас. И, возможно, его не будет никогда. Не поняв намека, Мэй подошла и плюхнулась на диван рядом со мной.

Она взглянула на экран.

— Испанский?

Я закрыла компьютер.

— В чем дело? — резко спросила я.

— О, ни в чем, — небрежно ответила Мэй, пробегая пальцами по пряди черных волос. Ее волосы были распущены, вероятно, копировала Лариссу.

— Ты видела, что Джесси делала на биологии? Она, типа, разрежала всю лягушку. Мистер Гейтли почти готов был ее арестовать.

Я смотрела прямо перед собой, не желая вступать с ней в разговор.

— Кем ты будешь на Хэллоуин? — спросила она, пытаясь продолжить светскую беседу.

— Кэрри, — ответила я, скрестив руки на груди.

— Кто это?

— Она из кино. Она убивает всех.

Мэй задумалась.

— О, — тихо сказала она. — Я думаю, что буду феей.

Конечно — самым невинным, самым прекрасным созданием из всех. Она может кружить всю вечеринку, будет великолепной и загадочной, и все будут любить ее еще больше. Идеальную.

Мэй крутила кулон — половинку сердца, который я одолжила ей на вечеринку Челси несколько недель назад. Я сказала, что она может взять его на время, но она все еще не вернула его.

— Кстати, я хочу получить обратно свой кулон.

Мэй кивнула в знак согласия.

— Ты злишься на меня, — заявила она.

Я не знала, что сказать. Не могла спорить — я злилась на нее. Почти не разговаривала с ней с прошлой недели, с того дня, который теперь я называла худшим днем в моей жизни. Неприемлемое поведение для подруги, особенно для той, кто живет с тобой.

— Джулс, — начала она. — Я не знала, что Себастьян пригласил меня на свидание. Думала, он хочет пойти на вечеринку как друзья.

— Но ты же знала, что люди идут на вечеринку с парнями, — возразила я.

— Да, но я не поняла. Извини. Я новичок во всем этом. Там, откуда я родом, нам не разрешали встречаться. Или даже говорить с мальчиками. Поэтому я не понимаю всего. Извини.

Это имело смысл, но от этого все равно не становилось лучше.

— Ты ему явно нравишься, — вздохнула я. — Я видела, как он помогал тебе с геометрией за обедом.

— Ты ему тоже нравишься, — сказала она.

— Да, но не в том смысле, — ответила я.

Она не стала со мной спорить.

Ветер шелестел листьями на улице, которых на ветвях осталось не так уж много.

Некоторое время все молчали.

— Я знаю, что он тебе нравится, Джулс, и не согласилась бы, если бы знала, что он приглашает меня именно на свидание. Я бы никогда не сделала тебе больно.

Я фыркнула.

— Ну да, конечно.

— Серьезно, Джулс. Ты так много значишь для меня.

Я повернулась и посмотрела на нее. Ее глаза были широко раскрыты, а бледное лицо выглядело более серьезным, чем я когда-либо видела. Могу ли я ей верить? Могу ли я доверять ей без всяких сомнений, как спросил бы Айзек?

Мэй продолжала:

— Если тебя это беспокоит, Джулс, я скажу ему, что не могу пойти. Тогда вы можете пойти вместе. Действительно. Ты была мне такой хорошей подругой, и я не хочу идти с ним, если это тебя расстроит.

Я уставилась на нее. Она это серьезно? Или она просто сказала это, потому что знала, что я не приму ее, а еще больше я была уверена, что Джулс никогда не спросит об этом.

— Последнее, чего бы мне хотелось, это создать тебе проблемы, Джулс. Особенно... — Мэй опустила взгляд на диванную подушку. — Особенно после того, как ты была так добра ко мне.

Ее зеленые глаза наполнились слезами.

Я почувствовала тяжесть в груди. Возможно, Мэй действительно заботилась обо мне. Возможно, я вела себя как дура. Откуда она должна была узнать, как лучше поступить? И, по правде говоря, если Себастьяну действительно она нравилась, а не я, как бы это ни ранило мои чувства, это не ее вина.

— Ты... — начала я.

Джулс, просто будь умничкой и покончи с этим.

— Ты не знала как лучше, — сказала я, прощая ее. — Я поняла.

Я глубоко вздохнула. Это было трудно, но я должна была это сделать.

— Ты должна пойти с ним.

— Неужели? Ты уверена?

Кажется, она почувствовала облегчение. Может, потому, что ей действительно нравился Себастьян, или потому, что она была рада, что я не держу на нее зла, или и то, и другое.

— Да.

Я уже чувствовала себя дерьмово из-за того, что они пойдут вместе, но злость не могла внезапно заставить Себастьяна интересоваться мной.

Пропел дверной звонок.

— Сейчас открою! — крикнула Дэни, спускаясь по лестнице к входной двери.

— Понятия не имею, с кем я пойду, — призналась я Мэй. — На данный момент у всех, вероятно, уже есть парочки.

— А как же Зик? У него еще нет пары. Он очень милый.

Я не думала, что Зик такой уж милый, но Мэй была права, по крайней мере, он хороший. Может быть, лучше пойти с кем-нибудь, чем одной. Это ведь лучше, чем ничего?

— Мы можем ехать все вместе! — настаивала она. — Себастьян за рулем.

— Понятия не имею. Дай мне подумать...

— А-а-а-а-а...

Прежде чем мы успели закончить наш разговор, Дэни завизжала у входной двери. Я вскочила с дивана и увидела, что она стоит в дверях...

Вся в крови.

* * *

Я сидела в приемном покое больницы, одержимо обновляя свой Инстаграм, не зная, что еще делать. То, что случилось с моей сестрой, было так странно, что я до сих пор не знала, что и думать.

Даниэль открыла дверь, чтобы посмотреть на щенка. Она потянулась к нему, читая имя щенка на бирке.

«Бинго», — прочитала она вслух. Но не успела она произнести имя собаки, как та

набросилась на нее. Он начал кусать и царапать ее. У Дэни также был огромный страх крови, поэтому она испугалась еще больше, когда увидела себя истекающей кровью от ран.

Несмотря на то, что папа установил новую систему безопасности после того, как ветка сломала замок, она не защищала от милых щенков на нашем пороге.

Я подумала о том, что Мэй сказала мне прошлой ночью, о том, что она боится, что секта сделает что-то, что заставит ее вернуться к ним. Теперь это стало казаться вполне возможным, особенно после того, как они оставили для нее ту белую розу. Это они же оставили щенка? Чтобы напугать Мэй или чтобы покалечить ее, а не на мою сестру? Я заметила, что Мэй любит собак.

Более тревожная мысль пришла мне в голову. Что, если это не предназначалось для Мэй? Что, если этот инцидент был задуман, чтобы напугать мою семью? Может, секта поняла, что мы укрываем Мэй, и разозлилась из-за этого. Может, это было «око за око». Вы забрали одного из наших, мы возьмем одного из ваших.

В голове крутился миллион разных мыслей. Папа вошел в приемную. Он все еще был в офисном костюме, спеша с работы сразу в больницу.

— С ней все в порядке? — спросила я, отвлекаясь от гипнотического экрана телефона.

— Ей наложили пару швов на лоб, и она вся исцарапана, но с ней все будет в порядке.

— Ей сделали прививку от бешенства? — спросила я.

Он кивнул. Я слышала, как ей было больно, и мне было жаль сестренку.

— С ней все будет в порядке, — заверил меня папа.

Но его вздох, когда он опустился на неудобный стул рядом со мной, выдал, что беспокойство все еще мучило его. В приемной нас было только двое. Хелен играла в свой хоккей на траве, и мама предложила Мэй остаться дома — она не хотела, чтобы та приезжала в больницу, если не будет необходимости.

— Как ты думаешь, что случилось? — я пыталась узнать, может, папа прольет свет на все произошедшее.

Он прикусил щеку, обдумывая услышанное.

— Пока не знаю, — признался он.

Хотя он и не говорил ничего напрямую, но мне показалось, что он явно недоволен тем, что Мэй все еще оставалась с нами. Я заметила, что на самом деле они с мамой не разговаривали друг с другом, и была уверена, что причиной конфликта была Мэй.

Мама вошла в комнату. На ее лице застыла маска беспокойства.

— С ней все будет хорошо, — заверила мама, стараясь успокоить не только нас, но и себя. — Швы маленькие, и доктор Пфайзер сказал, что она сможет играть в мюзикле.

Мама направилась к торговому автомату.

— Кто-нибудь хочет перекусить? — спросила она.

Я покачала головой. Папа тоже отказался. Мама взяла батончик мюсли и разорвала обертку. Она ела так, словно хотела отвлечься, а не потому что проголодалась.

— Доктор Матис, — раздался властный голос. На пороге стояла женщина в ужасном брючном костюме. Она посмотрела на нас с папой.

— Питер, Джулия, — сказала она, кивая.

Я не была точно уверена, кто она, и ее светло-зеленый блейзер и брюки были слишком яркими, но я вежливо поздоровалась.

— Рад тебя видеть, Джоанна, — ответил папа.

Женщина посмотрела на маму.

— Можно вас на пару слов?

Мама кивнула и последовала за ней. Отец коснулся ее руки, когда она проходила мимо.

— Все в порядке? — озабоченно спросил он.

Мама надела на себя маску «все в порядке».

— Да, все хорошо, — ответила она и вышла.

Я посмотрела на папу. Мне показалось, что он знает, что мама избегает его, и это его беспокоило. Папа уставился на отполированный пол приемной.

И я тоже.

Глава 34

Джоанна отвела Сюзанну в тихую часть коридора.

— Я очень сожалею о том, что случилось с вашей дочерью, — начала она.

Сюзанна откусила от батончика мюсли.

— Я ценю вашу заботу.

— Мне трудно говорить вам это прямо сейчас, зная, в каком напряжении вы сейчас находитесь. Но я подумала, что вы должны знать.

Глаза Сюзанны потемнели.

— Что?

— Почему бы нам не пройти в мой кабинет? — предложила Джоанна.

— Почему бы вам просто не сказать мне то, что вы хотели?

Что бы это ни было, она хотела покончить с этим как можно скорее.

— Ладно.

Джоанна огляделась, чтобы убедиться, что никто не подслушивает.

— Дело в том, что я знаю, что вы сделали.

Джоанна, прищурившись, посмотрела на Сюзанну.

— Что я сделала? — усмехнулась Сюзанна. — Мою дочь только что чуть не съела собака. Думаете, я имею к этому отношение?

— Конечно, нет. Дело не в этом.

— Тогда в чем же дело? Я бы хотела вернуться к дочери.

Джоанна поджала губы в ответ на поведение Сюзанны, затем сказала:

— Я знаю, что вы взломали конфиденциальные записи пациентов. Виктора Петерсона.

Сюзанна постаралась сохранить невозмутимое выражение лица, чтобы ненароком не подтвердить абсолютную правоту босса.

— И, — с нажимом добавила Джоанна, — вы воспользовались логином медсестры Конни. Сработало предупреждение ИТ-безопасности, когда вы получили доступ к такому старому конфиденциальному делу. Мне было интересно, почему Конни просматривает записи мальчика, который приходил сюда более десяти лет назад, поэтому я попросила охрану включить видеозапись.

Сюзанна скрестила руки на груди, словно пытаясь прогнать чувство вины.

— И другая проблема в том, что в последнее время вы пропускаете приемы.

Сюзанна ничего не ответила. Она не могла этого отрицать — то тут, то там она пропускала приемы, так как была занята заботой о Мэй и попытками придумать, как ей выстроить дело против секты.

— Я не совсем понимаю, что происходит, — продолжала Джоанна, — но если вы хотите сохранить свою работу, вам лучше следить за собой. Я не потерплю такого поведения от своих сотрудников.

Сюзанна хотела возразить, но Джоанна не позволила.

— Что бы вы ни говорили, это не имеет значения, доктор Матис. Вы находитесь на карандаше у правления.

Будучи семнадцатилетним ветераном госпиталя, Сюзанна была слишком потрясена, чтобы ответить.

Джоанна покачала головой.

— Мне очень жаль, правда, но так уж сложилось.

Джоанна повернулась и направилась в свой кабинет.

— О, — вспомнила она перед уходом. — Поскольку вы находитесь на пересмотре, доктор Бреннер будет представлять больницу на конференции психиатров в Чикаго в декабре. Надеюсь, вашей дочери скоро станет лучше, — заключила она.

Джоанна удалилась по коридору.

Сюзанна смотрела вдаль, погруженная в свои мысли. Через мгновение она вытащила телефон и поспешила в противоположном направлении. Теперь она была полна решимости привлечь детектива Нельсона к делу Мэй, несмотря ни на что.

Глава 35

— ВСЕМ ХВАТАЕТ ПОПКОРНА?

Это было несколько ночей спустя, и папа предпринял попытку сыграть в совершенно нормальную семью.

Мама, Дэни и Мэй сидели на диване. Я села в кресло напротив.

Мэй была очень дружелюбна со мной в школе и все такое, и я согласилась пойти на хэллоуинскую вечеринку с Зиком. Он был достаточно милым, а все остальные были по парам. По крайней мере, у меня будет компания, так что я не буду выглядеть полной неудачницей.

Но я начала подсчитывать количество жутких событий, которые скопились вокруг Мэй: побег посреди ночи, припадок с жутким пением, и совсем недавнее нападение щенка на Дэни. Количества случаев для девушки, которая появилась в нашей жизни полтора месяца назад, было слишком много. Я все еще не была уверена, имеет ли это какое-то отношение к Мэй, и когда я попыталась заговорить об этом с ней, она отмахнулась, сказав, что это просто бродячий щенок, который испугался и напал. Тем не менее, она сказала, что секта сделает все, чтобы вернуть ее.

— Дэни, ты в порядке? Еще масла или чего-нибудь еще? — переспрашивал папа.

Он проявлял особую заботу к Дэни после того, как ее покалечила собака. Швы от укуса щенка хорошо зажили, но на лбу все еще была повязка.

Дэни улыбнулась.

— Спасибо, папа.

— Джулс, хватит попкорна? Мэй?

Мы обе кивнули, держа в руках гигантские миски.

— Сюзанна? Все хорошо? — спросил папа с легким раздражением в голосе, которое он явно пытался скрыть.

Мама натянуто улыбнулась.

— Спасибо, Питер.

Он двинулся дальше.

— Все в порядке! — он хлопнул в ладоши. — Теперь пришло время для нашей любимой семейной традиции Матис перед Хэллоуином!

Мужчина подошел к DVD-плееру и осторожно вставил диск. Папа всегда делал нам сюрприз. Он повернулся к своей аудитории.

— А теперь наша презентация! Джулс, барабанную дробь, пожалуйста, — попросил он, приглушая свет.

Я чувствовала себя глупо, но мне хотелось его поддержать, поэтому я забарабанила ладонями по подлокотнику.

— Сегодня вечером я представляю вам классический американский культовый фильм: «Кэрри».

Я не смогла сдержать улыбку. Это был мой любимый триллер, и отец это знал. Новая версия ремейка была в порядке, но классическая версия была все же лучше. Я оценила то небольшое усилие, которое папа приложил, чтобы сделать что-то хорошее для меня.

Когда начался фильм, папа подошел к дивану и сел. Я заметила, как Мэй подвинулась, освобождая ему место. Папа посмотрел на место рядом с ней, затем придвинул деревянный стул из угла, утверждая, что так будет лучше для его спины. Мне показалось, что на лице Мэй промелькнуло какое-то чувство, но оно было слишком быстрым. Интересно, что это было?..

Но это был один из моих любимых фильмов и семейная традиция Матис: я не позволю ничему разрушить ее. Я съела пригоршню попкорна и уставилась на экран, готовая погрузиться в атмосферу истории.

«33333ТТ» — зажужжал мамин телефон. Она быстро сунула руку в карман и посмотрела на определитель номера.

— Простите, — прошептала она, вскакивая с дивана. — Спасибо, что перезвонил... — ее голос утих, когда она вошла в кухню, чтобы ответить на звонок.

Вместо того чтобы гадать, кто звонит маме так поздно ночью, я позволила темной уютной гостиной поглотить себя и приготовилась наслаждаться чужими проблемами.

Глава 36

— **ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?** — на другом конце провода раздался голос детектива Нельсона.

Сюзанна прислонилась к кухонной тумбочки, не обращая внимания на доносившийся из гостиной шум фильма.

— Мне нужна ваша помощь.

Детектив Нельсон тяжело вздохнул. На заднем плане слышалась слабая музыка.

— Мы не можем больше терять время. Мы должны пойти и допросить Виктора Петерсона. Я нашла его в Тисдейле.

— Вы ездили в Тисдейл?! — донесся голос детектива Нельсона.

— Да, я последовала за ним.

— Доктор Матис, вам не стоит ехать в этот город одной, — предупредил он. — Вам вообще не следует туда ездить.

Сюзанна продолжала:

— Дело в том, что нам нужно поговорить с ним, допросить его... выстроить наше дело. Эти люди смогли напасть на мою дочь.

Сюзанна рассказала ему о том, что случилось с Дэни и щенком. Он сказал, что проверит отчет... его не было на дежурстве, когда это случилось.

— Вы думаете, это дело рук секты? — настаивала она.

— Трудно сказать. Или, что более важно, трудно доказать.

— Тогда мы должны пойти за Виктором. Мы можем вернуться туда и допросить его. С ним и Мэй у нас будет два свидетеля. Тогда у нас будет хорошее дело и мы сможем засадить этих людей.

Детектив Нельсон ничего не ответил. Ей показалось, что она услышала смех на заднем плане. Она предположила, что он, вероятно, возле бара.

— Вы ведь поможете мне, правда?— больше утвердила она, чем спросила.

На другом конце провода воцарилось молчание. Сюзанна нервно расхаживала по кухонному кафелю.

— Если вам нужен мой совет, увезите девочку в приют, подальше от себя или, по крайней мере, в другую семью. Вы сделали свое дело. Вы должны забыть об этом, Сюзанна.

Сюзанна этого не услышала. Она была в ярости, что никто ей не поможет.

— Если вы ничего не сделаете, это сделаю я, — отрезала она, выключая телефон.

Глава 37

Мои волосы, разделенные пробором посередине, казались другими. Я использовала выпрямитель, чтобы вытянуть волосы, как у Сисси Спейсек в «Кэрри», и мне показалось, что получилось неплохо. Посмотрев в зеркало в ванной, я слегка улыбнулась.

Узкие бретельки платья на моих плечах заставляли меня чувствовать себя, не знаю, сексуальной, я думаю. Я никогда не обнажала так много кожи, и одеть такое платье было рискованно, хотя это был всего лишь костюм на Хэллоуин.

Платье на самом деле было комбинацией, которую я купила в Гудвилле и тщательно постирала. На днях я съездила туда на автобусе после волейбольной игры, где так ни разу и не сыграла. Найденная мною комбинация была дешевле, чем настоящее платье, и, похоже, выглядела неплохо, так что я ее купила.

Я еще раз провела рукой по волосам, чтобы пригладить их. Все, что мне нужно было сделать, это капнуть «кровью» на свое платье, и я была готова: стала Кэрри.

Выйдя в коридор, я наткнулась на...

— Джулс! Ты выглядишь восхитительно! — сделала мама мне комплимент, слегка повисив голос.

— Я старалась быть жуткой, но спасибо.

Злилась на нее за то, что она в последнее время такая рассеянная и проводит так много времени с Мэй. Но все равно. Мой взгляд упал на ее руки.

Мама держала в руках длинный светлый парик.

— Это еще зачем? — спросила я.

Прежде чем она успела ответить, Мэй вышла в коридор. Я не могла поверить своим глазам.

— Какого черта? — чуть не закричала я.

— Что?

Мэй спокойно покрутилась, разглядывая свой наряд. На ней было длинное белое платье, почти такое же, как у меня.

— Это мой костюм. Я как ты! — улыбнулась Мэй.

Мое дыхание стало отрывистым. Как такое могло случиться?

Мама подняла парик.

— Мэй тоже будет Кэрри!

Я почувствовал, как мое лицо исказилось от ярости. Должно быть, это шутка. Сначала Мэй украла моего парня, теперь она крадет мой костюм на Хэллоуин?!

— Не совсем, — объяснила Мэй.

— Что ты имеешь в виду? — резко спросила я. — Ты одета точно так же, как я, — сказала я обвиняюще.

— Ну, ты же Кэрри из старого фильма, верно? Из того, которого мы смотрели вчера?

— Ну да. А что?

— Я Кэрри из другого фильма. Из нового! Я посмотрела в интернете. Есть другая версия фильма, более поздняя, — гордо сообщила она мне, как будто я этого еще не знала. — Я новая Кэрри! — улыбнулась Мэй.

Нет. Это все хреновая отмазка.

«Кэрри» была моим любимым фильмом ужасов. И теперь Мэй копирует меня? Она самозванка! Она забирает мою жизнь! Это было как дерьмо из «Одинокой белой женщины».

Мама подняла парик и встряхнула льняные синтетические волосы. Она надела его на голову Мэй, завершая образ.

— Отлично выглядит, Мэй! — просияла мама. — Вы девочки-близнецы! Я всегда хотела близнецов.

Я уставилась на Мэй, онемев от гнева. Она украла мой костюм и превзошла меня, став «новой Кэрри».

Я не могла с этим смириться.

— Где папа? — спросила я, поворачиваясь к маме.

Она вдруг сосредоточилась на том, чтобы убрать прядь волос с парика, избегая смотреть мне в глаза.

— В гараже, — пробормотала она и снова повернулась к Мэй. — Давай проведем щеткой по волосам! — предложила она, направляясь в ванную вместе с Мэй.

Я вышла на улицу и направилась к гаражу. Интересно, почему папа там?

Я постучала в металлическую дверь.

— Папа?

Тишина. Я шагнула внутрь. Затхлое помещение было уставлено полками с картонными коробками и какими-то старыми инструментами: в основном всяким хламом, которым никто никогда не пользовался и, вероятно, никогда не воспользуется. Я заметила, что лестница, ведущая на чердак, была спущена.

— Папа? — крикнула я снова, направляясь к лестнице. Я поднялась на верхний этаж, стараясь не запачкать белое платье.

Наверху, в маленьком, похожем на чердак помещении, на раскладушке сидел папа. Он посмотрел на меня.

— Привет, Горошинка, — сказал он.

Он почти никогда меня так не называл. При обычных обстоятельствах мне не нравилось, когда меня называли моим глупым детским прозвищем, но сейчас я не возражала.

Мой взгляд упал на грудку одежды, выскользнувшую из сумки рядом с кроватью.

— Ты...спишь здесь? — рискнула спросить я.

Папа посмотрел на дощатый пол.

— Ну, совсем ненадолго, — признался он.

Я знала, что мои родители не очень ладили в последние дни, но я понятия не имела, что они спали по отдельности. Это не было добрым предзнаменованием.

Уверена, папа видел по моему лицу, что у меня голова идет кругом.

— Не о чем беспокоиться, Джул-Джул, иногда людям просто нужно немного пространства. Проветрить головы и все такое.

Полагаю, это имело смысл. Мне определенно нужно было побыть одной, вдали от Мэй.

— Твой костюм выглядит таким чистым!— похвалил он меня, заставляя себя говорить веселым тоном.

— Спасибо, — ответила я, вспомнив, зачем вообще сюда пришла. — Мне нужна помощь, чтобы залить волосы кровью. Мама слишком занята, помогая Мэй, — добавила я.

На лице отца промелькнуло раздражение, а может, разочарование. Что бы это ни было, он быстро встал и хлопнул в ладоши — привычка, которая у него была, когда он пытался сменить тему.

— Давай выльем немного крови на твои волосы! — собрался он с духом.

Снаружи, на подъездной дорожке, папа капнул фальшивой кровью на мои выпрямленные локоны, так что она пролилась на мое белое платье, как я и хотела. Я почувствовала, как липкая красная жидкость впиталась в мою кожу через тонкую ткань платья.

На мгновение я подумала о том, что могла чувствовать Мэй, когда кровь из порезов на спине стекала по ее коже. ...

Я быстро отбросила эту мысль.

— Уверен, что я выгляжу нормально?— спросила я папу, ища поддержки.

Не знаю, почему я чувствовала себя так неуверенно. На этой вечеринке не на кого было производить впечатление. Мне было все равно, что думает обо мне Зик, Себастьяну нравилась Мэй, и мой костюм уже был превзойден.

Папа посмотрел на меня, затем осторожно протянул руку и убрал прядь запекшихся от крови волос с моей щеки.

— Отлично выглядишь, Горошинка, — улыбнулся он.

Глава 38

Заднее сиденье «Вольво» родителей Себастьяна было просторным, но я прижалась к двери, стараясь держаться как можно дальше от этой ситуации.

Когда Себастьян заехал за нами, Зик уже сидел в машине. Он был одет карликовым паладином, что, как он объяснил, из «Подземелья и драконов». На нем был длинный плащ, в руке он держал деревянную палку, которая, как он утверждал, была посохом. Похоже, костюм у него уже был готов.

Мама была вне себя от радости, когда ребята приехали. Увидев меня и Мэй вместе, что у нас у обеих были пары на вечеринку, она была очень счастлива, как будто она жила через нас. Я собрала столько энтузиазма, сколько смогла. Моя тактика заключалась в том, чтобы залечь на дно, смириться со всем и просто пережить эту чертову ночь.

Хэллоуин был моим любимым праздником: почти всю мою жизнь. Обычно я праздновала с Айзеком, устраивая домашний марафон классических ужастиков и раздавая конфеты детям, говорящим «Кошелек или жизнь», хоть их и было на моей улице не так много, так как она была далеко от главной дороги. Мы с Айзеком весь вечер пытались напугать друг друга шутками, чтобы посмотреть, кто из нас сможет перехитрить другого. Однажды, когда нам было по одиннадцать лет, он ночевал у меня, и это был очень расчетливый и трудоемкий план: он всю ночь прятался в ванной, чтобы напугать меня, когда я туда пойду. Однако я так устала, что проспала всю ночь, а наутро обнаружила его спящим в ванне. Интересно, чем сегодня занимается Айзек? Я должна была признать — особенно со

всей этой неловкой ситуацией с Мэй — я скучала по нему.

Осознав, что на моих губах появилась улыбка, я быстро стерла ее, отбросив мысль о моем лучшем друге, который на самом деле не был моим лучшим другом прямо сейчас.

Лицо «мне все равно», лицо «мне все равно».

Мэй села на пассажирское сиденье рядом с Себастьяном. Я слышала обрывки их разговора, который, очевидно, был таким забавным, что Мэй хихикала без остановки. Себастьян был одет в пиратский костюм: треугольную черную шляпу, с повязкой на глазу и рукой в форме крюка. И в дополнение на нем была футболка с надписью «Будущее за женщинами».

— Кто ты? — спросила я, когда он приехал за нами.

— Феминистский пират! — гордо заявил он.

То, что мы с ним не ходили на свидания, убедило меня, что с миром что-то не так.

Во время поездки мы с Зиком немного поболтали на заднем сиденье, но через некоторое время наш разговор угас. Я прислонила голову к окну и держала ее там до конца сорокапятиминутной поездки.

Наконец мы добрались до опушки густо заросшего леса, где виднелись следы палаточного лагеря. Себастьян припарковал машину на грязной стоянке рядом с другими машинами. Он напомнил нам, что сегодня водитель он, поэтому каждый мог пить столько, сколько хотел — в разумных пределах, конечно (Себастьян верил в личную ответственность). Мне не очень нравилось пить, но, может быть, это поможет мне пережить ночь. Или, боже упаси, развлечься.

Выйдя из машины, прохладный ночной воздух коснулся моей кожи. Я тут же пожалела о своем решении не надевать жакет, потому что хотела показать свое сексуальное платье. По крайней мере, хотя бы сегодня. К тому же, Мэй тоже не надела куртку, так что я не хотела выглядеть так, будто не могу справиться с холодом. Но я совсем замерзла.

— Сюда, — позвал Себастьян, махнув нам в сторону тропинки у деревьев. Мэй последовала за ним, а Зик пропустил меня вперед.

Пока мы пробирались сквозь листву, между сосновыми иглами вспыхивали яркие вспышки. Когда мы наконец добрались до поляны, большой костер был уже разожжен.

Вечеринка была в самом разгаре. Я узнала многих из тех, кто был на вечеринке Челси Уифф в прошлом месяце, плюс кучу других людей, которых я не знала. Там были вампиры и Покемоны, супергерои в коротких юбках и дьявольские ангелы. Все потягивали что-то из красных пластиковых стаканчиков, налитых из бочонка, в котором, я была уверена, было более чем посредственное пиво, хотя я не могла действительно отличить хорошее пиво от плохого.

— Выпьем? — предложил Зик.

Мэй пожала плечами, а я кивнула. Себастьян и Зик отправились за напитками, а мы с Мэй на мгновение остались одни. Мы не разговаривали в свете ситуации с копированием костюмов.

И мне было тяжело видеть ее в паре с Себастьяном. В то время как я простила ее и приняла это в теории, видеть это лично и быть рядом с ними было будто ледоруб орудует в моем сердце. Мне хотелось исчезнуть.

Я потянулась к телефону — может быть, фотографирование поможет мне почувствовать себя лучше.

— Это весело, — прервала Мэй молчание прежде, чем я успела достать из сумочки

мобильник.

— М-м-м, — только и смогла я ответить.

Она оглядела поляну.

— Зик хороший, — сказала она ободряюще.

Я не ответила. Я думаю, она пыталась заставить меня чувствовать себя лучше из-за моего свидания с утешительным призом, хотя это могло быть и для того, чтобы не чувствовать себя так плохо из-за похищения Себастьяна.

К счастью, неловкость нарушила медсестра.

— Мэй! — позвала Ларисса.

Она, Джесси и Кристина появились на поляне, как стая Барби из Хэллоуинского выпуска. Ларисса была в коротком белом костюме со стетоскопом, Джесси была одета как дьявол, а Кристина предпочла быть ребенком, ее подгузник демонстрировал ее длинные, спортивные ноги. Ларисса посмотрела на наши костюмы.

— Мне нравится, — проворковала она Мэй, — Вы Близнецы?

— Нет, Мэй скопировала меня, — уточнила я слишком громко.

Я пыталась быть смешной, но мой голос выдавал раздражение. Никто не посмеялся.

— Я тебя не понимаю, — возразила Мэй, — Я Новая Кэрри. Джулс — старая, — объяснила она.

Ларисса потянулась к длинному светлому парикку Мэй.

— О, боже, роскошь, — выдохнула она, — Тебе нужно носить это каждый день.

— А мне нравятся твои блестящие черные волосы! — вмешалась Джесси. — Они такие прямые! Я таю.

— Разве не веселее быть блондинкой? — добавила Кристина, приглаживая свои натуральные светлые волосы.

— Ха-ха, конечно, — ответила Мэй, откидывая с плеча парик.

— Черт, — перебила Ларисса. — Трэвис в таком плохом настроении. Похоже, он уже пьет пятое пиво.

Все девочки проследили за взглядом Лариссы и увидели Трэвиса, одетого в белые шорты, белую рубашку с короткими рукавами и с повязкой на голове, а в дополнение, у него была теннисная ракетка — Ричи Тененбаум из «Королевской семьи Тененбаум». Это имело смысл, поскольку весной он был капитаном теннисной команды.

— Он подумал, что я флиртую со Скоттом Варгасом после игры прошлой ночью, потому что он набрал так много очков. Но я точно этого не делала, хотя вроде как делала, но пофигу. Он писал мне весь день, но я не ответила. Я должна поговорить с ним.

Ларисса поправила декольте в узком белом жилете и отошла. Кристина подкрасила губы.

— Мэй, — промурлыкала Джесси, — ты принесла еще ксанакс (*прим.: самый популярный наркотик у молодежи, обладающий противотревожным свойством*)? Я могу снова дать тебе наличные.

— О? да, конечно! — согласилась Мэй, потянувшись к своей белой сумочке, которую мама, должно быть, ей тоже купила.

Я не знала, что Мэй принимала лекарства, но было вполне логично, что она принимала что-то, чтобы утихомирить посттравматический стресс.

Мэй протянула Джесси и Кристине по таблетке из оранжевого пузырька.

— Ты спасла мне жизнь, — выдохнула Джесси, глотая таблетку и запивая ее своим

напитком.

— Привет, дамы, — поздоровался Зик, когда они с Себастьяном вернулись с напитками для нас с Мэй. Он увидел, что Кристина и Джесси не пьют.

— Хотите, мы принесем вам вина? — предложил он.

— Мы в порядке, — ответила Джесси, разглядывая его ботанический костюм, — пойдем сходим за шотами, — сообщила она, оттащивая Кристину. — Мэй, найдешь нас.

Было совершенно ясно, что эти девушки заинтересованы только в дружбе с Мэй, а не со мной.

Себастьян поднял чашку с имбирным элем:

— Ваше здоровье! — сказал он, чокаясь со всеми.

Я быстро отхлебнула, и это напомнило мне, что я ненавижу вкус пива даже больше, чем вкус кофе. Себастьян явно забыл, что я не фанатка пива.

Мэй повернулась к Себастьяну:

— Я посмотрела видео на YouTube, которое ты прислал, — чихуахуа на Ньюфаундленде. Это было потрясно!

— Мило, правда? Я знаю, как ты любишь собак.

Себастьян повернулся ко мне, явно пытаясь вовлечь меня в разговор.

— Ты посмотрела его, Матис?

— Нет, — холодно ответила я.

Стало еще холоднее. Я сделала большой глоток пива, к черту. Я уставилась на костер. Мертвое дерево подпитывало центр костра, оранжевое и голубое пламя танцевало вверх от него. У меня возникло неприятное желание войти в пламя.

— Хочешь чего-нибудь еще?

Себастьян заметил, что Мэй не притронулась к своему бокалу.

Мэй пожала плечами.

— Я не очень люблю пиво.

Я сделала еще один большой глоток. Это была либо попытка доказать, насколько я круче Мэй, либо напиться. Или все сразу.

— Давай найдем тебе что-нибудь выпить, — галантно предложил Себастьян, протягивая руку. *Интересно, они целовались?*

— Итак, — вампирски произнес Зик, когда мы остались наедине. — Какой твой любимый фильм ужасов?

— Я дам тебе подсказку, — сказала я, делая еще один большой глоток пива. Я указала на свое платье и окровавленные волосы.

— О, — рассмеялся он. — Угу. Извиняюсь. Это хороший фильм.

Он отхлебнул из стакана. Я видела, что он смущен. Я не хотела быть с ним грубой — он не сделал ничего плохого.

— А как насчет тебя? — спросила я, чтобы загладить вину.

— Хм-м, я думаю, «Крик».

— Это забавно.

Громкий смех ударил мне по ушам. Я обернулась и увидела, что Мэй смеется над тем, что Себастьян сказал ей у стойки бара. Трындец.

Я допила остатки пива. Отчаянно пытаюсь заполнить тишину, Зик предложил:

— Принести другой стакан?

Посмотрела на свою пустую чашку и задумалась. Почему бы и нет? *Поживи немного,*

Джулия.

— Конечно.

Я протянула ему стакан.

— Сейчас вернусь.

Он послушно взял его и направился к бочонку.

Я постояла немного, глядя на толпу вокруг. Несмотря на то, что я была окружена всеми этими людьми, даже с парой, даже с моим новым лучшим другом, я все еще чувствовала себя такой одинокой.

Ослепительная вспышка света настолько привлекла мое внимание, что даже мурашки на руке исчезли. Я обернулась и увидела, что костер увеличился вдвое. Пламя взметнулось в воздух на несколько ярдов. Как это случилось так быстро?

В лесу неподалеку хрустнули ветки. Дерево загорелось. Гости-призраки и персонажи фильмов лихорадочно озирались, пытаясь понять, что происходит. Вся поляна загорелась, сухие ветки стали идеальным топливом.

Запах горящих листьев заполнил мои ноздри. Я попыталась прикрыть нос и рот платком, но тонкая белая ткань не помогла. Я не могла остановиться. Я должна была уйти от этого дыма.

Я отвернулась от костра и направилась в лес, натываясь на других детей, которые бежали от огня как можно быстрее. Я не видела ни Мэй, ни Себастьяна, ни Зика.

Набросив прядь волос на лицо, чтобы защититься от дыма, я побежала между деревьями. Я почти не смотрела, куда иду, просто старалась как можно быстрее переставлять ноги.

Уи-и-иу! Уи-и-иу!

Вдалеке завывала сирена. Пожарная машина. Слава богу, они прибыли тушить пожар — время их реагирования было впечатляющим. Жар позади меня и потрескивание деревьев создавали впечатление, что огонь быстро выходит из-под контроля.

Я слышала, как позади меня спасатели тушили пожар. Рядом со мной были и другие подростки, которые спасались от огня, разбегаясь в разные стороны. Когда темный лес стал гуще, толпа поредела. Мой взгляд упал на что-то слева от меня. Это была Мэй?

Внезапно мое лицо коснулось холодной грязи. Должно быть, я споткнулась о ветку. От падения у меня перехватило дыхание, и сердце остановилось.

А потом кашель вернулся с удвоенной силой. Мое горло перехватило, как будто я не могла контролировать свои легкие. Я бы все отдала за стакан воды. Даже пива. Я лежала на земле, пытаясь отдышаться, не зная, получится ли у меня.

Внезапно я ощутила тепло на своих плечах. Прежде чем я поняла, что происходит, меня подняли с земли чьи-то сильные руки.

Перекинутая через мускулистое плечо, мое тело подпрыгивало вверх и вниз.

До меня дошло, что меня несут через лес, подальше от костра. Боковым зрением я замечала черные ветви, пока моя голова билась о спину мужчины.

Я больше не видела вокруг себя других ребят. Я приподнялась, пытаясь увидеть, куда мы идем. Когда я зашевелилась, мой носильщик перевернул меня так, что теперь он нес меня перед собой, как ребенка.

Моя щека ощутила крахмаленную ткань. Форма. Меня спасал пожарный! Я взглянула на его грудь и мельком увидела название отдела его пожарной охраны.

Тисдейл.

Что они здесь делают? Я не знала точно, где мы находимся, но знала, что Тисдейл — это не название города, в котором находятся пожарные.

Я посмотрела на свое платье: белое. И кровь на моих светлых волосах.

Я была одета в точности как Мэй.

Святое дерьмо! Этот парень был из секты. И он пытался похитить меня, думая, что я Мэй!

Я не могла дышать. Я должна была уйти. Но как? Его хватка была железной, не давала мне пошевелиться.

Мы были уже далеко от костра, и я не видела и не слышала никого из ребят. Деревья начали редеть, и я смогла разглядеть вдалеке дорогу, где была припаркована пожарная машина.

О, нет, нет, нет, нет. Каждый, кто видел фильм ужасов, знает, что вам нельзя оказаться в автомобиле со своим похитителем. Это означает верную смерть.

От паники у меня закружилась голова. Они устроили этот пожар, чтобы похитить Мэй в суматохе? Что они сделают, когда поймут, что получили меня вместо нее?

Мне не терпелось это выяснить. Я пыталась освободиться от его толстых рук, но чем больше я боролась, тем крепче становилась его хватка.

— Отпустите меня! — закричала я, вырываясь изо всех сил.

Подойдя к пожарной машине, он развернул меня и толкнул на пассажирское сиденье.

— Ой! — вскрикнула я, когда моя голова ударилась о руль со стороны водителя.

Он вытянул руку и толкнул меня дальше. Рукав его рубашки задрался, и я увидела на его бицепсе...

Татуировку в виде пентаграммы.

Он втолкнул мои ноги внутрь, чтобы закрыть дверь, но я замахала ногами, оттолкнув его от себя.

— Нет! Я не она! — закричала я.

Я целилась ногой ему в переносицу. Айзек однажды сказал мне, что это уязвимое место на человеческом теле. Но это не сработало. Он прижал дверь к моей ноге, закрывая машину.

Была заперта внутри. Я должна была выбраться.

Так быстро, как только могла, я подползла к водительскому сиденью и потянулась к двери. Через ветровое стекло я увидела, как он обошел грузовик спереди. Это было рискованно, но мне в голову пришла идея.

Я ждала, пока он подойдет к водительской двери.

БАМ!

Я захлопнула дверь и ударила его в грудь. Удар скорее удивил его, чем покалечил, но это был мой шанс.

Я вылезла из грузовика и помчалась прочь, не смея оглянуться. Знала, что у меня есть несколько секунд, чтобы опередить его, и побежала через деревья. Мое сердце билось так быстро, что я ощутила слабость.

Но я заставила себя бежать быстрее.

Быстрее.

Спасая свою жизнь.

Я мчалась сквозь деревья, стараясь уловить хоть какой-нибудь звук или свет. Наконец, я увидела поляну, где был костер, и отшатнулась, едва дыша.

Тяжело дыша, я огляделась. Все столпились вокруг потушенного костра, и на месте

происшествия были пожарные... настоящие местные пожарные. Никого в форме Тисдейла. Должно быть, они ушли, не сумев получить то, за чем пришли.

За Мэй/мной.

— Джулс! — Мэй заметила меня и поспешила ко мне. — Мы потеряли тебя из виду. Ты в порядке?

— Нет! — я в ярости отшатнулся. Несколько голов обернулись. — Я не в порядке!

Мэй пыталась меня успокоить.

— Все нормально. Огонь потушили, и Себастьян готов отвезти нас домой, — попыталась успокоить меня она.

Я оттащила Мэй в сторону, подальше от других дрожащих посетителей:

— Какого черта? — кричала я шепотом.

Мэй уставилась на меня широко раскрытыми зелеными глазами:

— Что?

— Твоя жуткая секта пришла за тобой, но приняла меня за тебя и попыталась похитить!

Мэй побледнела.

— Нет... — это все, что она смогла выдавить из себя.

— И все потому, что ты скопировала мой дурацкий костюм! — обвинила я ее.

Все мое тело пульсировало от ярости, или боли, или того и другого.

— Ты разрушаешь мою жизнь! — крикнула я, не в силах сдержаться.

— Джулс, мне так жаль, — прошептала она, прижимая к себе руки. — Мне очень жаль.

— Я расскажу родителям, и они отправят тебя в приемную семью, или обратно в Тисдейл, или еще куда-нибудь — мне все равно! Я просто хочу, чтобы ты убралась из моей жизни!

Мэй схватила меня за руку.

— Пожалуйста, не говори родителям! Если меня отправят обратно, они накажут меня!

— Хорошо! Ты это заслужила! — сплюнула я.

В тот момент мне было все равно, что они с ней сделают. Я хотела, чтобы она ушла.

— Пожалуйста, Джулс, — взмолилась она. — Мне нужно оставаться с тобой и твоей семьей, чтобы быть в безопасности. Неужели ты этого не понимаешь?

Я повернулась к черным углям костра, стараясь не обращать внимания на то, о чем она меня просила.

— Неужели ты не понимаешь, Джулс?

Она повернула своей рукой мое лицо, чтобы я взглянула на нее.

— Пожалуйста, Джулс. Ты же моя подруга! Мне нужна твоя помощь. Ты не можешь сказать своим родителям, мне нужно быть в безопасности!

Ее зеленые глаза умоляли.

— Ты должна спасти меня, Джулс!

Часть

третья

Написано, что мне следует быть более снисходительным к ночным кошмарам от моих решений.

— Джозеф Конрад «Сердце тьмы»

Глава

39

ЗВОНОК ТЕЛЕФОНА.

Нам не разрешали пользоваться мобильными телефонами, но кто-то забыл его выключить.

Мэй посмотрела на определитель номера, потом с надеждой на маму.

Мы не должны были «заниматься технологиями» во время еды, и Мэй это знала, но мама просто кивала, пока ела лосося, а Даниэль рассказывала ей о «сценарной работе», которую она делала на репетициях.

Мэй улыбнулась, взяла трубку и вышла из-за стола.

Я молчала. Столько всего произошло на той неделе после Хэллоуина. Попытка похищения в лесу все еще пугала меня. Ночью, когда я засыпала, мне казалось, что я подпрыгиваю вверх и вниз, крепко сжимая свое тело. Я даже начала запира́ть дверь в нашу с Дэни комнату на ночь. Дэни сегодня утром жаловалась на запертую дверь, и я пыталась сказать ей, что секта может охотиться за Мэй, но она посмотрела на меня, как на сумасшедшую, и закатила глаза.

Я не знала, что делать. Я знала, что не могу снова обречь Мэй на возвращение в секту, но я не могла ничего ни сказать о том, что произошло. Это было слишком опасно.

В воскресенье накануне, на следующий день после Хэллоуина, Мэй снова учила Дэни ездить верхом, поэтому я пошла в гараж, чтобы найти папу.

Он рылся в старом ящике с инструментами.

— Папа? Могу я поговорить с тобой кое о чем?

Он повернулся ко мне. Я увидела его опухшие глаза. Неужели он плакал?

— Конечно, Сладкая Горошинка, — согласился он, вытирая глаза. — Почему бы нам не прогуляться? Здесь немного пыльно.

Мы с папой шли по обсаженной деревьями улице к главной дороге. Несколько домов, стоящих вдоль тротуара, все еще украшали Хэллоуинские фонарики и призраки. Я была уверена, что они скоро переключатся на украшения в честь Дня Благодарения.

Я рассказала папе о том, что произошло в лесу прошлой ночью. О том, как вспыхнул пожар, о том, как меня схватил пожарный, как я вырвалась на свободу и убежала в безопасное место на поляну.

— Похитил?

— Пожарный.

— Ты уверена, что он не пытался спасти тебя?

— Он был из Тисдейла. Откуда Мэй.

— И ты уверена в этом?

Я обдумала его вопрос. Мне показалось, что на рубашке пожарного написано «Тисдейл». Тем не менее, было темно, и мы двигались быстро, так что был шанс, что мне показалось.

— Так мне показалось. Наверно, было темно.

— Но ты думаешь, что пожарный пытался тебя похитить?

Папин вопрос заставил меня переосмыслить случившееся. Это была хаотичная сцена.

— Если это правда, мы должны привлечь полицию, — оценил папа.

Внезапно мысль о разговоре с офицерами об инциденте и необходимость давать показания ужаснула меня. Кто знает, о чем еще они меня спросят. И я была пьяна, не говоря уже о том, что я была несовершеннолетней. Я не хотела вдаваться в подробности — ни с папой, ни с полицией.

— Неважно, — сказала я ему. — Это была беспокойная ночь. Наверное, мне показалось.

Он неуверенно кивнул.

— Ну, как дела с Мэй?

— Не очень, — призналась я.

Я рассказала ему о ней и Себастьяне, о Лариссе и компании, о моей ссоре с Айзеком.

— Какая жалость, — сказал он.

Отцу нравился Айзек, и я могла сказать, что его огорчил тот факт, что мы с ним не разговаривали. Меня тоже. Я несколько раз пыталась завязать с ним светскую беседу, но он, очевидно, был «чрезвычайно поглощен» спорами и не разговаривал со мной, даже для того, чтобы защитить проект по обществознанию. Я и раньше видела, как он обижался, да к тому же быстро отходил; просто он никогда не делал этого со мной.

— Посмотрим, что ты сможешь сделать, Горошинка. Айзек — хороший друг. А Мэй... — он задумался, что сказать дальше. — Просто веди себя с ней как можно лучше. Я поговорю с мамой.

Позже той ночью я услышала, как мои родители кричали друг на друга на кухне. С тех пор, за последнюю неделю, ничего не изменилось. И папа не приходил домой на ужин всю неделю.

Я посмотрела на маму, поглощающую лосося, и откусила кусочек от своего, а Мэй продолжала болтать.

— Ни за что, — хихикнула Мэй в телефон. Я точно знала, с кем она разговаривает.

Уверенность Мэй в себе, как и ее социальное положение, росли как на дрожжах, будто динозавры из пенопласта, которых мы в детстве клали в ванну и которые раздувались в геометрической прогрессии. Теперь все хотели посидеть с ней за ланчем, и вся школа считала их с Себастьяном самой милой парой на свете. Я была отстранена от общения с лучшими подругами в пользу чирлидерш, что меня вполне устраивало, потому что Мэй стала настолько эгоистичной и фальшивой, что я все равно не смогла бы с ней разговаривать.

Мэй и Себастьян встречались всю неделю после Хэллоуина. Они вместе обедали и тусовались после школы, и он даже одолжил ей книги стихов. Как мне кажется, она лишь проявила интерес, а он ухватился за эту возможность. Себастьян гордился тем, что был «старомодным» и на самом деле говорил по телефону, а не писал сообщения, и Мэй это нравилось. Что очень раздражало всех остальных. Все остальные, наверное, имеют в виду меня.

— Нет, я не видела этот фильм, — ответила она в трубку. — В субботу? Супер! — она говорила совсем как Лариса.

Мама улыбнулась Мэй и с энтузиазмом показала ей большой палец в поддержку предстоящего свидания.

Я этого не вынесу.

— Мам, — позвала я, пытаюсь привлечь ее внимание.

Она повернулась ко мне, будто забыла, как я выгляжу.

— Нам нужно поговорить о Чикаго после ужина. Ты все откладываешь.

Поездка в Чикаго была единственной вещью в моей жизни, которую я с нетерпением ждала. Она должна состояться не раньше чем через месяц, но я не могла ждать. Мне нужно было уехать из города, уехать от всего этого на несколько дней. Поездка в Чикаго была моим спасательным кругом.

По лицу мамы пробежала тень.

— Джулс, — начала мама.

Чаще всего, если разговор начинается с твоего имени, это не предвещает ничего хорошего. Как будто люди пытаются смягчить то, что должно было произойти дальше.

— Я не поеду в Чикаго, — сказала мама, будто пытаюсь успокоить кого-то.

Это не сработало.

— Что? Почему? — закричала я.

Мэй закончила разговор и смотрела на мою вспышку гнева. И Дэни тоже.

— Это сложно, милая, — попыталась отмахнуться мама.

— Так ты отпускаешь меня одну?

— Ты же знаешь, что я не могу этого сделать.

— Ты обещала свозить меня! — я практически кричала.

— Знаю, но теперь вместо меня на конференцию посылают доктора Бреннера, — мама была явно раздосадована этим фактом. — Это был не мой выбор.

— Но ты едешь туда каждый год!

Мама смяла салфетку на недоеденного лосося.

— Прости, Джулс, — только и смогла выдавить она, — я забыла тебе сказать.

— Подожди. Ты знала об этом? Как долго?

Я была в ярости. Я не могла поверить, что мама знала об отмене поездки и не сказала мне.

— Мне очень жаль. Я знаю, ты с нетерпением ждала этого.

Она встала, чтобы поставить тарелку в раковину, по пути пытаюсь обнять меня. Я проигнорировала ее и оттолкнулась от стола.

Дэни устала на меня. Я могла бы с уверенностью сказать, что она действительно чувствовала себя не очень. Я была рада, что она хоть немного переживает, но это было совсем не тем, чего действительно хотела. Хотела, чтобы мама обратила на меня внимание. Не желала, чтобы в моей спальне жила лживая фальшивая подруга из секты. Я хотела поехать в Чикаго и покончить со своей дерьмовой жизнью.

Как это случилось? Почему в больнице передумали? Или, может быть, мама не хотела быть вдали от Мэй. Это было жутко. И что, черт возьми, случилось с моей мамой? Почему она так одержима Мэй?

— Мы можем поехать в другой раз, — предложила мама, смывая остатки со своей тарелки.

— Когда? — я бросила ей вызов, поднимаясь со стула. — Ты когда-нибудь брала меня с собой?

Она повернулась ко мне, но ничего не ответила.

Я не стала ждать ответа. Почувствовала, как мое лицо запылало, и не хотела срываться перед Мэй. Я была достаточно расстроена тем, как она испортила мою жизнь; мне не нужно было чувствовать себя еще хуже, унижая себя перед всеми.

Оставив недоеденную тарелку, я в отчаянии вылетела из кухни.

* * *

Школа продолжала приносить мне одни несчастья. Мэй и Себастьян скользили по залам рука об руку, как король и королева, которые заботятся только друг о друге. И мне пришлось работать с ними обоими в «Регале», так как Себастьян дал Мэй полный рабочий день.

Я также избегала Зика. Почти не разговаривала с ним после вечеринки на Хэллоуин.

Не знала, нравлюсь я ему или нет — вероятно, нет, так как я почти не разговаривала с

ним на вечеринке, но мне было все равно: я просто проводила дни, не отрывая глаз от пола. Все было как до приезда Мэй, только теперь стало еще хуже, потому что у меня не было Айзека. Я даже перестала фотографировать, оставив портфолио для летней программы незаконченным.

На следующий день за ланчем Мэй села за стол Лариссы прежде, чем я успела сесть туда. Я тоже почти все время сидела с Лариссой и ее свитой. Хотя я практически всегда молчала, по крайней мере, создавалось ощущение, что я все же часть группы. Но сегодня сидеть мне было негде.

— О, прости, Джулс, — утешила меня Мэй, нерешительно пытаясь найти другой стул.

Последние несколько дней она старалась быть со мной особенно милой, но я не могла смотреть на ее лживое лицо.

— Забудь об этом, — быстро ответила я и выбежала из столовой.

Моя терпимость к попыткам вести себя хорошо со всем просто испарилась.

В женском туалете я посмотрела на себя в зеркало. Черные реки текли по моим щекам, слезы струились по лицу. Бесплезно было пытаться остановить их.

Моя жизнь отстой. Я была не в силах оставаться больше Ничтожеством, не в силах сдерживать свои эмоции, но я также не могла влиться в какую-то компанию. Я общалась с ними, да, но то, что произошло между мной и Мэй, создало между нами трещину, которая казалась слишком огромной, чтобы ее можно было исправить.

Но хуже всего было то, что я почувствовала ее хладнокровное спокойствие, исходившее от нее, несмотря на предательство.

Мои уши пылали при мысли о том, что я единственная замечает ее ложь. Все остальные любили ее. Никто даже не поверил бы мне, если я бы рискнула сказать о ней что-нибудь плохое. Я выглядела бы сумасшедшей.

Мэй стала общественным «Тефлоном».

Я потянулась за бумажным полотенцем и вытерла лицо. Мне просто нужно было пережить еще несколько уроков, и я могла бы спрятаться в уединении собственного дома.

О нет, подождите — Мэй тоже была там.

Может быть, это я должна была убежать.

«Держи себя в руках, Матис. Ты сможешь это сделать, подбодрила я себя. Просто переживи остаток дня».

Взяв себя в руки, я поплелась из туалета, не обращая внимания на двух девушек готического вида. Вероятно, они зашли, чтобы подкрасить губы слишком темной помадой.

Я свернула в коридор и чуть не врезалась в...

— Айзек!

Он уставился на меня, глядя в мои заплаканные глаза. Я тут же отвернулась, вытирая нос темно-синей шерстяной курткой.

Я приготовилась к разглагольствованию. Наверное, он меня ненавидел. И я не винила его. Я вела себя по отношению к нему как полная задница.

— Пошли, — сказал он, хватая меня за руку. — Тебе нужно подышать свежим воздухом.

Удивленная, я позволила вывести себя наружу, низко наклонив голову, чтобы ни с кем не встретиться взглядом.

Когда мы вышли на улицу, от прохладного воздуха стало попроще. Он подвел меня к скамейке и велел сесть.

— Держи, — сказал он, протягивая мне плитку шоколада. Предложение мира.

Я почувствовала, как из моих глаз снова потекли слезы, будто включили кран.

— Мне так жаль, Айзек. Я знаю, что вела себя как дура. Думала, что эти глупые девчонки — мои подруги, но, очевидно, я ошибалась, и пойму, если ты будешь ненавидеть меня вечно. Просто я так быстро вошла в эту новую жизнь... не хотела, но я оттолкнула своего лучшего друга... и я не знаю, как вернуть его.

Наступило долгое молчание, пока мы наблюдали за несколькими замерзшими старшеклассниками, курящими через дорогу.

— Ты виновата в том, что ранила мои чувства, — наконец решил прервать тишину Айзек. — Но я знаю, что у тебя были смягчающие обстоятельства.

— Что я могу сделать, чтобы загладить свою вину, Айзек?

— Хм, обещай, что никогда больше не будешь такой дурой?

— Договорились, — улыбнулась я.

Ветер гонял листья по тротуару.

— В ней что-то есть, Айзек. Я не знаю, что это.

Айзек кивнул.

— Да. Ты изменилась с тех пор, как она появилась.

— Она выглядит милой, но это не так. И все одержимы ею! Включая мою мать!

— Ужас! — воскликнул он. — Будто из фильма «Грядет Апокалипсис», да? — добавил он.

Я кивнула, улыбаясь сквозь всхлипывания. Я рассказала ему абсолютно все, что произошло, как и должна была с самого начала. Его глаза удивленно расширились, когда я рассказала ему о Белой розе, о побеге посреди ночи, о щенке, напавшем на мою сестру, о пожарном, который утащил меня. Он внимательно выслушал мои показания и поверил мне, что было большим облегчением.

— Она все испортила, — заключила я. — Моя семья почти не разговаривает друг с другом, а самое страшное: моя мама больше не берет меня в Чикаго.

Айзек покачал головой, соглашаясь, что действия Мэй поразительно похожи на преступления.

— Вердикт: она отстой.

— До того, как она вошла в мою жизнь, я знала, что не была крутой. Но, по крайней мере, я была счастлива.

Я вдохнула холодный воздух.

— Жаль, что я не могу разоблачить ее в стиле фильма «Все о Еве», чтобы мама увидела, какая она двуличная, и вышвырнула ее вон.

— Ты должна разоблачить ее, — согласился Айзек. — Покажи всем, какая она на самом деле.

Могу ли я действительно сделать что-то подобное? Разоблачить ее в надежде, что мама или папа отправят ее жить с другими людьми?

Я поежилась, размышляя над тем, что предложил Айзек.

Он встал.

— Тебе нужен горячий шоколад. Пойдем, я куплю тебе.

— Я тебя не заслуживаю, — улыбнулась я.

— Я знаю, — самодовольно ответил он.

Глава

40

— ЛЭ-Э-ЭЙДИС, СМОТР-Р-РИТЕ!

Мы с Дэни расхохотались, услышав папин ужасный французский акцент.

Это было поздно вечером, и папа решил дать нам урок о том, как варить кофе. Он решил, что раз я собираюсь его пить — а в последнее время я много пила, — то должна хотя бы знать, как его приготовить. Дэни с энтузиазмом вызвалась участвовать, хотя никогда даже не пробовала кофе. Но я думаю, что это было больше из-за желания провести время с папой, так как он почти не появлялся дома.

Запах настоящего утра ударил мне в нос, когда папа открыл пакет с кофейными зернами и зачерпнул две ложки в кофемолку.

— И-и-и.... Вуаля! — продолжал папа.

— Папа, это худший акцент, который я когда-либо слышала, — перебила Дэни.

— Что? — он усмехнулся. — Однажды я был в Монреале.

— И они никогда не позволят тебе вернуться, — хмыкнула я.

— Все правильно, все верно, — он продолжал свое обучение. — А теперь будет громко, — предупредил он.

Он включил кофемолку, которая с треском ожила, перемалывая бобы.

Дэни зажала уши руками.

Когда бобы были перемолоты, папа поднял пластиковый контейнер с коричневой кофейной пылью и высыпал ее в кофеварку.

— Это делается-я-я фот та-а-ак! — он сказал, снова возвращаясь к французскому акценту.

— Папа! — закричали мы с Дэни сквозь улыбки.

— Что тут такого интересного? — спросила мама, заходя на кухню после работы.

Папа ничего не сказал, явно избегая смотреть ей в глаза. В комнате воцарилась тишина.

— Папа показывает нам, как *сфарить идеальную чашку коф-фе*, — наконец объяснила Дэни.

Она попыталась сделать акцент получше, но он был еще хуже папиного.

— Весело, — решительно сказала мама, поставив кружку на стойку, не ополоснув ее. — Где Мэй?

Конечно. У мамы все было связано с Мэй.

— На улице, — ответила Дэни.

Интересно, заметила ли Дэни, что мама тоже не обращает на нас внимания? Она ничего не сказала мне об этом, и я сомневалась, что она скажет, но резкость в голосе Дэни заставила меня подозревать, что я не единственная, на кого повлияло поведение мамы.

Внимание мамы переключилось на кухонное окно над раковиной, которое выходило на задний двор. Сгущались сумерки.

Мэй сидела там, раскачиваясь взад-вперед на наших старых качелях. На ней не было пальто. В школе Мэй всегда была в приподнятом настроении, но иногда дома она уединялась в своей комнате и была немного капризна. Раньше я заботилась о ней и пыталась поднять ей настроение, но в этот момент я думала, что она может держать свои двуличные перепады настроения при себе.

Мама подошла к двери, задний двор и сняла с крючков две флисовые толстовки. Одна из них была моей, хотя я давно ее не носила.

Она открыла дверь и вышла на улицу. Порыв холодного воздуха ворвался в кухню.

Мы с Дэни и папой смотрели, как мама пересекает засыхающую лужайку, направляясь к

качелям. Мы с Дэниэль играли там, когда были детьми, но с тех пор мы никогда этого не делали.

Мэй посмотрела на мою маму, которая протянула ей мою старую куртку. Девушка улыбнулась, когда мама завернула ее в куртку, а затем села на качели рядом с ней.

Они покачивались в гаснущих сумерках.

— Что дальше? — спросила я папу, пытаюсь отвлечься от мыслей о Мэй, о повышенном интересе мамы.

Папа хлопнул в ладоши.

— Теперь мы займемся горячей водой, — сказал он, с трудом сдерживая энтузиазм.

Мы с Дэни повернулись к папе. По крайней мере, хотя бы он обращал на нас внимание.

— Джулс, ты не против подогреть чайник? — спросил Папа.

Я взяла чайник с плиты и подошла к раковине. Наполняя чайник водой из-под крана, я смотрела в окно на маму и Мэй.

Вместо матери и приемной девочки, они больше походили на сестер.

Глава 41

СЛОВЕСНОСТЬ. ВОСЕМЬ ЧАСОВ И ДВЕ МИНУТЫ УТРА. «ВЕЛИК ГЭТСБИ».

Сегодня у нас была викторина, поэтому напряжение в классе было на пределе. Мисс Рэмси скрепляла страницы вопросов на своем столе в передней части класса, в то время как я собирала свои кутикулы и слушала, как Айзек хвастался, как он собирается победить Викторину в их шуточных дебатах после школы.

— Обожаю его! — услышала я, как Мэй похвалила кого-то из своего стола в проходе рядом со мной. Она восхищалась бледно-лиловой блузкой Джесси, которую та носила под пуховиком.

— Эй, у тебя есть еще ксанакс? — услышала я голос Джесси, — Я, типа, так волнуюсь из-за этой викторины. Если я не справлюсь, моя оценка будет отстойной.

Я оглянулась и увидела, что Джесси снова пытается заполучить наркотики у Мэй. Казалось, что это стало обычным делом. Мэй, вероятно, даже не знала, что рецепт был только для нее, и она не должна была делиться им с людьми.

— Конечно, — ответила Мэй, залезая в рюкзак.

Я почувствовал укол в руку. Локоть Айзека.

— Что? — спросила я, поворачиваясь к нему.

Глаза Айзека расширились — он тоже был свидетелем этого обмена. Он наклонил голову в сторону Мисс Рэмси.

— Скажи ей, — сказал он уголком рта.

Я рассказала Айзеку, насколько фальшивая эта Мэй и как я хочу разоблачить ее — возможно, это был мой шанс.

Айзек подбадривал меня взглядом.

Обернувшись к Мэй, я увидела, что она все еще роется в сумке в поисках флакона.

— Мисс Рэмси! — позвала я.

Она оторвала взгляд от скрепок.

— Мы начнем через несколько минут. Я почти закончила, но эта штука продолжает заклинивать, — сказала она, постукивая степлером.

— Вообще-то, у меня есть вопрос, — выпалила я.

Она выжидающе посмотрела на меня.

— Это... об отрывке из книги, — сказала, приподнимая книгу в мягкой обложке со своего стола.

Не в силах удержаться, чтобы не помочь кому-нибудь, Мисс Рэмси вздохнула и шагнула вперед в своих меховых снегоступах, которые наконец-то были подобраны по погоде.

Когда учительница подошла, Мэй как раз доставала из рюкзака флакон с оранжевыми таблетками.

Мисс Рэмси подошла к моему столу. Я слышала, как открывается пузырек и высыпаются таблетки. Мне нужно было заставить Мисс Рэмси посмотреть на Мэй.

— Хм-м... — я пролистала страницу, а затем развернула книгу так, чтобы ей пришлось повернуться в сторону Мэй, чтобы увидеть ее.

— Как и Ник Каррауэй...

— Прошу прощения! — сказала Мисс Рэмси.

Я проследила за ее взглядом до Мэй, которая протягивала таблетки из своего пузырька Джесси и Кристине. Джесси держала в руке двадцатидолларовую купюру.

Мэй поймали с поличным.

Мисс Рэмси уставилась на Мэй, которая понятия не имела, что сделала что-то не так.

— В кабинет директора. Живо.

* * *

Я не могла поверить, что меня тоже вызвали в кабинет школьного психолога. Зачем мистеру Тауэрсу понадобилось со мной разговаривать? Мэй была той, кто продавал наркотики.

Хотя это была моя вина, что она попалась, Мэй нужно было разоблачить: она же лживая, лживая лицемерка. Может быть, тогда мама придет в себя и отправит Мэй из нашего дома.

Сидя в желто-блеватном приемном покое, я думала о том, что Мэй уйдет, и чувствовала себя Дороти из «Волшебника Страны Оз», шагающей в «Техниколор».

Мэй вышла из кабинета Мистера Тауэрса. Ее черные брови нахмурились, когда она посмотрела на меня холодными зелеными глазами.

Я не могла перестать беспокоиться.

Ждала, что она что-нибудь скажет, но она промолчала, прошла мимо меня и вышла из приемной.

— Джулия?

Мистер Лэнс Тауэрс, школьный психолог, стоял в дверях своего кабинета. Он был высокий, худой и одет так, словно похудел, но так и не купил себе новую одежду.

— Спасибо, что пришли, — начал Мистер Тауэрс, когда мы устроились в его кабинете.

Моя винтажная шелковая юбка-карандаш скользила по искусственной коже его дивана.

Он взглянул на какие-то записи.

— Значит, в последнее время в твоей жизни произошли некоторые перемены. Это правда?

— Гм, да. Ну, одно изменение...

— Мэй, — сказал он.

— Да.

— Ну и ну.

Он с минуту смотрел на меня, потом сделал несколько пометок карандашом.

— Расскажи мне об этом поподробнее.

И я это сделала. Я рассказала ему, как Мэй вошла в мой дом, забрала мальчика, который мне нравился, украла все внимание моей матери. Было так приятно поговорить с кем-то обо всем этом. Кто-то еще должен был знать, как сильно Мэй портит мне жизнь.

Он внимательно слушал все это, тщательно записывая.

Но я не понимала, почему все это касается меня.

— Но она продает наркотики, — напонила я ему. — Я уже видела, как она это делает.

Мистер Тауэрс глубоко вздохнул и почесал розовую щеку резинкой на конце карандаша.

— Джулия, твои учителя заметили, что в последнее время ты... впала в уныние. Что ты не уделяешь школе все свое внимание, и твои оценки падают. Теперь, я знаю, что есть вещи, которые изменились в вашей домашней жизни...

— Ну да, — защищалась я. — Я только что рассказала вам, как Мэй все испортила.

— Понимаю, — задумчиво произнес он. — Вот почему я хочу, чтобы ты приходила к нам на консультацию раз в неделю.

— Что?! Почему я должна быть наказана за то, что сделала Мэй?

Я почувствовала, как мое лицо вспыхнуло.

— Это не наказание, — пояснил он. — Это для твоего же блага.

— Ее вообще накажут? — спросила я.

— Это обсуждается на административном уровне. Но она ничего не знала о нашей политике.

Гнев поднялся из глубины моего живота. Я не могла остановить себя от того, что начала закипать.

— Это несправедливо! Ей все сходит с рук! Она ворвалась в мою жизнь, разрушила мою семью, даже украла парня, который мне нравится!

— Я понимаю, Джулия, — спокойно ответил мистер Тауэрс.

Я терпеть не могла, когда люди вели себя спокойно и размеренно после того, как случалось что-то эмоциональное. Как будто они отрицали то, что только что произошло.

— Я считаю, что твои действия...

— Мои действия?!

— ...это призыв к вниманию. Теперь у нас будет возможность обсудить то, что происходит в твоей жизни, чтобы ты не копила в себе эмоции. Как насчет четверга в тринадцать. Это помешает твоим занятиям по волейболу?

Мой план полностью провалился.

* * *

Мы со Стейси поехали домой после волейбольного матча. Я даже не хотела играть, но если бы я пропустила игру, мне пришлось бы ехать домой с мамой и Мэй, и это было то, чего я явно хотела избежать. Мне просто повезло, что тренер действительно ввел меня в игру. Тем не менее, я была так зла, что я пригвоздила мяч прямо над сеткой и забила очко.

Когда я вошла домой, мое сердце просто разбилось. Мэй с мамой сидели на диване в гостиной и пили чай.

Я направилась в свою комнату.

— Джулс! — позвала мама, торопясь к лестнице.

Мэй заставила себя исчезнуть и проскользнула на кухню.

Я успела сделать первые несколько шагов, когда мама положила свою руку поверх моей на перила.

— Почему бы нам не сесть и не поговорить?

— А тебе-то что? — ответила я. — Тебе наплевать на все, что я делаю.

— Это неправда, — начала она.

— Тебе правда плевать! Ты опять пропустила сегодня волейбольный матч!

— Прости меня, дорогая. Мэй нужно было пройти обследование в больнице.

— Ну, конечно, — нахмурилась я.

Я заметила, что на ней был кулон с половинкой сердца, который она мне подарила, а моя половина все еще была у Мэй.

Мама глубоко вздохнула.

— Мы можем присесть и поговорить?

— Нет, — с вызовом бросила я, хотя сидеть рядом с мамой было именно тем, чего я хотела. Я просто не могла признаться в этом в тот момент. — Говори все, что хочешь мне сказать.

Она кивнула, затем положила свою другую руку поверх моей. Я собралась с духом.

— Джулс, я знаю, что ты расстроена из-за отмены нашей поездки в Чикаго. Я это прекрасно понимаю и сожалею. Постараюсь загладить свою вину. Обещаю. Может быть, мы сможем поехать в следующем году.

Я была рада, что она сделала над собой усилие, но она упустила главное.

— Дело не в поездке, мам. Это она! Она все портит!

Мне было все равно, слышит ли меня Мэй в соседней комнате.

— А теперь из-за нее я должна ходить на встречи со школьным психологом!

— Ну, я не думаю, что это плохо...

— Ты ничего не понимаешь! — закричала я.

Она ничего не замечала! Она была так влюблена в Мэй, что даже не представляла, как та себя ведет. Мне было невыносимо разговаривать с ней.

Я вырвала свою руку и побежала вверх по лестнице.

Поднявшись в комнату Даниэль, я захлопнула за собой дверь. Даниэль репетировала балладу.

— Убирайся отсюда! — крикнула я.

Слишком удивленная, чтобы возражать, Дэни повиновалась.

Глава

42

— **СЮЗАННА?**

Услышав свое имя, Сюзанна открыла глаза. Было еще темно, и она мысленно искала причину, по которой ее разбудили посреди ночи.

Под ковром у двери скрипнула половица. Сюзанна оглянулась и увидела тень.

Мэй стояла в дверях, одетая в белую ночную рубашку, купленную для нее Сюзанной. Ее длинные темные локоны спадали на плечи, а лицо было бледным. Она была похожа на привидение.

— Ты в порядке? — спросила Сюзанна, опасаясь, что ночное вторжение может означать что-то плохое.

Мэй покачала головой.

— Извините, — тихо извинилась она, — я не хотела вас будить.

— Все в порядке, — успокоила ее Сюзанна, заставляя себя сесть.

— Я просто не могла заснуть.

Сюзанна подвинулась, чтобы освободить место на кровати. Мэй подошла и села рядом с

Сюзанной.

— Мне приснился кошмар, — призналась Мэй.

— Опять?

Мэй кивнула. Она поковыряла волокно на покрывале.

— Я просто... чувствую себя плохо, — призналась она.

— Почему?

Сюзанна поджала ноги, обхватив колени руками, отчего выглядела почти девочкой.

— Джулс, — растерянно ответила Мэй. — Я знаю, что она злится на меня.

— О, милая, — попыталась успокоить ее Сюзанна. — Она приспосабливается к новой ситуации. Это нормально сталкиваться с преградами.

— Я не хотел причинять ей неприятности. Или тебе, или твоей семье. Я так благодарна вам за все, что вы для меня сделали.

Сюзанна покачала головой.

— Нет, Мэй, мне жаль, что Джулс ведет себя так по отношению к тебе. Ты привлекаешь к себе много внимания, и она ревнует. Это естественная динамика между братьями и сестрами. Хотя это не совсем то, кто ты есть, — поправила Сюзанна. — Но... ты становишься частью нашей семьи.

Мэй посмотрела на Сюзанну и улыбнулась. Она была счастлива, что ее приняли в семью, которая была добра к ней и не хотела причинить ей боль.

— Я действительно горжусь тем, как хорошо ты справляешься, — похвалила ее Сюзанна.

Мэй удивилась.

— Правда?

— Ты вливаешься в общество, заводишь друзей в школе. У тебя даже есть парень. Я впечатлена. Не так просто делать то, что ты делаешь.

— Бьюсь об заклад, вам все давалось легко.

— На самом деле, — начала Сюзанна, — это не так.

Мэй выжидающе посмотрела на нее.

— Когда я поступила в среднюю школу Ремингема, — медленно продолжала она, — я перешла туда на первый курс.

— Тогда вы и познакомились с Питером.

— Да. Но раньше я жила в нескольких штатах отсюда. Моя семья — мама, брат и я — переехали. Так что я начала учиться в старшей школе заново, в середине года. Я никого не знала. Питер стал моим первым другом.

Сюзанна бросила взгляд на пустую тумбочку, которая стояла со стороны Питера у кровати.

— Почему вы переехали? — спросила Мэй.

Женщина повернулась и посмотрела на Мэй сквозь темноту.

— Потому что, как и ты... я подверглась насилию.

Глава 43

Я была близка к разгрому прямо посреди моей презентации по обществознанию. Я не могла вспомнить одну вещь, которая имела отношение к холодной войне СССР, которая была темой презентации. Мой мозг был где-то в Сибири.

Слава Богу, Айзек делал ее со мной, чтобы разделить работу, но я знала, что моя индивидуальная оценка будет дерьмовой. В последнее время я была так рассеяна, что почти

ни к чему не готовилась.

Затем мистер Тауэрс, школьный консультант, постучал в дверь класса.

— Извините, что прерываю. Могу я попросить Джульетту Матис? — торжественно прозвучал его голос.

Я удивленно повернулась к мистери Тауэрсу.

— Меня?

Учитель обществознания, от которого почему-то всегда пахло солеными огурцами, одобрительно кивнул мне, чтобы я вышла из класса. Мы вышли в коридор и направились в другой кабинет.

— Пойдем за твоей сестрой, — сказал он мне.

Что происходит?

Когда мы добрались до кабинета, где занималась Хелен, Мистер Тауэрс забрал ее с французского.

— Произошел несчастный случай, — сообщил он нам.

— Что случилось? — спросила Хелен, прежде чем я успела ответить.

— Твоя мама.

* * *

Папа отпросился с работы, забрал меня и Хелен из школы вместе с Даниэль и отвез нас в больницу.

Мэй тоже пришла. Мистер Тауэрс вернулся в класс обществознания и рассказал ей, после того как нам.

Мама была в реанимации.

— Она попала в автомобильную аварию, — объяснил папа. — У нее отказали тормоза, и она врезалась в дерево.

Даниэль плакала всю дорогу до больницы, хотя папа сказал ей, что с мамой все будет хорошо.

Мой желудок сжался, когда я села на заднее сиденье рядом с Даниэль, заставив ее сесть между мной и Мэй. В последнее время я так злилась на маму, но меньше всего мне хотелось, чтобы с ней что-то произошло. Я надеялась, что она не слишком сильно пострадала.

Добравшись до больницы, мы все бросились к ней в палату.

Мама лежала на кровати с бледным лицом. На лбу у нее была повязка, а на ноге — гипс. В руке стояла капельница.

Хелен, Дэни и я вошли, папа и Мэй последовали за ними. Увидев нас, мама расплылась в улыбке.

— Мама, ты в порядке? — увидев нашу маму в таком состоянии, Дэни снова превратилась в маленькую девочку.

Мама потянулась к моей плачущей сестре и обняла ее своей свободной рукой.

— Да, милая, все будет хорошо, — заверила она Дэни.

Ее слова были немного замедленными, скорее всего от болеутоляющего.

Мама посмотрела на папу, и тот натянуто улыбнулся. Он все еще жил в гараже, так что я знала, что они, должно быть, соблюдают приличия ради нас, но я с уверенностью могла сказать, что он был искренне расстроен из-за несчастного случая с мамой.

— Что случилось?

Мне нужно было это знать.

— Да, мам, как это случилось? — вмешалась Хелен.

Стекланные глаза мамы моргнули.

— Я ехала домой с работы и, когда выехала на шоссе, почувствовала, что машина продолжает ускоряться слишком быстро. Я не могла заставить ее замедлиться. Поняла, что тормоза работают неправильно. Поэтому я попыталась съехать на обочину, свернула, стараясь объехать другие машины. Я съехала с дороги и врезалась в дерево.

— Тебя могли убить! — поняла я, собрав воедино кусочки настолько опасной ситуации. Мама отмахнулась.

— Это всего лишь моя лодыжка, — объяснила она. — Она сломана, но в остальном я в полном порядке, — пробормотала она.

— А как же твоя голова? — Дэни посмотрела на повязку.

— Это просто из-за того, что я ударилась.

Дэни скептически посмотрела на маму.

— Серьезно, со мной все будет в порядке. Я буду ходить на костылях в течение нескольких недель, а затем небольшая физическая терапия, я буду как новенькая!

Она широко улыбнулась нам всем.

— Я могу готовить, чтобы вам не пришлось этого делать, — предложила Мэй.

Я совсем забыла, что она здесь.

— Спасибо, Мэй, — проворковала мама. — Это так мило с твоей стороны.

— Да, мы все поможем, мама, ни о чем не беспокойся, — заверила ее Хелен.

Доктору нужно было сделать несколько анализов, поэтому мы прошли в приемную.

Хелен писала эсэмэски, Дэни и Мэй тоже разговаривали по своим телефонам. Я уверена, что Мэй переписывалась с Лариссой и остальными. Я подошла к отцу и присела рядом с ним. Мои мысли метались из стороны в сторону.

— Как именно у нее отказали тормоза? — спросила я его.

Папа на мгновение задумался.

— Не знаю, — медленно ответил он.

Я увидела, что он был этим очень встревожен.

Затем он добавил:

— Я уверен, что следователи страховой компании займутся этим.

До меня дошла странная мысль: тормоза мамы таинственным образом вышли из строя, из-за чего она попала в опасную автомобильную аварию. Прошло всего несколько недель с тех пор, как мы были здесь же из-за нападения щенка на Дэни. И теперь моя мама была ранена. Не говоря уже о том, что меня чуть не похитили. Мэй сказала, что секта придет за ней, чтобы попытаться вернуть ее. Была ли она причиной всех плохих вещей, которые происходили с моей семьей?

Именно там, в приемной больницы, глядя на Мэй, я придумала свой окончательный план.

Глава 44

Потребовалось несколько дней, чтобы правильно рассчитать время. Мне нужен был день, когда никого не будет дома некоторое время, поэтому мне пришлось ждать, пока мама вернется на работу на следующей неделе. Она все еще ходила на костылях и не могла водить машину из-за гипса, поэтому ее подвозил коллега, живший неподалеку. Я знала, что Мэй была с Себастьяном, освещая встречу модели ООН для газеты, Дэни была на репетиции, а у Хелен была игра сегодня вечером и тренировка. Папа был на работе.

Это было также полнолуние, которое, как я знала, имело некоторое значение для Мэй.

Сегодня была та самая ночь.

Войдя в наш дом, я на всякий случай крикнула, чтобы узнать, нет ли кого дома.

Тишина.

Я проскользнула в комнату Мэй.

Прямо перед этим Айзек угнал микроавтобус своей тети, а я пропустила тренировку по волейболу, и он отвез меня в город. Мы остановились у магазина на главной улице. То, что я купила, стоило намного больше, чем я ожидала, но мне было все равно.

Возвращение моей жизни стоило того.

Теперь, передвигаясь по своей спальне, я осматривала свои вещи. Я жила без своих вещей уже два месяца, и мне не терпелось снова обрести свое пространство. Вернуться к нормальной жизни. С тем, что я собиралась сделать, это должно было случиться раз и навсегда.

Закончив свою работу, я отступила назад и посмотрела на то, что сделала. Оглядев комнату, я улыбнулась при виде этого: десятки белых роз.

Я разложила их по всей комнате. На кровати, на столе, на полу, на прикроватных тумбочках. В комнате было так много цветов, что пахло садом.

Сад, который заставит Мэй вернуться в культ, а мне вернет мою жизнь.

* * *

— А-а-а-а-а.

Раздался крик мамы со второго этажа. Я сидела в гостиной и спокойно делала домашнее задание. Закончила редактировать свой список вопросов для «Людей, которых ты не знаешь» на этой неделе и отправила его Себастьяну на утверждение. Я предположила, что он отвез Мэй домой сразу после того, как они вместе работали над моделью ООН.

Я приняла меры предосторожности, чтобы выйти из дома после того, как оставлю цветы, чтобы никто не заподозрил, что я была здесь, или что я имею какое-то отношение к происходящему.

После того, как я тайно украсила комнату Мэй цветами, мы с Айзеком пошли за замороженным йогуртом. Гуляя со своим старым другом и зная, что скоро все вернется в нормальное русло, я наконец-то снова почувствовала себя самой собой.

Я вернулась домой около восьми и быстро прошлась по дому. Все шло по плану. Рюкзак Мэй лежал на кухне, но в доме ее нигде не было.

Но прежде чем закрыть дверь в свою комнату, я успела что-то заметить на кровати. Кулон с половинкой сердца, который я одолжила Мэй, теперь лежал на моем покрывале — прощальный подарок Мэй, как я предположила. Мне было почти стыдно за то, что я сделала, но я остановила себя. Это должно было случиться.

Мамин крик, доносившийся сейчас со второго этажа, был именно тем, чего я добивалась.

— Ты в порядке? — крикнула я.

— Мэй? Это ты? — позвала мама, спрыгивая с лестницы на здоровой ноге.

Она плохо управлялась с костылями, в основном просто держала их и прыгала на здоровой ноге. Отца не было дома: он повез Дэни на хоккейный матч Хелен, который проходил в соседнем городке.

— Что случилось? — спросила я, глядя на маму снизу вверх — с поразительно легким безразличием, как мне показалось.

— О, — сказала она, разочарованная тем, что это была я, — ты не видела Мэй?

Ее голос был пронизан отчаянием.

Я невинно покачала головой.

— Нет. Она тусовалась с Себастьяном после школы, а потом он высадил ее здесь. А что, ее здесь нет?

— Здесь ее рюкзак, значит, она вернулась домой. Но там... — голос мамы затих, когда она посмотрела в сторону комнаты Мэй. Ее лицо было мрачным.

— Может, она встречалась с Дэни или с папой. Я бы не беспокоилась об этом, — добавила я.

Я хотела дать Мэй достаточно времени, чтобы уйти. Далеко. Я даже подумала оставить ей номер такси и пригоршню двадцаток, надеясь, что она решит, что это тоже оставила секта.

— Папа повез Дэни на хоккейный матч Хелен в Парквилл, — сообщила мне мама.

— Я уверена, что она скоро вернется, — заверила я ее.

Мама, возможно, была ранена, но это не останавливало ее от попыток ходить.

— Это нехорошо. И они знали, что это плохое время года для нее.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила я, начиная чувствовать, что что-то идет не так.

— Сейчас полнолуние — их Урожайная Луна.

Мама доковыляла до окна и посмотрела сквозь деревья.

— Это ее погубит, — забеспокоилась мама.

— Урожайная Луна вредна для Мэй?

— Это время, когда умерла ее сестра! В прошлом году в полнолуние, — чуть не закричала мама.

Я замерла. Моя мама не кричала на меня целую вечность. Это заставило меня чувствовать себя еще хуже, чем когда она игнорировала меня последнюю пару месяцев.

Мама, должно быть, заметила испуг на моем лице, потому что голос ее смягчился.

— Она была очень близка с Амелией, и чтобы что-то подобное случилось в один и тот же день... годовщины всегда сложное время.

Я понятия не имела, что это была годовщина смерти ее сестры. Почувствовала себя плохо, но я должна была выполнить план. Мэй не стоило больше находиться с нами, и это был лучший способ, который я могла придумать, чтобы это случилось.

Моя семья разваливалась, и я собиралась все исправить.

— Мама, я уверена, что все будет хорошо. Может быть, она скучает по своей семье и просто хочет домой, — заверила я свою встревоженную мать.

Это было именно то, чего я хотела. Белые розы побудили Мэй вернуться в секту. Я не могла поверить, что это происходит. Только теперь, когда это было все же происходило, облегчения я не испытала.

Мама отложила костыли.

— Я собираюсь вернуть ее.

— Ты серьезно? — я вытаращила глаза на маму.

Помимо того, что она ходила на костылях, при условии того, что секта действительно представляла из себя опасность, зачем ей было приближаться к этим людям?

— Я собираюсь забрать Мэй.

Решимость поселилась в маме, как чума.

— Мама, ты не можешь поехать в Тисдейл, — попыталась я урезонить ее. — Это же

секта!

Мама достала мобильник и набрала номер.

— К тому же ты ходишь на костылях! — добавила я, пытаюсь использовать логику, которой явно не существовало для мамы в тот момент.

— Питер, это я, — начала она в трубку. — Мэй ушла. Я собираюсь найти ее. Позвони мне, когда получишь это сообщение.

То, что папа был на игре Хелен, сидя на громких трибунах, означало, что он, вероятно, не услышал бы телефон — если бы он даже был включен. И он хуже всех умел слушать сообщения. Кроме того, до Перквилла было не меньше часа езды, так что, даже если он и доберется до него, пройдет немало времени, прежде чем он вернется в Ремингем или доберется до Тисдейла.

— Она не может вернуться к своим обидчикам! — заявила мама. — Я не позволю этому случиться, Джулс.

Она схватила свое пальто.

— Мам, ты даже водить не умеешь. Как ты собираешься добраться до Тисдейла?

Мама посмотрела на меня. До меня вдруг дошло, о чем она думает.

— Ты хочешь, чтобы я повела машину? — отказалась я. *Это было безумием.*

— Здесь даже машины нет, — добавила я. — У тебя еще нет новой, а папы нет дома.

— Мы можем взять такси, — выпалила она.

— Разве это не в часе езды отсюда?

Мама снова посмотрела на меня.

Меньше всего мне хотелось, чтобы мама поехала в Тисдейл за Мэй. Но везти ее туда на костылях было еще хуже.

— Стейси! — выпалила мама, — Иди и спроси, можно ли одолжить ее машину.

— Мама! Ты же знаешь, что она не умеет хранить секреты. Ты хочешь, чтобы все знали, что ты едешь на костылях, чтобы спасти Мэй из секты?

— А как же Айзек? Ты можешь ему позвонить?

— Ты хочешь, чтобы его тетя приехала сюда на своей машине и одолжила ее нам?

— У тебя есть идея получше? — спросила она.

— Да, как насчет того, чтобы не гоняться за девушкой из сатанинского культа. Из-за нее нас убьют!

Мама посмотрела на меня и покачала головой.

— Я сделаю это сама.

— Мама, ты даже ходить не можешь!

Но отговорить ее было невозможно. Мама стала женщиной, которая обязана выполнить миссию. Она подскочила к вешалке и схватила куртку, игнорируя мою логику.

— Почему бы тебе просто не остаться здесь? Папа скоро приедет, и тогда вы, ребята, сможете позвонить в полицию. Они об этом позаботятся.

— Детектив Нельсон!

Мама достала телефон и снова набрала номер, застегивая молнию на куртке.

— Мама, ты ведешь себя, как сумасшедшая. Почему бы тебе просто не присесть на минутку...

Она проигнорировала меня, говоря в трубку:

— Это доктор Матис, пожалуйста, позвоните мне. Мэй уехала в Тисдейл, и я собираюсь вернуть ее.

Она сунула телефон в карман, убедившись, что звук включен, и повернулась ко мне. Решимость застыла на ее лице.

— Мам, почему ты так одержима Мэй? Ты должна сказать мне, что это значит...

— Я подвергалась издевательствам, Джулс!

Это откровение выбило воздух из моих легких.

Я уставилась на маму.

— Мне очень жаль... говорить тебе это в таком тоне.

Мама опустила на подлокотник дивана.

— Мой отец... не был хорошим человеком. Он... бил меня. И избивал мою мать и брата.

— Дядю Альберта?

— Да, — сказала мама о своем брате, который, кажется, жил в Портленде, штат Орегон.

— Мой отец пил много алкоголя. Он напивался и бил нас. Это было очень больно, во многих отношениях... — она замолчала на мгновение, затем перевела дыхание. — Он делал это с тех пор, как я была маленькой, так что часть меня просто думала, что это нормально. Но чем старше я становилась, тем хуже все было. Побои становились все сильнее и чаще. Мое тело всегда было покрыто синяками.

— Однажды, — продолжала она, — все стало совсем плохо. Мой отец избил меня так сильно, что я не могла ходить, и мне пришлось остаться дома и не пойти в школу. Я умоляла маму, забрать нас оттуда! Мы больше не могли так жить. Моя мать боялась оставить его — что он убьет нас, если узнает, но я знала, что то, через что он заставил нас пройти, уже убивает нас. Итак, моя мать в конце концов сдалась. Однажды ночью, после того как мой отец потерял сознание, она украла его ключи и забрала нас с братом, и мы уехали посреди ночи. Мы отъехали от него далеко и ни разу не оглянулись. Какое-то время мы жили в дешевых мотелях, а потом наконец поселились в Ремингеме.

— Он когда-нибудь приходил за тобой? — спросила я, ошарашенная всем этим.

— Да. Однажды. После рождения Хелен я начала работать в больнице. Он нашел меня там. Я была ординатором и работала с пациентом. Он начал нападать на меня прямо там, в больнице, говоря, что это все моя вина. Что я разрушила нашу семью. Охрана пришла и пригрозила сдать его полиции, если он еще хоть раз сюда заявится, — она сделала паузу, после этого я его больше не видела.

Наступила тишина. Буря эмоций поглощала меня.

— Мне жаль говорить тебе все это, Джулс. Я просто... мне тяжело видеть, как кто-то так страдает, понимаешь?

Я посмотрела на маму, и в моих глазах читалось сожаление. Понимающе кивнула.

— Я позвоню Айзеку, — наконец выдавила я из себя.

Глава

45

Я СОСРЕДОТОЧИЛАСЬ НА ДОРОГЕ не часто ездила — это заставляло меня нервничать, думая о перемещении тысяч фунтов металла по асфальту на высоких скоростях. К тому же, все, что говорила мне мама, крутилось у меня в голове. Мне было так жаль ее, что она так страдала. Я тоже чувствовала необходимость защищать ее, как будто не хотела, чтобы с ней снова случилось что-то плохое. Мне было так жаль, что ей пришлось пройти через все это. И я также восхищалась ею за то, что она прошла через такие трудности и вышла оттуда.

Теперь я все понимала — моя мать хотела спасти Мэй так же, как хотела бы, чтобы кто-

нибудь спас ее.

— Его нет в навигаторе, — сообщила мне мама. — Я скажу тебе, где остановиться.

— Супер, — кивнула я.

Микроавтобус тети Айзека был намного старше наших машин. Она не возразила против того, чтобы прийти и одолжить его нам. Она проходила онлайн-курс, чтобы получить степень бухгалтера, поэтому она сказала, что может учиться у нас дома, без проблем.

Оставшуюся часть пути мы ехали, прислушиваясь к шуму шин по асфальту. После того как мы проехали около часа по кукурузным полям, мама сказала: «Уже близко!».

Она не сводила с меня глаз, пока мы проезжали мимо нескольких поворотов в другие города.

— Вот он, — она наконец заметила его справа. — Поверни здесь.

Я посмотрела в сторону дороги, куда она указывала. Сначала я не поняла, что она имела в виду. Все, что я могла увидеть, это было узкое пространство между толстыми деревьями.

— Это просто грязь.

— Это нужный поворот, — сказала она.

Я быстро свернула вправо, чтобы попытаться вписаться в поворот. Шины глухо стучали, ударяясь о колдобины, предупреждавшие о том, что мы находимся на краю дороги. Машину занесло, и она ударилась о землю.

Уставилась на маму, переводя дыхание, будто после гонок Формулы-1, которые я только что провернула.

— Как ты узнала, что он именно тут? — удивилась я.

Бывала ли она здесь раньше? Или Мэй рассказала ей?

Не отвечая, она продолжала смотреть прямо перед собой.

— Езжай по тропинке. И остерегайся оленей, — предупредила она.

Пока я вела машину по ухабистой, удаленной дороге, адреналин приливал к моим ладоням, которые крепко сжимали руль. Мы ехали по дороге, которая вела к опушке леса на поляну.

Дальше лежал маленький, изолированный фермерский городок. Ряды деревенских домов, с несколькими амбарами и силосом, сгрудившимися на окраине. За городом простирались сельскохозяйственные угодья. Я уловила запах навоза.

Мы с мамой были в Тисдейле.

— Выключи свет, — посоветовала мама.

— Как же я смогу видеть дорогу?

— Выключи его, Джулия.

Мама никогда не называла меня Джулией. Я могла предположить, что она была напугана. Мы приехали в секту, которая совершала всякие насильственные преступления, не имея абсолютно никакого запасного плана. И все это ради спасения девочки, которая разрушила мою жизнь.

— Остановись здесь, — мама указала на самый большой сарай.

Я поставила машину на грязный участок рядом с деревянным строением, у которого сбоку облупилась красная краска.

Оставив двигатель включенным, я огляделась по сторонам. Место было пустынным, и здесь мы были одни в темной ночи.

— Мам, может, нам лучше пойти домой?

— Я не могу позволить ей вернуться, Джулис.

В лунном свете я видела, что мамины глаза были широко раскрыты от страха. Спасение Мэй было чем-то, что должна была сделать моя мать.

И я должна был помочь ей.

— Ладно, — кивнула я, выключая зажигание. — Какой у нас план?

Мама выглянула в лобовое стекло. Над нами сияла гигантская луна.

— Они все будут в церкви, потому что полнолуние. Я пойду и найду ее, — решила она.

— Мама, — запротестовала я. — Я ни за что не позволю тебе скакать по городу на костылях.

Я сделала глубокий вдох. Вынудила Мэй вернуться сюда. Это был мой бардак — я должна была быть той, кто уберет его.

— Я позову ее, — заявила я.

— Нет! Джулс. Я не могу позволить тебе сделать это...

— Я смогу двигаться быстрее сама. Просто позволь мне найти ее, и я приведу Мэй обратно. Тогда мы сможем уехать из этого жуткого города.

Мама была недовольна этим, но у нее не было особого выбора. Она посмотрела на меня:

— Мне очень жаль, что я втянула тебя в это, Джулс. Мне не следовало этого делать. Я просто...

— Теперь это не имеет значения, — перебила я ее. Нам нужно забрать Мэй и убраться отсюда, — А где же церковь?

— Точно не знаю, но в городе всего несколько улиц. Это, наверное, самое большое здание.

— Я найду ее, — подтвердила я, надеясь, что действительно смогу. — Она будет в каком-то трансэ или что-то в этом роде?

Лицо мамы было серьезным, когда она выпалила:

— Возможно. Но вот что ты должна ей сказать: «Амелия — не твоя вина».

— Не ее вина? Она думает, что имеет какое-то отношение к смерти сестры?

Мама не хотела вдаваться в подробности:

— У нас нет времени, Джулс, ты должна поторопиться.

Она была права:

— Я позвоню тебе, если не найду ее.

— Они блокируют сеть, — сообщила мне мама.

Я вспомнила, что Мэй говорила мне, что в городе нет технологий. Я не понимала тогда, что это означает отсутствие покрытия сотовой связи или беспроводного сигнала. Это было варварство.

Оставив ключи в машине, я открыла дверцу и вылезла наружу.

— Будь осторожна, Джулс! — шепотом предупредила мама.

Я кивнула и захлопнула дверцу машины, решив отправиться в город самостоятельно. Лунный свет был ярким, освещая мой путь у сарая и силоса.

Впереди виднелись ряды маленьких домиков — на вид их было четыре или пять улиц. Темные дома были сделаны из дерева и выглядели так, как будто их построили давным-давно. Несмотря на то, что это место было в основном с грязными дорогами и старыми зданиями, город был чистым, организованным, причудливо — пугающе идеальным. Как Степфорд встречал «Маленький домик в прерии». Похоже, это действительно было хорошее место — за вычетом того небольшого факта, что это была секта.

Прогуливаясь по пустынным улицам, я заметила, что на них нет никаких дорожных

знаков. Я думаю, если бы ты принадлежал этому месту, ты бы знал, куда идешь. Это было явно не место для людей, которым там не место. Не для людей вроде меня.

В нескольких кварталах над крышами я увидела колокол церкви. Это выглядело нормально, за исключением того, что наверху я заметила, что крест был...

Перевернутым.

Дрожь пробежала вниз по моему позвоночнику. Мне нужно было быстро с этим покончить.

Я пробиралась по грязным дорогам, понимая еще одну жуткую вещь: никого не было. Я увидела только несколько тракторов и грузовиков доставки, но за сараем не было никаких автомобилей. Никто не мог попасть в это место.

Или выбраться.

Я шла по пустым дорогам к церкви, полагая, что все в городе — вероятно, их пара сотен человек или около того — должны быть там.

Подойдя ближе к зданию, я услышала пение. Оно звучало как гимн или что-то в этом роде. Я завернула за угол и увидела большое белое строение. Церковь была самым большим зданием в городе, высотой в несколько этажей. Перед домом стояло несколько белых пассажирских фургонов.

Ступив на скрипучее крыльцо церкви, я направилась к двойным дверям. Гимн продолжался: простая мелодия, которую пели мужчины на нижней октаве, а женщины на верхней.

Толстые деревянные двери были тяжелыми. Я потянула за ручку одной из них и тихонько приоткрыла ее. Изнутри лился теплый свет. Я заглянула внутрь и увидела ряды скамей, заполненных людьми. Я не хотела, чтобы меня кто-нибудь увидел, поэтому откинулась назад и закрыла дверь.

Я обогнула угол здания, чтобы посмотреть, есть ли другой вход. Там была боковая дверь, которая вела внутрь, в занавешенную часть часовни. Я не заметила, чтобы кто-то наблюдал бы за мной, поэтому проскользнула внутрь.

Занавески на самом деле были драпировкой, которая свисала до самых стропил. Я спряталась за ними. Красный бархат пахнул плесенью и странно успокаивал, напоминая мне старинные вещи моей бабушки на чердаке.

Пока продолжался гимн, я осторожно заглянула за угол занавеса в церковь.

Большое пространство было освещено свечами и рядами деревянных скамей. Мужчины сидели по правую сторону прохода, женщины — по левую.

Мужчины были одеты в темную одежду, в основном, черную. Тяжелые пальто, шляпы на сиденьях рядом с ними. На женщинах были плотные платья, в основном коричневого цвета, с несколькими серыми и черными вперемешку. Некоторые из них были в шляпках. Они выглядели так, как будто были из восемнадцатого века или что-то вроде того, как Амиши. Я видела, что у некоторых людей, сидевших ближе ко мне, на шеях висели кресты.

Прищурившись, я почти разглядела, что кресты перевернуты вверх ногами.

Наблюдатель во мне хотел вытащить мой телефон и сфотографировать, но я не осмелилась.

В передней части зала на возвышении перед собравшимися стояли несколько пожилых мужчин. На них были длинные черные одежды и черные капюшоны.

Это, должно быть, те самые старейшины, о которых мне говорила Мэй.

За ними виднелся большой перевернутый крест.

Гимн начал нарастать, и люди, поющие его, вложили в него всю свою мощь. Я не могла разобрать слова песни. Это не было похоже ни на один из гимнов, которые я слышала раньше. Это звучало так, будто они говорили «Аве Мария». Потом я поняла, что они говорили не о Марии.

А о Сатане.

Мелодия начала замедляться, когда песня подошла к концу. Когда последние звуки эхом донеслись до стропил, прихожане заняли свои места.

Пока они устраивались, я осматривала затылки женщин в поисках черных волос Мэй.

Люди, похожие на священников, стоявшие впереди, пересекли платформу, готовясь к следующей части церемонии. Не считая скрипа старинных половиц, в комнате воцарилась мертвая тишина. Все в этом собрании вели себя очень хорошо.

Один из священников подошел к краю помоста и взял маленькую серебряную шкатулку у алтарного служки, юного паренька лет десяти. Другой священник взял у другого алтарного служки полную серебряную чашу. Похоже, пришло время для причастия.

Затем на сцену вышел мужчина. Он был одет так же, как и другие жрецы — в длинные черные одежды — но на голове вместо капюшона была маска: голова барана с торчащими вверх рогами.

Должно быть, он был кем-то вроде верховного жреца. Весь в черном, и голова барана закрывала его лицо...

Он был чертовски страшен.

Они вручили верховному жрецу серебряную чашу. Он читал какую-то молитву над чашей с, как я догадалась, вином. Хотя я не разбирала слов, я снова услышала: «Сатана».

Не нужно быть гением, чтобы понять, что это значит.

Мужская часть паствы встала, и они двинулись к центральному проходу, выстраиваясь в линию.

Я все время оглядывала женщин в поисках Мэй, но не могла ее найти. Я должна была найти ее быстро. Мне нужно было выбраться отсюда.

Мужчины-прихожане двинулись вперед по проходу, затем поднялись на платформу. Там каждый из них получил по облатке от священника, а затем отхлебнул из чаши вина от первосвященника.

Когда очередь мужчин начала сокращаться, женщины встали и выстроились в очередь позади них. Сквозь толпу женщин, я увидела копну черных волос. Мое сердце бешено заколотилось, но затем черноволосая женщина обернулась, и ее загорелое лицо показало, что она не Мэй.

На платформе я заметила девочку-подростка, выходящую на сцену. Других женщин на церемонии не было, так что мне стало интересно, что она там делает.

Несколько других молодых женщин, таких же, как первая, подошли и встали рядом с ней.

Затем каждая из молодых женщин расстегнула манжету своего платья и закатала тяжелый рукав, обнажив плоть.

Служка принес еще одну серебряную чашу одному из священников, стоявших в конце ряда женщин. Он кивнул пожилой женщине с седым пучком волос, и та положила что-то на плечо первой женщины. Она что-то связывала?

Мои глаза сфокусировались, чтобы увидеть: жгут.

Затем пухлая женщина в сером вложила что-то в руку молодой женщины.

Шприц.

Игла шприца была прикреплена к трубке, которая змеилась в серебряную чашу, которую держал алтарный служка.

Эти люди пили не вино — они пили кровь.

Черт возьми.

Лицо молодой женщины побледнело. Затем пожилая женщина вынула иглу и положила что-то туда, где была игла, ватный тампон или что-то в этом роде.

Служка передал чашу главному священнику, который раздавал жидкость прихожанам. Он взял полную чашу крови и протянул мальчику пустую. Затем мальчик отнес чашку к ряду женщин, где пожилая женщина начала брать кровь у второй девочки.

Мой желудок сжался. Это было безумие. Эти люди пили человеческую кровь! Я была рада, что не поужинала, а то бы меня вырвало.

Я должна была оставаться сосредоточенной. Я должна была найти Мэй.

Я оглядела очередь женщин, ожидающих «причастия», но ни одна из них не была похожа на Мэй. Мама была уверена, что Мэй будет здесь. И куда еще мне идти, чтобы найти ее? Все дома выглядели пустыми, и все они были одинаковыми.

Очередь женщин в проходе начала сокращаться.

Когда они закончили, служки начали убирать чаши и облатки, и все заняли свои места. Верховный жрец обошел стол и достал деревянную шкатулку.

Он открыл ее и вытащил длинный толстый хлыст.

— Аве Сатана, да пребудет с вами сила нашего великого повелителя тьмы.

— И с вами тоже, — хором ответили прихожане.

Жрец с головой барана обратился к своей пастве:

— В глазах нашего Господа, мы все грешники. И наш долг, — он сделал многозначительную паузу, — исповедаться ему в наших грехах, чтобы он простил нас, был доволен нами, и мы могли идти с ним во тьму и дальше. Хвала нашему великому Господу.

— Аминь, — ответила группа.

Прихожане внимательно слушали.

— Мы взываем к его имени, чтобы он был проявил справедливость, поскольку мы каемся за наши грехи и так угождаем нашему Господу.

Затем он начал декламировать:

— О, вы, сыны и дочери заплесневелых умов, сидящие в суде несправедливостей, причиненных мне, — Смотрите! Глас Сатаны, обещание того, кого вы называете обвинителем и Верховным судьей! Явись! Открой тайны своего творения! Будь дружелюбен к нам, ибо я такой же! Истинный поклонник высочайшего и невыразимого царя Ада.

Заклинание было похоже на то, что Мэй читала на кладбище. Я подумала, не было ли это еще одной из тех Енохианских вещей, о которых упоминал Зик.

Затем священник обратил свое внимание на очарованных слушателей:

— Кто готов исповедаться в своих грехах? — прощупывал он почву.

Несколько прихожан встали и прошаркали в центральный проход.

Первый мужчина появился в передней части комнаты. Это был мускулистый парень лет тридцати или около того, его рыжеволосая голова была низко опущена от стыда.

— Брат Илай, — ответил священник.

— Если он будет доволен, — спокойно ответил мужчина.

— Смотрите! — провозгласил верховный жрец. — Эта овца призналась... в краже!

Прихожане недовольно заворчали.

Священник продолжал:

— Он украл зерно у своих братьев. Он согрешил в глазах нашего Господа. Только Он дарует вам прощение. Ты должен искупить свою вину.

Священник сделал знак мужчине поднять рубашку. Человек последовал приказу, поднял рубашку на спине и опустил на колени у ног священника, облаченного в черные сапоги.

Затем священник поднял хлыст и сильно ударил его.

Бах!

Бах!

Все собрание без тени сочувствия наблюдало, как этого человека избивают за его грех. После нескольких ударов человек рухнул на землю в агонии.

— Посмотри в лицо своему хозяину! — потребовал верховный жрец, — Не будь трусом в глазах нашего Господа!

Собрав все оставшиеся силы, мужчина со стоном поднялся с пола и встал на четвереньки.

Священник снова ударил. По спине мужчины потекла кровь.

Мне пришлось отвести взгляд.

После того, как священник закончил, мужчина подполз к краю сцены, где сидя женщина накрыла одеялом его кровоточащую спину. Здоровый мужчина превратился в грудку дрожащих конечностей и беззвучных слез.

Когда следующий мужчина подошел к священнику, чтобы исповедаться в грехе, что-то в глубине комнаты привлекло мое внимание.

На последнем ряду на женской стороне я увидела, как кто-то вошел. Черные волосы блестели в свете свечей.

Это была Мэй.

Она была одета в длинное белое платье на бретельках, которое, возможно, было тем самым, что она надевала, чтобы изобразить Кэрри. Они наверняка накажут ее только за то, что она надела что-то такое откровенное.

Она поправила платье, готовясь направиться к центральному проходу и, вероятно, исповедаться в своих грехах. А это означало, что она получит наказание.

Я должна была остановить ее.

Было слишком далеко, чтобы окликнуть ее так, чтобы никто не услышал. Мой мозг лихорадочно обдумывал стратегию, будет ли у меня достаточно времени, чтобы проскользнуть обратно через боковую дверь и обогнуть главный вход в задней части зала.

Мэй пригладила волосы.

Я должна была добраться до нее, прежде чем она поднимется к алтарю. Я могла бы присесть, выскользнуть из-за занавески и подползти к ней из-за скамей, но это было рискованно. Что если один из этих людей поймает меня? Я видела, что они готовы сделать с людьми, которых знают, — что они сделают с такой незнакомкой, как я?

Все потемнело.

Глава

46

Сюзанна едва могла усидеть на месте — ей нужно было найти Джулс и Мэй.

Прежде чем она успела об этом подумать, она открыла дверцу машины, выставила вперед костыли и поднялась с пассажирского сиденья.

Когда холодный ночной воздух коснулся ее щек, Сюзанна посмотрела за сарай, туда, где над крышами высился церковный шпиль.

Она поплелась к нему на костылях, пробираясь по устрашающе тихим улицам.

Она проходила мимо темных домов, пока что-то не привлекло ее внимание. Сквозь щель в оконных занавесках Сюзанна что-то увидела и прислонилась лицом к оконному стеклу.

У нее отвисла челюсть:

Сквозь занавески Сюзанна увидела маленького ребенка, подвешенного вверх ногами на перевернутом кресте.

Ребенок висел в каком-то шкафу, но дверь оставалась открытой. Ноги ребенка были привязаны к верхней части креста, а руки крепились на вытянутых в стороны руках. Казалось, что ребенок был с кляпом во рту, но это было трудно сказать, потому что внутри было так темно, освещение исходило лишь от мерцающих угольков очага.

Мэй рассказывала Сюзанне об этом ритуале. Это был метод, который использовала секта, чтобы отсеять «слабых» детей, так что выживали только «сильные». Они делали это с Мэй, и у нее остались шрамы на ладонях — отвратительное напоминание о том, откуда она пришла.

Сюзанна должна была получить фотографические доказательства. Это было необходимо, чтобы построить свое дело против секты, чтобы добиться справедливости за то, что они сделали с Мэй и другими детьми. Люди должны быть наказаны за эти преступления.

Сюзанна достала телефон из кармана куртки и сделала снимок через стекло. С такого расстояния было трудно разглядеть, что это за изображение. Она попыталась увеличить изображение, но свет был слишком тусклым. Ей нужно было сделать снимок получше.

Дом выглядел пустым. Она оглядела маленькую улочку, проверяя, нет ли поблизости кого-нибудь, затем — ее сердце бешено колотилось — потянулась к ручке двери. Холодная латунная застежка...

Незаперто.

Она медленно приоткрыла дверь и, услышав лишь тишину, вошла внутрь.

Сюзанна огляделась. Там стояло несколько предметов неудобной на вид деревянной мебели. Здесь не было ни подушек, ни картин, ни фотографий. Ничего, что давало бы утешение.

В центре гостиной горела дровяная печь, горящие поленья излучали слабый свет. Сюзанна прошла мимо плиты к шкафу, где висел малыш.

Бедный мальчик висел вниз головой. Он проснулся, но не плакал. Наверное, он просто оцепенел от боли.

Глаза Сюзанны наполнились слезами.

Ей было больно, но она должна была взять его фотографию в качестве доказательства.

Сделав несколько снимков, она уставилась на мальчика. Она не могла позволить себе оставить эту бедняжку там. Ей нужно было поставить его на ноги. Но как? Она должна была вырвать гвозди из его рук; можно ли было сделать это, не причинив ему еще большей боли? Может быть, есть что-то, что она могла бы найти, чтобы ослабить гвозди? Если ей удастся вытащить его оттуда, она сможет вызвать скорую, как только они вернутся в зону действия мобильного телефона.

— Ну-ну-ну, — раздался за ее спиной грубый голос. — Все еще пытаемся спасти мир, не так ли?

Сюзанна обернулась и увидела шерифа.

Глава

47

Тихий хруст донесся до моих ушей, когда я медленно повернула голову.

У меня застучало в висках. Я попыталась найти в своем мозгу причину такой сильной боли, но не смогла ничего придумать.

Я приоткрыла глаза, но было так же темно, как и с закрытыми глазами.

На чем я остановилась?

Я пошевелила рукой, чтобы почесать лицо, но обнаружила, что она не двигается. Попробовала другой, но она тоже не поддавалась. Медленно осознала, что мои руки связаны за спиной.

Что за...

Подтянулась, чтобы сесть, и снова услышала тихий хруст. Я сидела на чем-то, похожим на кресло-мешок. Наклонив голову, я увидела только темноту, простиравшуюся высоко над головой.

Я сидела не на подушке. Я была на дне зернохранилища.

Теперь я чувствовала, что мои ноги тоже связаны. За своими ногами я заметила темную тень.

Надо мной стоял мужчина.

Мои глаза начали привыкать к темноте. Он был на несколько лет старше меня, высокий и мускулистый. Я мельком заметила отметину на его бицепсе под закатанным рукавом рубашки: пентаграмма.

— В конце концов, вы двое не так уж похожи, — заключил он, глядя на меня сверху вниз. Это был тот самый пожарный, который пытался похитить меня в лесу!

— Я понял, что ты не она, — продолжал он, — но к тому времени было уже поздно отпускать тебя. Но ты была очень быстрой.

Я не могла увидеть его лица, но то, как он произнес это, звучало так, будто он улыбался, наслаждаясь моментом силы.

— Но ты предательница, — сказал он, шагнув ко мне, его тенор был почти добрым. — Нрависься ей.

Я смогла увидеть его лицо. Красивый, квадратная челюсть, черные как смоль волосы. И зеленые глаза...

Совсем как у Мэй.

— Хаскелл, не надо.

В нескольких ярдах от меня послышался шорох. На зерне лежала еще одна фигура.

Мэй. Связанная, как и я.

Он повернулся к ней.

— И мы всегда знали, что ты вернешься. Не можешь же ты остаться в стороне. Ты знаешь, где твое место, — продолжал он, подходя к Мэй.

Он опустил на колени и взял ее лицо в ладони.

— Может быть, это потому, что ты всегда знала, что это твоя вина.

В чем же была виновата Мэй?

Мэй не ответила. Она всхлипнула в темноте.

— Ты должна была следить за ней, не так ли? Ты позволила ей утонуть прямо на твоих глазах. Ты позволила своей сестре умереть.

Должно быть, он говорил об Амелии.

— И что еще хуже, — он понизил голос почти до шепота, — ты позволила мне взять вину на себя.

Мэй не ответила. Я слышала, как она резко втягивает воздух. Она всхлипывала.

— Я получил шестьдесят шесть ударов плетью. Шестьдесят шесть... ты хоть представляешь, как это больно? Я все еще не могу спать на спине.

— Это не моя вина! — выпалила Мэй в ответ, ее голос дрожал сквозь слезы. — Она сама этого хотела. Она хотела умереть!

— Но ты позволила ей! — его голос повысился, отражаясь эхом от круглых металлических стен, — Ты позволила своей плоти и крови умереть и обвинила в этом собственного брата!

Он стоял, кипя от гнева.

— Если бы я знал тебя лучше, то не стал бы на тебя вешаться. Особенно если бы я знал, что ты собираешься предать нас всех.

Когда он шагал, под его тяжелыми сапогами хрустело зерно.

— Я собиралась сдать, Хаскелл. Вот почему я вернулась, — рассуждала Мэй.

— Хорошо, — заключил он. — Я уже несколько месяцев пытаюсь уговорить тебя вернуться. Рад, что ты наконец получил сообщение.

Значит, кто-то пытался вернуть Мэй. Ее собственный брат.

— Я знал, что рано или поздно ты вернешься. Конечно, ты вернулась на полнолуние, — ухмыльнулся он.

Мэй снова фыркнула. Я понятия не имела, что она приложила руку к смерти своей сестры. Вот почему он так ее преследовал. Если бы я знала, что это случилось в прошлом году, я бы никогда не заставила ее вернуться сейчас. Или, если подумать, не спровоцировала бы ее вообще. Чувство вины, которое я испытывала за то, что стала причиной всего этого, заставило мое тело вывернуться наизнанку. Мне ужасно хотелось уйти. Щелкнуть каблуками и убраться отсюда. Исчезнуть, чтобы этот кошмар закончился.

— Тогда почему ты не позволил мне сдать? — Мэй бросила вызов брату, — Именно это я и собиралась сделать в церкви.

— Я хотел сам привести тебя. Тогда тебе придется сказать им правду: что это не моя вина. Тогда отец наконец простит меня.

Голос Хаскелла понизился.

— Тогда я буду смотреть, как отец отдает тебе каждый удар плетью, которой он бил меня.

Интересно, был ли их отец первосвященником в церкви в маске барана? Тем, кто избил этого человека ...

— Я бы смотрел, как ты страдаешь так же, как страдал я, — осудил Хаскелл сестру, — Примешь каждый удар хлыстом, разрывающий плоть на твоей спине...

— Нет! — крикнула я, прежде чем успела остановиться, — Пожалуйста, не трогай ее.

Я знала, что это моя вина, что Мэй вернулась. Я не могу нести ответственность еще и за то, что ей причинят еще больше боли.

Хаскелл повернулся ко мне и шагнул вперед.

— Жаль, что тебе пришлось втянуть в это своего подругу, — пожурил он сестру. — Нам придется наказать и ее тоже.

Он опустил на колени и посмотрел прямо на меня. Мое сердце колотилось так

громко, что я не могла дышать.

Брат Мэй, состоящий в секте, собирался убить меня.

Мэй поднялась на колени.

— Прекрати, Хаскелл! Джулс тут ни при чем! Я та, кого ты хочешь, — заявила она. — Бери меня. Я сделаю все, что ты захочешь. Только, пожалуйста, отпусти ее.

Мэй предлагала себя за меня, рискуя своей жизнью. Хотя именно я поставила нас в такое положение. Я чувствовала, как в животе поднимается желчь, меня тошнило от того, что я сделала.

— Всегда храбрая, — цыкнул Хаскелл, покачав головой в сторону сестры. — Мама всегда говорила, что это одно из самых замечательных качеств в тебе. Но как же она ошибалась! Теперь она говорит только о том позоре, который ты навлекла на нашу семью. Какой же ты позор.

— Но я собираюсь вернуть честь, — заключил он. — Ты будешь жертвенным агнцем, чтобы исправить несправедливость. Они высекут тебя за твои грехи, а потом повесят на кресте, чтобы ты заплатила за то, что сделала. В смерти ты будешь вечно служить нашему Господу.

— А взамен они сделают меня священником, как и отца, — услышала я улыбку в его голосе. — Мама будет так горда.

Я вздрогнула. Этого не могло происходить. Они собирались убить нас обеих.

Хаскелл направился к двери в бункере.

— На твоём месте я бы воспользовался этим временем, чтобы помириться с ним. Твое время пришло... — предупреждение повисло, как последние строки проповеди, и Хаскелл позволил двери захлопнуться за собой.

Теперь, оставшись одна, я услышала, как плачет Мэй.

— Мэй! — прошептала я. — Мы должны выбраться отсюда!

— Мне так жаль, Джулс. Мне так жаль, что я втянула тебя в это...

— Это не твоя вина. Мы должны уйти...

— Да, это так. Я заслуживаю смерти. Я не заслуживаю жизни с тобой и твоей семьей. Не заслуживаю, чтобы люди были добры ко мне. Я убила свою сестру, и это мое наказание, — она всхлипнула.

— Нет! — я подскочила к ней по скользкому зерну. — Ты просто пыталась помочь, — заверила я ее. — Ты пыталась помочь своей сестре спастись от пыток и жестокости.

Я вспомнила, что говорила мне мама.

— И ее смерть не была твоей виной. Эти монстры сделали это с тобой.

Лицо Мэй повернулось ко мне.

— Неужели?

— Да. Ты должна простить себя.

Мэй покачала головой:

— Нет, я готова умереть. По крайней мере, так я смогу снова увидеть Амелию. И возможно, я смогу спасти тебя — это моя вина, что я втянула тебя в это.

Тот факт, что вся эта поездка была моей виной, висел у меня на шее, как якорь. Мне пришлось признаться. Она должна была знать правду.

— Эти белые розы на твоей кровати — я положила их туда. Это моя вина, что ты вернулась сюда сегодня вечером.

Мокрые глаза Мэй расширились.

— Ты положила их туда?

— Мне не следовало этого делать. Я была расстроена. Мне очень жаль, это все моя вина, а не твоя.

Мэй поняла это и покачала головой:

— Нет, это не так. Я разрушила все твое — твою семью, Себастьян. Я знаю, что сделала Прости. Я скопировала тебя — признаю, — продолжала она. — Хотела быть похожей на тебя. Быть в твоей семье. Рядом с тобой. Рядом со всеми вами. Ты думаешь, что твоя жизнь такая нормальная и скучная, но она особенная, Джулс. Ты даже не знаешь, что у тебя есть. Я хотела этого. Всего этого.

Наконец, это признание: что я не сумасшедшая — что Мэй пыталась завладеть моей жизнью. Наверное, я понимала, почему она это сделала, но для меня было огромным облегчением услышать, что все это было не только в моей голове.

— Спасибо тебе. За то, что сказала это.

Я оценила этот порыв, но нам нужно было сосредоточиться. Мы не знали, когда вернется Хаскелл и что он с нами сделает. Нам нужно было уходить.

— Мы должны выбраться отсюда, Мэй. Мы оба. Мама ждет в машине. Идем со мной.

Мэй не ответила. Я слышала, как она хнычет. Если мы собирались сбежать, то сейчас был наш шанс.

— Мне нужно, чтобы ты повернулась. Повернись спиной так, чтобы она была обращена ко мне.

Она не пошевелилась. Режим действия Джулс включил передачу.

— Мэй! — я чуть не закричала. — Шевелись! Мы должны это сделать!

Наконец, она начала оборачиваться. Я придвинулась к ней, и мы прижались спинами друг к другу.

— Однажды я видела это в кино. Развяжи мне руки, — потребовала я.

— Что?

— Сделай это! — прошептала-прокричала я. Уверенность превзошла мой страх. — Хаскелл вернется с минуты на минуту.

Мэй колебалась, думая о том, что брат ослабляет ее волю.

Я сделала свою последнюю мольбу.

— Мэй, сделай это для меня. Ты должна мне хотя бы попытаться.

Мэй тяжело вздохнула и повиновалась. Следуя моим указаниям, она натянула веревку вокруг моих запястий, пока я не почувствовала, что она начала ослабевать.

Я высвободила пальцы из веревок и развязала руки Мэй.

Затем мы поспешили развязать ноги. Никто из нас не произнес ни слова, наши сердца колотились так сильно, что я слышала их.

Когда наши ноги были свободны, мы встали и споткнулись о скользкое зерно. От нового движения у меня еще больше разболелась голова, но я все-таки справилась. Мы должны были выбраться из бункера.

Когда мы подошли к двери, она открылась.

Мы с Мэй присели на корточки по разные стороны двери.

Хаскелл прошел мимо нас. Он держал что-то перед своим лицом.

— Я сам его сделал, — просиял он, держа в руках «венок», который сам же и сделал, — венок из колючей проволоки.

У меня перехватило дыхание, но я кивнула Мэй через дверной проем, за спиной у

Хаскелла. Поскольку было темно, ему потребовалось бы несколько секунд, чтобы заметить, что нас там нет. Это был наш шанс.

Она кивнула в ответ, и мы...

Выскочили за дверь.

Глава 48

Невероятный ужас охватил Сюзанну, когда перед ней предстал шериф.

— Вторглась на чужую территорию, — проворчал он. — А-та-та.

Сюзанна попыталась незаметно сунуть телефон в задний карман, чтобы он этого не заметил.

— Убирайтесь, — ответила она.

Опираясь на костыли, она попыталась обойти его, но он преградил ей путь.

— Жаль, что ты получила травму. одному Господу известно, как это случилось, — сказал он, кривя губы.

— Я не хочу никаких неприятностей, — заверила Сюзанна.

— Беда, — сказал он, медленно шагнув к ней. — Это почти все, что ты причинила.

Его темные глаза смотрели на нее сверху вниз.

— У тебя есть то, что принадлежит мне.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — ответила Сюзанна, избегая смотреть ему в глаза.

— О, ты не знаешь? Что ты здесь делала? Это частная собственность.

— Этот ребенок в опасности.

Сюзанна почувствовала, как в ней поднимается гнев.

— Я как раз собирался его спускать. Привести его на первую исповедь.

Сюзанна буквально прикусила язык, чтобы удержаться от комментариев.

— Отдай мне фотографии, — потребовал он.

Она не ответила. Она огляделась вокруг, прикидывая, есть ли другой способ выбраться, кроме выхода за его спиной.

— Я видел, как ты их снимала на телефон.

— Я просто уйду и позволю тебе вернуться к своим делам.

Она сможет вызвать скорую помощь, чтобы забрать ребенка.

— Дай мне телефон, — он не спрашивал.

Ей нужны были фотографии. Это было ее доказательством — доказательством того, что эти люди издевались над детьми. Эти фотографии послужат убедительным доказательством, и в сочетании с показаниями Мэй она сможет сделать так, чтобы горожане были наказаны за жестокое обращение с детьми. Поскольку нигде в городе не было сигнала, у данных не было возможности попасть в облако — ей нужен был телефон.

— Я вежливо попросил, — предупредил он, шагнув к ней.

Она почувствовала его горячее дыхание на своей шее. Он протянул руку к заднему карману Сюзанны. Женщина шлепнула его по руке костылем. Шериф хихикнул.

— А вы дерзкая дамочка.

Сюзанна протянула костыль и попыталась оттолкнуть его, но он схватил его за конец и дернул, выводя Сюзанну из равновесия.

Она упала на пол у его ног.

Застонав, ударившись о твердое дерево, она почувствовала, как ее лодыжка задержалась в гипсе — падение сделало ее рану еще более болезненной.

Она заставила себя встать на четвереньки, стараясь не давить на раненую лодыжку, и поползла прочь от него.

Стук! Она снова рухнула на землю — он потянул ее за ногу.

Он снова рассмеялся.

Теперь, лежа на животе, Сюзанна отчаянно замахивалась на него здоровой ногой. Вдруг она услышала лязг металла.

Она задела своей туфлей кочерги, стоявшие рядом с камином.

Теперь она почувствовала его вес на себе. Она попыталась высвободиться, но он перевернул ее на правый бок. Он склонился над ней и одной рукой прижал ее запястья к полу над головой.

Она смотрела в его темные глаза, боясь того, что он может сделать дальше.

Свободной рукой он дотянулся до ее поясницы и сунул руку в задний карман джинсов.

Она задохнулась от прикосновения его руки к своему телу.

Он вытащил телефон из-под нее.

Все еще стоя на коленях, он отпустил ее руки и открыл дверцу дровяной печи, чтобы бросить туда телефон. Сюзанна замахнулась на него кулаками, но это было бесполезно.

Он бросил ее телефон в огонь.

— Нет! — закричала Сюзанна, увидев, как ее драгоценные фотографии тают в алом пламени.

— Сейчас, — сказал он, глядя на нее сверху вниз, — Что мне с тобой делать?

Сюзанна была парализована страхом. Затем ее прошлое нахлынуло на нее: вспышки побоев отца, тщетные попытки матери оторвать его от себя, рыдания брата в углу.

— Пора научить тебя не вмешиваться в чужие дела.

Он потянулся к толстому кожаному ремню на поясе.

Тело Сюзанны наполнилось ужасом, гневом, яростью.

Он расстегнул ремень и вытащил его из брюк.

ТУАНК!

Глаза шерифа широко распахнулись, челюсть отвисла. Он растерянно посмотрел на свою грудь.

Темно-красная струйка сочилась из середины его рубашки, кровавое пятно расплывалось по краям расстегнутой куртки. Его лицо исказилось от ужаса, когда он увидел:

Из его груди торчал тонкий металлический стержень.

Сюзанна пронзила его огненной кочергой.

Глава 49

— **СЮДА!** — прошептала Мэй, когда мы выскочили из бункера.

Я последовала за ней через склад, который был прикреплен к силосу, так быстро, как только мои ноги могли нести меня.

Большой сарай был недалеко, но мы должны были добраться туда очень быстро, потому что Хаскелл уже шел за нами.

Проходя мимо тяжелой техники, используемой для переработки зерна, мы дошли до конца склада. Он соединялся с другим зданием — длинным сараем с рядами спящих коров в стойлах. Я увидела, что животные были заклеены, с пятиконечными звездами на задних лапах.

Я проковыляла в дальний конец сарая, где, как я была уверен, стояла машина.

Мы промчались через пахучий сарай, когда тяжелые шаги загрохотали позади нас,

приближаясь.

Близко.

Я достаточно часто смотрела «С севера на северо-запад», где человека преследовал кукурузник, чтобы понять, что невозможно обогнать то, что больше и быстрее тебя. Мне нужно было что-то придумать.

Пробегая мимо стойл, я посмотрела направо и увидела отверстие, которое вело к другому, параллельному ряду стойл. Я быстро схватила Мэй за руку и нырнула за угол проема на другую сторону, за груды ящиков.

Мое сердце билось так сильно, что я думала, оно взорвется.

Мы с Мэй стояли на коленях рядом друг с другом. Она повернулась ко мне, и наши взгляды встретились. Мой гнев по отношению к ней, мое разочарование растаяли. Она была готова отдать за меня свою жизнь. А несколько месяцев назад я меньше всего на свете думала, что буду спасать беглянку из разгневанной секты. Хоть и страшно, как в аду, но это было волнующе. Время, проведенное с Мэй, и все, через что я прошла в школе, заставили меня быть смелее, действовать активнее, и вот я стала этим новым человеком. Может, я и не доживу до завтра, но я горжусь новой Джулс.

Тяжелые шаги Хаскелла метнулись из-за угла в нашу сторону.

И затем.

Мимо нас.

У меня была миллисекунда облегчения. Если бы мы вернулись к проходу, в котором находились, и не высовывались, то, надеюсь, смогли бы выбраться из сарая так, чтобы он нас не заметил.

Я молилась Богу, чтобы моя мама завела машину.

Мэй выглянула из-за края ящиков и увидела, что Хаскелл уже достаточно далеко от нас, чтобы бежать. Теперь, когда он оказался во втором проходе, мы прокрались обратно к первому. Пригнувшись, мы помчались вдоль ряда, стараясь не поскользнуться на мокрых кучах коровьего дерьма и не разбудить коров.

Когда мы добрались до дальнего конца сарая, там была тяжелая дверь. Бросив взгляд направо, я увидела Хаскелла, озиравшегося в другом проходе. Нам придется открыть старую деревянную дверь, чтобы выйти, а он наверняка услышит. Мы должны были сделать это быстро и мчаться к машине, прежде чем до него дойдет, откуда раздается шум.

Мы с Мэй встретились взглядами, потом посмотрели на дверь. Она быстро повернула ручку и распахнула дверь.

Она громко скрипнула, заставив Хаскелла повернуться к нам. Мы выбежали из сарая...

Пустой грязный участок, ни одной машины.

Я была уверена, что мы припарковались именно здесь. Мама должна быть здесь!

— Она должна быть здесь! — я тяжело дышала.

Неужели моя мать бросила нас? Куда же она ушла? Как мы должны были выбраться отсюда? Хаскелл проберется к нам раньше, чем мы успеем...

«*Стук, стук, стук*», — раздался грохот его тяжелых сапог.

Мы с Мэй повернулись к нему. Увидев нас, он улыбнулся и остановился, чтобы перевести дыхание. Он держал корону из колючей проволоки.

Черт, черт, черт. А где мама? Как мы выберемся отсюда? Нам придется бежать в лес и двигаться к шоссе. Может быть, там мы сможем добраться до безопасного места, прежде чем Хаскелл догонит нас.

Я кивнула в сторону деревьев, и она кивнула в ответ, молча соглашаясь направиться к шоссе. Мы бросились бежать.

Проревел микроавтобус тети Айзека.

Машина свернула за угол сарая, за рулем сидела моя мать.

Мама остановила машину прямо перед нами. Хаскелл приближался. Я метнулась открывать дверь до того, как автомобиль перестал двигаться. Мы с Мэй залетели в машину.

— Давай! Давай! Давай! — закричала я.

Как только я захлопнула дверь, мы умчались на микроавтобусе. Кусочек фигуры Хаскелла — всего в нескольких ярдах от нас — исчез, когда дверь фургона захлопнулась.

Мы помчались по грунтовой дороге так быстро, как только мог ехать микроавтобус, и выскочили на шоссе.

Когда мы умчались прочь, мимо нас пронеслись скулящие полицейские машины, направляясь в Тисдейл.

Эпилог

— Белое или темное?

Нож поблескивал в свете свечей, ожидая, когда я сделаю свой выбор.

— Темное мясо, пожалуйста, — попросила я маму, которая тут же принялась отрезать для меня ножку от индейки.

Это был наш традиционный обед на День Благодарения, который был одним из моих любимых праздников, потому что он вращался вокруг еды. И я была рада, что у меня есть несколько дней отдыха от школы, чтобы расслабиться и пересмотреть столько классических фильмов, сколько я хочу.

— Мэриэнн, что я могу предложить? — спросила моя мама, теперь ковыляющая в бинтах, нашу гостью.

— О, я буду белое, пожалуйста, — сказала женщина бархатисто-мягким голосом.

На ней была белая шелковая блузка и длинная темно-бордовая шерстяная юбка, которая мне очень понравилась.

— Оливер, а что насчет тебя?

Муж Мэриэнн выбрал то же самое. Его коричневый твидовый пиджак и брюки цвета хаки были респектабельным сочетанием, выглаженные донельзя.

Молодая пара присоединилась к нам за ужином. Мама пригласила их, так как они собирались стать новыми приемными родителями Мэй, и мне было любопытно познакомиться с ними.

— Мэй любит индейку, — сообщила им мама.

Мэриэнн растянула губы в улыбке:

— Это очень приятно узнать. Я хочу узнать все, что тебе нравится, — сказала она, глядя на Мэй.

Несмотря на то, что это все было хорошо, чувствовался некий перебор.

Но Мэй казалась взволнованной тем, что у нее появилась новая семья, и счастливой оттого, что они хотят взять ее на воспитание и, надеюсь, в конце концов усыновят. Хотя, конечно, ей было грустно расставаться и с нами, и с Ремингемом.

— Нас будут разделять несколько часов дороги, — попыталась я смягчить удар от переезда. — И мы можем общаться по видеочату.

Я ухмыльнулась, осознавая, что именно я показала Мэй, как им пользоваться.

Была расстроена, что она уезжает, но я знала, что для нее было бы хорошо уехать

подальше от Тисдейла, но оставаясь в штате из-за законов о приемных семьях.

И это также было бы хорошо для моей семьи. События последних нескольких месяцев вызвали у нас большое напряжение, и я была рада, что мы снова можем быть вместе, чтобы снова стать дружной семьей.

Хотя я буду скучать по ней, уход Мэй был своего рода облегчением.

— Передай сотейник, Джулс, — попросила Дэни.

Я протянула ей тарелку с зелеными бобами. Запах хрустящего лука сверху доносился до моего носа, пробуждая аппетит.

— Оставь немного остальным, — огрызнулась Хелен на Дэни, накладывая себе на тарелку зеленую фасоль.

— Джулс, ты не могла бы добавить сюда немного подливки? — попросил папа, протягивая свою тарелку, заваленную начинкой.

Я была рада, что он снова живет в нашем доме. Было намного лучше, когда мои родители вернулись к нормальной жизни.

— Мэй, ты хочешь светлого мяса или темного? — предложила моя мама.

Мэй посмотрела на гигантскую индейку на столе.

— Белого, пожалуйста. Спасибо, Сюзанна, — улыбнулась она.

— Мэй, мы покрасили твою комнату в лавандовый цвет, — усмехнулась Мэриэнн. — Это твой любимый цвет, да?

— Да, — кивнула Мэй. — Спасибо вам!

— И записали в местную школу. Дочь моего друга из церкви собирается показать тебе окрестности, — добавил Оливер, довольный собой.

— Звучит заманчиво, — ответила Мэй, потягивая имбирный эль.

— Так у вас есть другие дети? — спросил папа у парочки, накладывая себе в тарелку картофельное пюре.

Мэриэнн и Оливер переглянулись.

— Нет, — печально ответила она. — Я не могу иметь детей.

Оливер положил руку на ногу жены. Я заметила, что его рука упала довольно высоко на ее бедро, потому что присутствовали другие люди.

Мне было жаль, что у них не может быть своих детей. Но тогда, будучи молодой парой, почему они решили усыновить Мэй? Разве они не хотят ребенка, чтобы вырастить его как своего собственного?

— Вот почему мы так счастливы, что у нас есть Мэй, — ответил Оливер, с улыбкой поворачиваясь к Мэй.

Мэй была счастлива, когда познакомилась с этой парой — они с мамой несколько раз ездили к ним, чтобы убедиться, что они подходят друг другу. Теперь все бумаги были наконец подписаны, и после нашей трапезы они собирались увезти Мэй в ее новый дом.

Но я не могла избавиться от ощущения, что в них есть что-то странное.

— Мэриэнн, передайте подливку, пожалуйста, — попросила мама, очень любезно обращаясь к нашей гостье.

— Конечно, — ответила Мэриэнн, потянувшись за фарфоровой посудой.

Когда Мэриэнн протянула тонкую руку, чтобы поднять соусник, ее рукав рубашки поднялся, открывая маленькую татуировку на запястье с изящными буквами: «о.т.о.»

Это была странная комбинация букв. Интересно, это чьи-то инициалы или что-то другое? Но я отмахнулась от дурацких мыслей и наслаждалась остатком трапезы со своей

семьей.

Когда мы закончили, Оливер и папа погрузили вещи Мэй в машину молодой пары. Я все еще думала, что в них есть что-то странное, но, возможно, мне было просто грустно, что Мэй уезжает. Прощаться с ней было тяжело, особенно после всего, через что мы прошли. Однако я знала, что ей лучше начать все сначала где-нибудь в другом месте.

Когда все ее вещи были упакованы, и машина тронулась, я обняла Мэй.

— Будь на связи каждую секунду, ладно?— заставила я ее дать обещание.

— Клянусь Пинки, — усмехнулась она в ответ.

Потом она помчалась по нашей каменной дорожке к машине своих новых приемных родителей.

Запрыгнув внутрь, она послала мне воздушный поцелуй. Я послала ответный и помахала рукой.

И с этими словами Мэй отправилась в свою новую жизнь.

А я вернулась к своей.

Больше книг на сайте - Knigoed.net